

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Краснодарского
университета
МВД России

2 0 2 5

№ 1
(67)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Осипенко А.Л., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Булгаков О.М., доктор технических наук, профессор, первый заместитель начальника Краснодарского университета МВД России;

Вишневецкий К.В., доктор юридических наук, профессор, начальник управления учебно-методической работы Краснодарского университета МВД России;

Генрих Н.В., доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия;

Гусев А.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России;

Данильян А.С., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России;

Денисенко В.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России;

Железняк Н.С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Иванцов С.В., доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Игнатов А.Н., доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Карнаушенко Л.В., доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Лебедев С.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Osipenko A.L., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL BOARD:

Bulgakov O.M., Doctor of Technics, Professor, First Deputy Head of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Vishnevetsky K.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Educational and Methodical Work, Krasnodar University of the Russian MIA;

Genrih N.V., Doctor of Law, Professor, North-Caucasus branch of the Russian State University of Justice;

Gusev A.V., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Science, Krasnodar University of the Russian MIA;

Danilyan A.S., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Krasnodar University of the Russian MIA;

Denisenko V.V., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Russian MIA;

Zhelezniak N.S., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Russian MIA;

Zherebtsov A.N., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies, Krasnodar University of the Russian MIA;

Ivantsov S.V., Doctor of Law, Professor, Kikot Moscow University of the Russian MIA;

Ignatov A.N., Doctor of Law, Professor, Kikot Moscow University of the Russian MIA;

Karnaushenko L.V., Doctor of History, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Krasnodar University of the Russian MIA;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Lebedev S.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Kosygin State University of Russia;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Мещеряков В.А., доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет;

Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Образжиев К.В., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет;

Рыдченко К.Д., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Соловьев В.С., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Таганова А.А., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России;

Труфанов М.Е., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Яблонский И.В., кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России.

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Mesheryakov V.A., Doctor of Law, Professor, Voronezh State University;

Nizhnik N.S., Doctor of Law, Professor, Saint Petersburg University of the Russian MIA;

Obrazhiev K.V., Doctor of Law, Professor, Kutafin Moscow State Law University;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Rudenko A.V., Doctor of Law, Associate Professor, Kuban State University;

Rydchenko K.D., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies, Krasnodar University of the Russian MIA;

Solovev V.S., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Russian MIA;

Taganova A.A., Candidate of Psychologies, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Krasnodar University of the Russian MIA;

Truphanov M.E., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies, Krasnodar University of the Russian MIA;

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Yablonsky I.V., Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Russian MIA.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Каснова М.С., Маслиенко М.А. Общесоциальное предупреждение внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних

Лисаускайте В.В. Мародерство: особенности признаков объективной стороны и проблема их установления

Кузнецова М.Д. Субъективная сторона мошенничества при получении выплат в российском уголовном законодательстве

Пушкова Н.В. Социально-демографическая характеристика несовершеннолетней жертвы вовлечения в экстремистскую деятельность

Смирнова А.С. Проблемы установления субъективной стороны преступления, предусмотренного частью 1 статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Дружинкин Н.С. О «полноте» процессуального статуса прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением

КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Железняк Н.С. Циркуляция оперативно значимой информации в профессиональном государственном сыске

Легостаев В.П. Организационные и правовые проблемы розыска лиц, находящихся под административным надзором

Симоненко Д.А. Привлечение представителей общественных организаций к оказанию конфиденциального содействия оперативным подразделениям органов внутренних дел

Каунов А.М. Наиболее эффективные типовые тактические приемы, используемые при расследовании преступлений в сфере незаконной миграции

ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Омельченко В.А., Еремченко В.И. Об оценке корректности механизма отнесения α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к наркотическому средству (по материалам ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю)

Логачева Е.Ю. О методических подходах к технико-криминалистическому исследованию обесцвеченных рукописных реквизитов, выполненных термохромными материалами письма

6 CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

6 Kasnova M.S., Maslienko M.A. General social prevention of domestic violence against minors

11 Lisauskaite V.V. Looting: features of the signs of the objective side and the problem of their establishment

17 Kuznetsova M.D. The subjective side of fraud in receiving payments in Russian criminal law

21 Pushkova N.V. Socio-demographic characteristics of juvenile victim of involvement in extremist activities

27 Smirnova A.S. Problems of establishing the subjective side of the crime provided for in part 1 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation

35 CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

35 Druzhinkin N.S. On the "completeness" of the procedural status of the prosecutor in the case filed with the indictment

42 CRIMINALISTICS, OPERATIVE- INVESTIGATIVE ACTIVITY

42 Zhelezniak N.S. Circulation of operationally significant information in professional state investigation

47 Legostaev V.P. Organizational and legal problems of searching for persons under administrative supervision

51 Simonenko D.A. Involvement of representatives of public organizations in providing confidential assistance to operational units of internal affairs bodies

55 Kaunov A.M. The most effective typical tactics used in investigating crimes in the field of illegal migration

61 EXPERT ACTIVITY

61 Omelchenko V.A., Eremchenko V.I. On assessing the correctness of the mechanism for classifying α -pyrrolidinovalerophenone (α -PVP) as a narcotic drug (based on the materials of the Forensic Science Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Krasnodar Territory)

66 Logacheva E.Ju. About methodological approaches to the technical and forensic exploration of discolored handwritten details made with thermochromic writing materials

<i>Иванов А.В.</i> Информационные отметки на объектах, имеющих криминалистическое значение: основные понятия и классификация	71	<i>Ivanov A.V.</i> Information marks on objects of criminalistics significance basic: concepts and classification	71
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	77	ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS	77
<i>Вечерникова Д.В., Каданина А.В.</i> О привлечении к ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан	77	<i>Vechernikova D.V., Kadanina A.V.</i> About bringing to justice for public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens	77
<i>Должникова Е.В.</i> Признаки и содержание административной ответственности за побои	83	<i>Dolzhenikova E.V.</i> Signs and content of administrative liability for beatings	83
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	87	THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE	87
<i>Карнаушенко Л.В.</i> Эмпирическая оценка правового сознания граждан: некоторые проблемные аспекты	87	<i>Karnaushenko L.V.</i> Empirical assessment of the legal consciousness of citizens: some problematic aspects	87
<i>Жуланов А.В., Самарский А.Н.</i> Борьба с терроризмом в России: историко-правовой обзор	92	<i>Zhulanov A.V. A.N. Samarski</i> The fight against terrorism in Russia: historical and legal review	92
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	97	MODERN PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION	97
<i>Булгаков О.М., Гривенная Е.Н., Дедикова А.О.</i> К вопросу об установлении пороговых значений и диапазонов баллов оценок знаний компьютерными тестами	97	<i>Bulgakov O.M., Grivennaya E.N., Dedikova A.O.</i> The matter of establishing threshold values and scores ranges for knowledge assessment by computer tests	97
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	102	TO CONSIDERATION OF AUTHORS	102

Каснова Мария Сергеевна
Маслиенко Мария Александровна

Общесоциальное предупреждение внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних

Анализируется понятие насилия, применяемого к несовершеннолетним в семье, раскрываются его основные виды. Рассматривается психическое воздействие на несовершеннолетнего внутри семьи, выявляются трудности доказывания такого факта. Предлагаются меры общесоциального предупреждения семейного насилия в отношении несовершеннолетнего.

Ключевые слова: насилие в семье в отношении несовершеннолетнего, воспитание, психическое воздействие, семейные отношения, домашнее насилие, жестокое обращение, пренебрежительное отношение.

General social prevention of domestic violence against minors

The article presents the concept of violence used against minors in the family and reveals its main types. The psychological impact on a minor in the family and the difficulties of proving such a fact are considered, measures for the general social prevention of violence against minors in the family are proposed.

Keywords: domestic violence against a minor, upbringing, mental impact, family relations, domestic violence, domestic abuse, neglect.

В Российской Федерации детство признается важным этапом развития человека, в связи с чем особое внимание уделяется созданию безопасных условий для реализации прав и законных интересов ребенка, подготовке детей к полноценной жизни в обществе, их защите от факторов, негативно влияющих на физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие [1]. Важность поддержки традиционных семейных ценностей неоднократно подчеркивалась руководителями нашего государства. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2024 г. В.В. Путин прямо указал: «Поддержка семей с детьми – наш фундаментальный нравственный выбор. Большая многодетная семья должна стать нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии» [2].

В настоящее время отмечается необходимость охраны семьи от различных негативных социальных явлений, к которым, в частности, относятся насильственные преступные посягательства в отношении несовершеннолетних.

В 2023 г. количество жертв среди несовершеннолетних в результате совершения преступлений составило 107 925 [3]. Практически не уменьшается число преступных посягательств в отношении несовершеннолетних в семьях.

В 2023 г. их совершено 4 846 (без учета преступлений, связанных с уклонением от уплаты алиментов), а количество преступлений по ст. 157 УК РФ составляет 51 877. В специальной литературе подчеркивается, что наибольший вред несовершеннолетним причиняют родители [4, с. 12]. Кроме того, в 2023 г. зафиксированы самые низкие показатели рождаемости с 1999 г. [5].

Приведенные данные указывают на социально-политическую значимость проблемы внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних. Защита детей от насильственных посягательств названа одной из главных задач государства.

Само понятие насилия не имеет точного определения, кроме того, факт совершения таких действий в семье в отношении несовершеннолетних достаточно трудно установить.

Стоит пояснить, что в настоящей статье рассматривается любое проявление семейного насилия в отношении несовершеннолетнего, в том числе в воспитательных целях. Тожественными являются понятия «жестокое обращение», «применение насилия», «домашнее насилие».

Следует отметить, что рассматриваемый термин используется во многих отраслях научного знания – от философии до уголовного

права. В различных науках насилие понимается по-своему, независимо от трактовок, предлагаемых смежными отраслями.

В.Н. Кудрявцев и А.В. Наумов [6, с. 7] утверждают, что криминологически значимым является любое насилие – криминализированное и некриминализированное. Однако на практике привлекают к ответственности только за криминализированное насилие.

В России ответственность наступает за физическое и психическое насилие. Если физическое насилие подпадает под определенную оценку (когда есть последствия в виде травм), то с психическим (эмоциональным) разобраться сложнее. По утверждению психологов [7, с. 22], оно сопровождается и все другие виды насилия: физическое, сексуальное, пренебрежение потребностями. Однако психическое насилие может быть и самостоятельной формой жестокого обращения, при этом полученные в его ходе травмы диагностировать затруднительно.

Как предмет научного исследования жестокое обращение с детьми нелегко поддается объективному изучению. Выявление факта психологического насилия над ребенком осложнено для специалиста. Субъективность взглядов участников ситуации, эмоциональное состояние ребенка и часто непонимание самого факта жестокости (насилия) по отношению к ребенку составляют лишь малую часть проблем при определении факта совершения психического насилия в отношении несовершеннолетнего.

Определение эмоционального насилия в отношении ребенка в семье дает доктор Д. Иванец: «...враждебное или безразличное поведение родителей, которое вредит самооценке ребенка, подрывает его веру в себя и свои достижения, препятствует его чувству принадлежности, здоровому и активному развитию, лишает его благополучия» [8, р. 14].

Безразличное поведение также является оценочным критерием, вызывающим сложности при доказывании.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что насилие – это социально-правовое явление, которое не ограничивается уголовным законом, так как не любое насилие образует состав преступления, однако, вступая в противоречие с общепризнанными нормами поведения, все же образует предпосылки для появления насильственной преступности. Поэтому традиционный (уголовно-правовой) подход к пониманию насилия сложно применить к семейным отношениям, тем более если это касается несовершеннолетнего.

Особенности развития психики несовершеннолетнего и роль в этом родителя или лица, его заменяющего, имеют определяющее значение. С одной стороны, на родителях лежит ответственность за формирование правильного представления о ценностях и закономерностях развития общества, с другой – есть законодательное требование об осуществлении этого процесса в интересах ребенка и с соблюдением его прав.

Наличие специфических отношений внутри семьи – основная причина выделения насилия рассматриваемого вида в отдельную категорию. В силу родства между жертвой и преступником, ограниченного доступа общественности, отсутствия отдельного закона о домашнем насилии и других факторов решение данной проблемы затруднительно. Взгляды специалистов, занимающихся этим вопросом, разделились: одни утверждают, что закон о семейном насилии необходим; другие убеждены, что возникающие в процессе семейных отношений вопросы можно урегулировать иными федеральными законами (УК РФ, КоАП РФ, СК РФ).

Ввиду особенностей личности, ее индивидуальности воспитание не может быть универсальным. Так, в некоторых семьях под воспитанием понимается и физическое наказание. С позиции закона такой способ воспитания может быть признан противоправным, а с точки зрения общества – допустимым при определенных условиях.

В СК РФ не определены способы воспитания, но указано, как не должен вести себя родитель. В ч. 1 ст. 65 СК РФ закреплено, что способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей.

Анализ судебной практики показывает, что привлечь к ответственности родителей (законных представителей) довольно сложно, даже при наступлении последствий от такого воспитания (ушибов, ссадин и т.п.). Психическое воздействие на несовершеннолетнего, оказываемое в семье, еще более затруднительно для доказывания.

Насилие всегда представляет собой следствие определенных событий, которые его провоцируют. Неважно, явилось насилие способом или средством для достижения цели, факт его применения должен пресекаться, придаваться огласке, порицанию и наказываться в соответствии с действующим законодательством.

Говоря о предупреждении внутрисемейного насилия, невозможно не упомянуть причины

такого негативного явления. Отметим, что выделение какой-либо одной главенствующей причины было бы не верным направлением на пути к предупреждению исследуемого явления.

В криминологической теории к проблемам причинности регулярно обращались ведущие отечественные криминологи. Так, Г.А. Аванесов [9], выделяя причины преступности в особую категорию, обозначил ее «вечной». В свою очередь, В.Н. Кудрявцев [10, с. 84] указывал, что причинами правонарушений являются несогласование внутри общества, классов, малых социальных групп. На фоне недостатков системы противостояния этим причинам происходит их самодетерминация. Я.И. Гишинский в качестве причин преступности видит социальное неравенство [11]. Нельзя не согласиться с Б.В. Волженкиным [12, с. 82] в том, что в основе совершения преступления лежат негативные свойства личности.

Исходя из концепции причинности, разработанной российскими криминологами, где исследованы и учтены многие факторы, оказывающие влияние на преступность, можно сделать вывод, что необходимо направить усилия на их устранение. Предпочтение стоит отдать общесоциальной профилактике. Данная позиция озвучена в том числе МВД России [13]. Решение проблемы домашнего насилия должно иметь комплексный социальный подход с привлечением специалистов разных сфер.

Предупреждение внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних, по мнению Ю.В. Зарьяновой [14, с. 203], осуществляется путем проведения крупномасштабных мероприятий, развивающих общество во всех сферах. Такие мероприятия целесообразно планировать и включать в соответствующие программы поддержки семей.

Общесоциальными мерами предупреждения могут являться как государственные, так и общественные мероприятия, улучшающие благосостояние граждан.

Общесоциальное предупреждение преступности достигает своего результата опосредованно в процессе совершенствования всей системы общественных отношений, поэтому любые государственные программы, разрабатываемые и реализуемые для разрешения социальных противоречий, безусловно, положительно влияют на предупреждение преступности [15].

Так, в докладе о деятельности уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка поставлены задачи на 2024 г.: развивать просветительские программы и проводить разъяснительные кампании, направленные на

повышение родительской компетентности и информирование о возможностях получения помощи; разработать единую методологию для проведения диагностики и профилактической работы с несовершеннолетними в кризисном состоянии. В п. 116 разд. VII плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г., утвержденно распоряжением Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р (далее – план), указаны «выявление и тиражирование эффективных социальных практик профилактики жестокого обращения с детьми, реабилитации детей, пострадавших от жестокого обращения и преступных посягательств...». До конца 2024 г. должны быть реализованы следующие виды помощи детям и родителям: «...обеспечено развитие региональных социальных служб помощи детям в ситуациях насильственных проявлений и семьям, их воспитывающим, специальных программ выявления случаев насильственных проявлений детьми и по отношению к детям; обеспечена реабилитация несовершеннолетних, пострадавших от жестокого обращения и преступных посягательств, в том числе сексуального характера...».

Исходя из цели и задач плана, необходимо модернизировать методы воспитания. Важно донести до родителей, что любое насилие предполагает последствия, которые проявляются в дальнейшем формировании у детей подобного способа взаимодействия с другими членами общества. Таким образом происходит самодетерминация насилия.

Следует начинать с изменения отношения к жестокому обращению с детьми, порицания таких методов воспитания. Помощь родителям и ребенку должна иметь преимущество в этом вопросе. Вместе с тем необходимо ориентирование специалистов социального профиля на формирование в обществе непримиримого отношения к семейно-бытовому насилию, поддержание семейного благополучия, здорового климата в семье, а также направление дополнительных усилий на социальные аспекты работы как с жертвами насилия, так и с лицами, допускающими подобные деяния. Исходя из этого, в обучающие программы в рамках общего предупреждения преступности, случаев внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних следует включить:

- 1) психолого-педагогическое просвещение родителей;
- 2) обучение навыкам воспитания детей;
- 3) обязательность прохождения таких программ для лиц, впервые собирающихся стать родителями;

- 4) совместные занятия «родитель – ребенок»;
- 5) экзамен по завершении обучения, позволяющий оценить уровень компетенции родителей.

Это будет способствовать формированию нормальных взаимоотношений внутри семей. После освоения таких программ родителями (будущими родителями) у специалистов появится исходная информация, которая позволит дорабатывать и совершенствовать новые программы. Необходимо отметить, что разработка таких программ должна учитывать особенности региона с его детерминантами. Это поможет сделать процесс по воспитанию детей в семьях более прозрачным и открытым. Более того, посредством таких программ станет проще выявлять людей с деструктивными наклонностями (садистов, педофилов, лиц, страдающих зависимостями, и др.), что позволит

сформировать «группу риска», представители которой должны будут подвергаться дополнительным обследованиям. В состав комиссии, участвующей в разработке подобных программ, оценивающей результаты их освоения и выявляющей лиц, нуждающихся в дополнительных обследованиях, должны входить эксперты из разных сфер. Поскольку медицинские работники в большей степени привлекают внимание общественности к проблеме жестокого обращения с детьми и насилия над ними, в комиссию должны входить психологи, психотерапевты и другие узкопрофильные специалисты медицинских организаций. Предложенные программы помогут в продвижении семейно ориентированного подхода, развитию ценностей безопасного детства без насилия и жестокости, а также позволят сформировать навыки конструктивного родительства.

1. О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 17 мая 2023 г. № 358. URL: <https://study.garant.ru> (дата обращения: 28.08.2024).

2. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февр. 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://study.garant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).

3. ЕМИИС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36198> (дата обращения: 20.07.2024).

4. Симоненко А.В., Соловьев В.С. Криминологический анализ показателей виктимизации российского общества // Общество и право. 2023. № 4. С. 8–14.

5. Росстат зафиксировал в 2023 году антирекорд по числу родившихся в Российской Федерации с 1999 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).

6. Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997.

7. Насилие в отношении детей. Работа с семьей и ребенком: монография (пособие для электронного учебно-методического комплекса) / под ред. Е.Г. Дозорцевой, Г.В. Семья. М., 2022.

8. Iwaniec D. *The emotionally abused and neglected child: identification, assessment and intervention*. New York, 1996.

9. Аванесов Г.А. *Преступность и социальные сословия: криминологические рассуждения*. М., 2017.

1. *On the strategy of comprehensive child safety in the Russian Federation for the period up to 2030 [Web resource]: decree of the President of the Russian Federation d.d. May 17, 2023 No 358. URL: <https://study.garant.ru> (date of access: 28.08.2024).*

2. *Message of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation d.d. Febr. 29, 2024 [Web resource]. URL: <https://study.garant.ru> (date of access: 20.07.2024).*

3. *Unified interdepartmental information and statistical system. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36198> (date of access: 20.07.2024).*

4. *Simonenko A.V., Solovyov V.S. Criminological analysis of indicators of victimization of Russian society // Society and law. 2023. No 4. P. 8–14.*

5. *Rosstat recorded in 2023 an anti-record for the number of births in the Russian Federation since 1999 [Web resource]. URL: <https://www.kommersant.ru> (date of access: 20.07.2024).*

6. *Violent crime / ed. by V.N. Kudryavtsev, A.V. Naumov. Moscow, 1997.*

7. *Violence against children. Working with family and child: monograph (manual for an electronic educational and methodological complex) / ed. by E.G. Dozortsev, G.V. Semya. Moscow, 2022.*

8. *Iwaniec D. The emotionally abused and neglected child: identification, assessment and intervention. New York, 1996.*

9. *Avanesov G.A. Crime and social classes: criminological reasoning. Moscow, 2017.*

10. *Kudryavtsev V.N. Crime and mores of a transitional society. Moscow, 2002.*

10. Кудрявцев В.Н. *Преступность и нравы переходного общества*. М., 2002.
11. Гилинский Я.И. *Криминология постмодерна (неокриминология)*. СПб., 2021.
12. Волженкин Б.В. *Детерминистическая концепция преступного поведения // Советское государство и право*. 1971. № 2. С. 82–87.
13. *МВД не собирает статистику отказов в возбуждении дел по домашнему насилию [Электронный ресурс]*. URL: <https://vk.com/operobzor> (дата обращения: 28.08.2024).
14. Зарьянова Ю.В. *Криминологическая характеристика насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи и его предупреждение (по материалам Южно-Сибирского региона): дис. ... канд. юрид. наук*. Абакан, 2017.
15. *Криминология и предупреждение преступлений: учеб.* / Р.М. Абызов, В.М. Алиев, Д.И. Аминов и др.; под общ. ред. В.И. Гладких. М., 2019.
11. Gilinsky Ya.I. *Criminology of postmodernity (neocriminology)*. St. Petersburg, 2021.
12. Volzhenkin B.V. *Deterministic concept of criminal behavior // Soviet state and law*. 1971. No 2. P. 82–87.
13. *The Ministry of Internal Affairs does not collect statistics on refusals to initiate cases of domestic violence [Web resource]*. URL: <https://vk.com/operobzor> (date of access: 28.08.2024).
14. Zaryanova Yu.V. *Criminological characteristics of violence against underage family members and its prevention (based on materials from the South Siberian region): diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence*. Abakan, 2017.
15. *Criminology and crime prevention: textbook* / R.M. Abyzov, V.M. Aliyev, D.I. Aminov et al.; ed. by V.I. Gladkikh. Moscow, 2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Каснова Мария Сергеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: mariya_iv23@mail.ru;

Маслиенко Мария Александровна, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина; e-mail: maslienkoma@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

M.S. Kasnova, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mariya_iv23@mail.ru;

M.A. Maslienko, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: maslienkoma@mail.ru

---

Мародерство: особенности признаков объективной стороны и проблема их установления

Анализируются признаки объективной стороны преступления, регламентированного ст. 356.1 УК РФ. Исследуются особенности характеристики общественно опасного деяния, общественно опасных последствий, обстановки как обязательных признаков состава преступления. Особое внимание уделяется специфике понимания отсылочных и бланкетных норм и проблематике их применения на практике.

Ключевые слова: мародерство, военные преступления, хищение, обстановка вооруженного конфликта, военное время, военное положение, боевые действия.

Looting: features of the signs of the objective side and the problem of their establishment

The article analyzes the features of the objective side of the crime regulated by art. 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The features of the characteristics of a socially dangerous act, socially dangerous consequences, and the situation as mandatory features of the crime are studied. Particular attention is paid to the specifics of understanding referral and blanket norms and the problems of their application in practice.

Keywords: looting, war crimes, theft, situation of armed conflict, wartime, martial law, military operations.

Мародерство – весьма интересный состав преступления с точки зрения юридической оценки его признаков и выявления недостатков конструкции нормы.

Мародерство является сложноструктурированным преступлением. Часть 1 ст. 356.1 УК РФ закрепляет основной состав преступления, а ч. 2, 3, 4 предусматривают квалифицированные и особо квалифицированные признаки, в том числе объективной стороны. В рамках рассматриваемой статьи можно выделить:

общественно опасное деяние, выраженное в безвозмездном изъятии и (или) обращении в пользу виновного или других лиц чужого имущества;

ущерб от преступления в крупном и особо крупном размере;

обстановку: период военного положения, военное время, условия вооруженного конфликта или ведения боевых действий;

способы совершения преступления: совершенное с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия; группой лиц по предварительному сговору; с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия; совершенное организованной группой; соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего;

условие отнесения деяния к преступлениям: действия не должны быть связаны с вынужденной необходимостью.

Каждая из представленных характеристик обладает своими особенностями и спецификой правового толкования.

Как отмечает ряд исследователей, мародерство по многим признакам совпадает с хищением, закрепленным в примеч. 1 к ст. 158 УК РФ. Действительно, по своей природе мародерство фактически является хищением, однако совершенным в специфических условиях, повышающих общественную опасность деяния. Авторы научных публикаций едины во мнении о том, что мародерство может быть выражено в форме кражи, разбоя, грабежа [1, с. 64]. Дискуссия ведется относительно возможности рассмотрения мародерства как мошенничества, вымогательства, присвоения и растраты [2, с. 28; 3, с. 271]. Необходимость и проблемность признания мародерства в качестве различных форм хищения зависят от характеристики других признаков, в частности причиненного ущерба как признака объективной стороны и потерпевшего.

В диспозиции нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 356.1 УК РФ, отсутствует важный для хищения признак объективной стороны – причинение ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества. На наш взгляд, такое исключение

было сделано законодателем намеренно. Для понимания использованного подхода необходимо знать исторические факты мародерства, имевшие место в больших масштабах в период двух мировых войн. С учетом безнаказанности, негуманности и вседозволенности, являющихся признаками мародерства, государства признали его преступный характер и отнесли рассматриваемое деяние к военным преступлениям. В основе такой позиции лежат международные обязательства по установлению ответственности и пресечению фактов мародерства в соответствии со ст. 15 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г. Иными словами, государство взяло на себя правовое бремя признавать преступными любые проявления мародерства для исключения таких фактов в принципе, проявления уважения к умершим и формирования определенной правовой культуры посредством установления общего запрета. Изложенное позволяет утверждать, что первоначально установление уголовной ответственности за мародерство направлено на защиту личности с учетом ее особенного состояния (раненый, убитый) и только в связке с указанными условиями ее имущества вне зависимости изначально от его стоимостного характера.

Необходимо также учитывать особенности совершения мародерства. Как правило, это преступление совершается в отношении раненых или погибших в вооруженном конфликте (что указано и в самой диспозиции нормы). Соответственно, при квалификации деяния, содержащего признаки хищения, возникает вопрос оценки причиненного ущерба в результате мародерства, совершенного в отношении убитого. В случае мародерства не имеет значения первоначальный размер для признания деяния именно преступлением. Таким образом, законодатель изначально устанавливает общественную опасность вне зависимости от данного признака. В связи с этим нельзя согласиться с позицией отдельных ученых о необходимости закрепления признака ущерба в диспозиции ч. 1 ст. 356.1 УК РФ, так как он не влияет на квалификацию.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что предложение по корректировке конструкции ч. 1 ст. 356.1 УК РФ посредством исключения из состава характеристики преступления и установления лишь отсылки к понятию хищения, закрепленному в примеч. 1 к ст. 158 УК РФ [3, с. 271], является некорректным, поскольку в этом случае не учитывается специфика самого деяния. Поскольку при-

знак ущерба имеет значение при квалификации хищения в целом и установлении его формы, рассматривать его применение по аналогии с мародерством невозможно. Схожей позиции о непризнании мародерства хищением придерживается В.В. Власенко [4, с. 39]. Изменение конструкции состава сужением категории потерпевших позволит сформировать понимание формы совершения мародерства.

Следует отметить, что в качестве квалифицированных (п. б ч. 2 ст. 356.1 УК РФ) и особо квалифицированных (п. б ч. 3 ст. 356.1 УК РФ) признаков указаны размеры ущерба, которые традиционно повышают степень общественной опасности совершаемого преступления и влекут назначение более строгого наказания. Таким образом, в случае мародерства в отношении имущества, имеющего высокую стоимостную оценку, деяние должно квалифицироваться как характеризующееся большей общественной опасностью.

Поскольку мародерство не является хищением, а лишь обладает рядом аналогичных признаков и своей спецификой, вопрос о гипотетических формах хищения при мародерстве, на наш взгляд, неуместен. В то же время следует отметить, что законодатель учел вероятность совершения данного преступления с признаками, характерными для конкретных форм хищения. Так, ч. 3 ст. 356.1 УК РФ предусмотрено наказание за совершение преступления с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Признаки данного противоправного деяния частично совпадают с характеристикой квалифицированного грабежа, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. В свою очередь, п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ содержит отдельные признаки разбоя (ст. 162 УК РФ). Законодатель учел вероятность совершения мародерства более общественно опасным способом, результатом чего является причинение или угроза причинения вреда.

В связи с этим ученые обсуждают спорность закрепления схожих по содержанию признаков в п. «в» ч. 3 и в п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ. По мнению авторов, «разграничить данные понятия весьма затруднительно. В зависимости от конкретных обстоятельств дела это, возможно, прямые высказывания ("убью", "застрелю") или конклюдентные действия (направление огнестрельного оружия на потерпевшего, прицеливание и т.п.). Однако и при угрозе насилием, опасным для жизни, возникают те же варианты преступного поведения» [5, с. 43]. Иными словами, признаки фактически тождественны и

нет необходимости закреплять их в п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ.

Обстановка совершения мародерства как признак объективной стороны имеет обязательное значение, однако закрепляется в виде альтернативных условий бланкетного характера. Такой подход законодателя вновь вызывает сложности в понимании и необходимость использовать нормы из иных отраслей законодательства.

Военное положение как разновидность обстановки толкуется с учетом норм Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФЗ «О военном положении». Это особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии [6]. Такой режим устанавливает порядок управления территорией и населением в определенных условиях с введением ограничений и запретов отдельных прав и свобод с учетом положений национального законодательства в целях обеспечения безопасности. Факт совершения мародерства в обстановке военного положения устанавливается на основании содержания действующих документов национального законодательства, указанных выше.

Военное время часто ошибочно рассматривается как время совершения преступления [2, с. 98]. Данная позиция является некорректной, поскольку здесь критерий «время» не имеет астрономического характера, а свидетельствует о периоде действия определенных специфических условий управления территорией и населением в целях обеспечения их безопасности.

Необходимо отметить, что понятие «военное время» юридически не закреплено. В соответствии с дефиницией, представленной в Военном энциклопедическом словаре, данный термин необходимо трактовать как период фактического нахождения воюющих сторон в состоянии войны, которое начинается с момента объявления войны одной воюющей стороной другой стороне или фактического начала военных действий между ними, а прекращается посредством фактического прекращения военных действий или подписания мирного договора между сторонами [7]. Таким образом, данный термин и его содержание непосредственно связаны с состоянием войны и фактическим ведением военных действий.

В соответствии с положениями Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» состояние войны – это юридический факт объявления войны государством, устанавливаемый посредством принятия федерального закона [8]. В случае отсутствия такого документа правоприменитель должен исходить из фактического осуществления военных действий в соответствии с подтверждающими документами Министерства обороны Российской Федерации.

Диспозиция нормы ч. 1 ст. 356.1 УК РФ закрепляет еще один термин, характеризующий обстановку совершения преступления, – «боевые действия», под которым следует понимать организованное применение сил и средств объединений, соединений, частей, подразделений противоборствующих сторон для выполнения боевых задач [9]. Такой вид обстановки приобретает важное значение при оценке и квалификации военных преступлений в целом, поскольку свидетельствует о совершении деяния в конкретных условиях боя или сразу после него. Следует согласиться с мнениями некоторых ученых о необходимости сужения обстановки до боевых действий [4, с. 41].

Специфическим и нехарактерным является закрепление в диспозиции фактически условия вынужденной необходимости, при отсутствии которого совершенное деяние признается преступлением по ст. 356.1 УК РФ. Данное условие впервые получило закрепление в уголовном законе, однако не было конкретизировано. Нет его и в отраслевых законах страны.

В научной литературе часто встречается мнение о том, что вынужденную необходимость следует рассматривать как разновидность крайней необходимости, т.е. обстоятельство, исключающее преступность деяния. А.М. Плешаков и Г.С. Шкабин указывают, что «изъятие имущества может быть связано с "вынужденной необходимостью" для дальнейшего использования в боевых действиях, поскольку она возникает в военное время или в условиях вооруженного конфликта» [1, с. 62–67]. Д.В. Лобач считает такой подход некорректным, поскольку он может исказить законодательный смысл ч. 1 ст. 356.1 УК РФ [11, с. 55]. В.В. Влащенко именуется данное условие «извинительным обстоятельством» [4, с. 40] и также считает невозможным его приравнение к крайней необходимости.

Действительно, анализируя международные преступления, следует помнить, что большинство из них (в рамках УК РФ) основано в первую очередь на конкретных международ-

ных обязательствах государства. Применять аналогию при понимании этих обязательств и схожих норм национального законодательства некорректно. Каждое обладает особенностями и имеет право на самостоятельный статус. Обстоятельства, исключая преступность деяния, конкретизированы уголовным законом на национальном уровне и определены Комиссией международного права ООН в рамках Проекта статей о международно-правовой ответственности государств на международном уровне. Ни в том, ни в другом перечне нет указания или упоминания термина «вынужденная необходимость» и регламентации его применения в ситуации вооруженного конфликта.

В основе закрепления условия вынужденной необходимости применительно к мародерству лежат положения норм международного гуманитарного права. По мнению многих исследователей, ст. 50 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г. содержит такое основание. В данной норме указаны военные преступления, в том числе закреплена следующая формулировка: «незаконные, произвольные и проводимые в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью» [12].

Как видно, в тексте присутствует схожий, но иной термин. Согласно словарю терминов, составленному Международным Комитетом Красного Креста, «военная необходимость – принцип, по которому применение враждующими сторонами степени силы, необходимой для достижения целей войны, оправдано, так как при этом достигается полное подчинение противника в максимально короткие сроки с минимальными людскими, материальными и финансовыми потерями» [13]. Принцип военной необходимости весьма широк по содержанию и позволяет участникам вооруженного конфликта обойти определенные ограничения относительно ведения войны.

Наставление по международному гуманитарному праву устанавливает: «Принцип военной необходимости заключается в выборе любых, но не запрещенных нормами международного гуманитарного права способов выполнения поставленной задачи. Применяя принцип военной необходимости, командир должен стремиться сводить к минимуму случайные потери и разрушения» [14]. Таким образом, с учетом международной и национальной регламентации можно предположить, что признание наличия военной необходимости допустимо для оценки конкретной ситуации вооруженного

конфликта в случае принятия решения о возможности совершения определенных действий для достижения цели самого конфликта, которые осуществляются с допустимым нарушением существующих ограничений международных норм ведения войны.

Примером такой ситуации может выступать принятие решения о бомбардировке территории с близко расположенными гражданскими объектами в связи с размещением среди них стратегического военного объекта, представляющего угрозу и военную цель в рамках тактики ведения военных действий. Наставление также регламентирует, что в исключительных случаях может быть принято решение о нанесении ударов по культурным ценностям, находящимся под специальной защитой [14]. Такое действие осуществляется на основании принципа военной необходимости.

В контексте рассматриваемого условия вынужденной необходимости относительно мародерства и ее возможной синонимичности с понятием «военная необходимость» такую ситуацию можно предположить несколько в ином аспекте с учетом характеристики самого деяния. Вряд ли можно говорить о методах ведения войны в ситуации изъятия имущества. Следует согласиться с позицией Д.В. Лобача о том, что «вынужденная необходимость представляется более широким понятием, чем известная в международном гуманитарном праве военная необходимость» [11, с. 55]. Последняя, на наш взгляд, связана с применением методов ведения войны. В случаях совершения мародерства такое условие имеет иное предназначение, скорее связанное с объективными условиями, чем с боевыми действиями. Так, некоторые авторы в качестве примера вынужденной необходимости приводят ситуацию изъятия военной аптечки у умершего на поле боя для оказания помощи раненым [7, с. 98].

Дискуссионной является точка зрения относительно изъятия личного оружия у умершего или раненого в целях дальнейшего отражения агрессии противника и участия в боевых действиях. Одни авторы рассматривают такую ситуацию как подпадающую под ст. 226 УК РФ, другие – как получение «военных трофеев» [5, с. 41]. Оба подхода спорны и требуют конкретизации условий ситуации, а также юридической оценки событий. Отметим, что само изъятие оружия для ведения боя не является хищением, поскольку осуществляется с другой целью.

Существует очень тонкая грань между допустимым изъятием имущества и мародерством. К первому следует относить армейские симво-

лы, флаги, штандарты либо военную технику, которая была самостоятельно оставлена противником на поле боя или захвачена в рамках боевых действий. Изъятие же любого личного имущества на поле боя у раненых и умерших либо на оккупированной территории является военным преступлением. Все случаи изъятия так называемых военных трофеев в контексте межгосударственных отношений влекут за собой необходимость их возвращения по окончании вооруженного конфликта, что может быть прописано в мирном договоре и является предметом длительных разбирательств, особенно в ходе решения вопроса о реституции объектов культурных ценностей.

Что именно подразумевает законодатель под термином «вынужденная необходимость», остается открытым вопросом. Условия вынужденности носят субъективный характер и каждый раз могут оцениваться по-разному. На основании изложенного дефиниция данного понятия и его связь с нормами международного гуманитарного права должны быть конкретизированы. Необходимо установить критерии вы-

нужденной необходимости. В качестве таковых следует рассматривать наличие угрозы жизни или здоровью самого лица или иных лиц, в защиту которых он совершает данные действия; действия не должны ухудшать положение самого лица (раненого) и быть связанными с физическим воздействием на убитого.

Подводя итог, можно констатировать необходимость коррекции диспозиции нормы посредством сужения критерия обстановки до боевых действий, конкретизации категорий потерпевших до раненых и убитых на поле боя, исключения п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ, а также закрепления всех используемых терминов и их определений в рамках предлагаемого закона «О пресечении военных преступлений».

Представленная характеристика признаков объективной стороны военных преступлений, закрепленных в УК РФ, позволила выявить их особенности и недостатки и подтвердила необходимость проведения качественной нормотворческой работы по изменению их юридического содержания в рамках национального уголовного закона.

1. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Мародерство: анализ основных и факультативных признаков состава преступления // Вестник военного права. 2023. № 1.

2. Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А., Рудик М.В. Мародерство: новая уголовно-правовая трактовка // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2.

3. Гончарова Ю.О. Новелла уголовного законодательства об ответственности за мародерство (ст. 356.1 УК РФ): технико-юридический анализ конструкции состава преступления // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 2.

4. Власенко В.В. Уголовная ответственность за мародерство // Законность. 2023. № 9.

5. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Квалификация мародерства и его ограничение от иных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1(64).

6. О военном положении [Электронный ресурс]: федер. конституц. закон от 30 янв. 2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 02.11.2023). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Карпова Н.А., Юдина У.С. Актуальные проблемы уголовно-правовой борьбы с мародерством // Московский юридический журнал. 2023. № 4.

8. Военный энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства обороны Рос. Федерации. URL: <https://xn--d1abichglj9dyd8a.xn--90anlfbebar6i>.

1. Pleshakov A.M., Shkabin G.S. Looting: analysis of the main and optional features of the crime // Bulletin of military law. 2023. No 1.

2. Vishnevetsky K.V., Kashkarov A.A., Rudik M.V. Looting: new criminal-legal interpretation // Bulletin of economic security. 2023. No 2.

3. Goncharova Yu.O. Novelty of criminal legislation on liability for looting (article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): technical and legal analysis of the structure of the crime // Bulletin of Yaroslavl State University. Series: Humanities. 2023. Vol. 17. No 2.

4. Vlasenko V.V. Criminal liability for looting // Legality. 2023. No 9.

5. Pleshakov A.M., Shkabin G.S. Qualification of looting and its distinction from other crimes // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No 1(64).

6. On martial law [Web resource]: fed. constitutional law d.d. Jan. 30, 2002 No 1-FKZ (as amended on 02.11.2023). Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

7. Karpova N.A., Yudina U.S. Actual problems of criminal-legal fight against looting // Moscow law journal. 2023. No 4.

8. Military encyclopedic dictionary [Web resource] // Official website of the Ministry of Defense of the Russian Federation. URL: https://xn--d1abichglj9dyd8a.xn--90anlfbebar6i.xn--p1ai/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=4363@morfDictionary (date of access: 06.11.2024).

xn--p1ai/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=4363@morfDictionary (дата обращения: 06.11.2024).

9. Об обороне [Электронный ресурс]: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

10. Военный энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства обороны Рос. Федерации. URL: *https://xn--d1abichgllj9dyd8a.xn--90anlfbebar6i.xn--p1ai/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=12700@morfDictionary* (дата обращения: 10.11.2024).

11. Лобач Д.В. Уголовно-правовая характеристика мародерства как преступления против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве // Вестник университета прокуратуры. 2023. № 1(93).

12. Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Женева, 12 авг. 1949 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного Комитета Красного Креста. URL: *https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm* (дата обращения: 31.09.2024).

13. Исследуя гуманитарное право: словарь. Материал для преподавателей [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного Комитета Красного Креста. URL: *https://www.icrc.org/sites/default/files/external/files/ehl/ehl-russian-glossary.pdf* (дата обращения: 07.11.2024).

14. Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Министром обороны Рос. Федерации 8 авг. 2001 г. URL: *http://www.zakonprost.ru/content/base/part/47039* (дата обращения: 26.06.2024).

9. On defense [Web resource]: fed. law d.d. May 31, 1996 No 61-FZ. Access from the reference legal system "ConsultantPlus".

10. Military encyclopedic dictionary [Web resource] // Official website of the Ministry of Defense of the Russian Federation. URL: *https://xn--d1abichgllj9dyd8a.xn--90anlfbebar6i.xn--p1ai/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=12700@morfDictionary* (date of access: 10.11.2024).

11. Lobach D.V. Criminal-legal characteristics of looting as a crime against the peace and security of mankind in Russian criminal legislation // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office. 2023. No 1(93).

12. Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field, Geneva, Aug. 12, 1949 [Web resource] // Official website of the International Committee of the Red Cross. URL: *https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm* (date of access: 31.09.2024).

13. Exploring Humanitarian Law: dictionary. Material for teachers [Web resource] // Official website of the International Committee of the Red Cross. URL: *https://www.icrc.org/sites/default/files/external/files/ehl/ehl-russian-glossary.pdf* (date of access: 07.11.2024).

14. Manual on International Humanitarian Law for the Armed Forces of the Russian Federation [Web resource]: approved by the Minister of Defense of the Russian Federation on Aug. 8, 2001. URL: *http://www.zakonprost.ru/content/base/part/47039* (date of access: 26.06.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лисаускайте Валентина Вlado, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России; e-mail: vlado@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

V.V. Lisauskaite, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vlado@mail.ru

---

Субъективная сторона мошенничества при получении выплат в российском уголовном законодательстве

Рассматриваются роль и значение субъективной стороны в процессе квалификации мошенничества при получении выплат, исследуются ее признаки и отдельные проблемы, сопряженные с их установлением, применительно к конструкции ст. 159.2 Уголовного кодекса РФ. Изучаются вопросы, связанные с определением вида умысла и степенью его определенности.

Ключевые слова: уголовное законодательство, преступления против собственности, мошенничество, социальные выплаты, субъективная сторона, вина, мотив, цель.

The subjective side of fraud in receiving payments in Russian criminal law

The article focuses on the role and significance of the subjective side in the process of qualifying fraud in receiving payments, examines its features and individual problems associated with their establishment in relation to the art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Issues related to determining the type of intent and the degree of its certainty are considered.

Keywords: criminal law, crimes against property, fraud, social benefits, subjective side, guilt, motive, purpose.

С момента появления ст. 159.2 УК РФ ведутся оживленные дискуссии, связанные с содержанием и единообразием толкования признаков закрепленного в ней состава преступления. В настоящей статье проведено комплексное исследование субъективной стороны мошенничества при получении выплат, поскольку данному вопросу в уголовно-правовой доктрине до сих пор не уделялось должного внимания.

Внутренняя сторона противоправного деяния имеет не меньшее значение, чем его внешнее проявление в объективной действительности. Познание сущности субъективных признаков деликта позволяет не только разграничить преступное и не преступное деяние, а также проступки между собой, но и определить степень общественной опасности лица, его мотивацию, целеполагание.

Субъективная сторона как элемент состава преступления подвергается подробному исследованию в доктрине уголовного права уже не одно десятилетие. В философском контексте субъективность противоположна объективности и выражается во внутреннем отношении мыслящего субъекта к окружающей реальности. Кроме того, психическая деятельность человека, составляющая субъективную сторону, во-первых, предваряет объективный преступный акт, формируя противоправные установки и мотивацию, во-вторых, сопровождает совершение преступления.

Изучив многочисленные авторские позиции, предлагаем в качестве базового использовать определение профессора А.И. Рагога, под субъективной стороной преступления понимающего психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления [1, с. 6]. Указанная дефиниция является наиболее широкой, включает в себя все юридически значимые характеристики психических процессов лица, совершившего преступление.

В статьях Особенной части УК РФ законодатель применяет несколько приемов юридической техники для обозначения формы вины. Наиболее предпочтительным с точки зрения правоприменения выступает прямое текстовальное закрепление формы вины в диспозиции статьи посредством использования терминов «умышленно» или «по неосторожности». Отсутствие указания на форму вины в литературе принято называть опосредованным (косвенным) способом. М.Б. Кострова именуется такой прием умолчанием [2, с. 80]. В контексте темы настоящей работы отсутствие прямой фиксации формы вины в ст. 159.2 УК РФ объясняется системной связью элементов состава преступления. Описывая объективные признаки, законодатель подразумевает и фактически обозначает форму вины. Корыстная цель в понятии хищения (прим. 1 к ст. 158 УК РФ) традиционно рассматривается как прямое свидетельство умышленного характера всех его форм.

Мотив и цель как факультативные признаки субъективной стороны имеют значение для квалификации деяния лишь в случаях, когда прямо закреплены в диспозиции статьи УК РФ. Вместе с тем оценка судом преступной мотивации и целеполагания важна для индивидуализации наказания при рассмотрении каждого противоправного деяния. Профессор А.И. Рарог указывает, что мотив и цель служат фундаментом психического отношения лица к деянию, создают идеальную модель преступного поведения и его результатов [3, с. 11].

Мотив представляет собой внутреннее побуждение лица, способствующее совершению преступления. Иными словами, мотивация предвещает противоправные действия, выступает движущей силой, толчком для совершения преступления. Цель – будущий, отдаленный во времени желаемый результат, к которому стремится лицо при совершении преступления.

Субъективная сторона мошенничества при получении выплат характеризуется умышленной формой вины, вид умысла – прямой. Виновое лицо осознает общественную опасность хищения социальных выплат, предвидит неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде ущерба государству в лице специализированных социальных фондов и желает наступления указанных последствий. Интеллектуальный элемент вины включает в себя: во-первых, осознание виновным противоправности своих действий; во-вторых, понимание противозаконности хищения в целом и мошенничества в частности; в-третьих, осознанное посягательство именно на сферу социального обеспечения в виде выплат. Кроме того, в интеллектуальную составляющую вины входит предвидение неизбежности последствий. Важно отметить, что последствия наступают именно неизбежно. Согласимся с профессором Н.А. Лопашенко, которая в связи с этим подчеркивает, что говорить о возможности наступления ущерба нельзя [4, с. 147]. Волевая составляющая вины проявляется в желании наступления общественно опасных последствий параллельно с получением личной имущественной выгоды. Будучи формой хищения, мошенничество при получении выплат также предполагает обязательное наличие корыстной цели.

В судебных решениях субъективной стороне мошенничества при получении выплат уделяется недостаточно внимания, что приводит к неоднозначным и спорным формулировкам.

Рассмотрим несколько примеров ошибочного или недостаточно полного описания субъективной стороны преступления.

Так, согласно приговору А. совершила хищение денежных средств умышленно, так как действовала из корыстных побуждений с целью незаконного получения регулярных пособий при рождении третьего ребенка, осознавала общественную опасность своих действий, предвидела наступление общественно опасных последствий в виде причинения имущественного ущерба федеральному и областному бюджету и желала их наступления [5]. В данном приговоре неверно раскрыто содержание корыстной цели как конструктивного признака мошенничества при получении выплат, а также очевидна подмена преступной мотивации и цели преступления. Указанная формулировка представляется неудачной также в силу недостаточного толкования элементов вины как обстоятельства, подлежащего доказыванию. Например, в ином судебном решении интеллектуальная составляющая вины описана более подробно: К. осознавала противоправность своих действий, так как предоставила заведомо ложные сведения о фактическом характере совершенной сделки по купле-продаже земельного участка и разрешение на строительство жилого дома, послужившие основанием для получения денежных средств [6].

Вместе с тем иные обязательные признаки субъективной стороны также требуют дополнения.

Приведем пример наиболее оптимального изложения субъективной стороны рассматриваемого преступления: Н. достоверно знала, что схема заключения фиктивных договоров является незаконной и может повлечь уголовную ответственность, осознавала общественную опасность деяния и преследовала корыстную цель извлечения прибыли, предвидела наступление последствий в виде ущерба государству в лице Управления Пенсионного фонда Российской Федерации в г. Томске, желала обогатиться и не имела намерений расходовать средства материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий своей семьи [7].

Таким образом, описательная часть судебных решений в части формулирования субъективной стороны мошенничества при получении выплат не лишена недостатков в силу отсутствия должного внимания к изложению обязательных признаков и элементов вины и корыстной цели.

Изучение доктринальных источников позволило выявить следующие теоретико-прикладные проблемы установления субъективной стороны мошенничества при получении выплат.

1. Проблема определения вида умысла. Традиционно все виды хищений рассматриваются как совершаемые с прямым умыслом. Ранее мы описывали технико-юридические способы законо-

дательного указания на умышленную форму вины, в том числе посредством установления корыстной цели совершения преступления.

Ряд авторов аргументируют возможность косвенного умысла при совершении хищений. Л.В. Красуцких описывает ситуацию, при которой виновное лицо стремится к достижению иной цели, например желает получить освобождение от работы путем предоставления фиктивного документа, а имущественный ущерб в результате таких действий служит неизбежным результатом поведения виновного [8, с. 17]. Косвенный умысел, по мнению профессора Э.Я. Немировского, имеет место в том случае, когда преступный результат представляется не необходимым, а возможным, однако виновный готов пойти на него для достижения своей первоначальной цели [9, с. 83].

Для установления вида умысла при совершении мошенничества при получении выплат обратимся к интеллектуальному и волевому аспектам вины. Осознание общественной опасности связывает оба вида умысла, однако прямой умысел предполагает предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий. Ранее нами установлено, что мошенничество при получении выплат определяется неизбежностью наступления последствий. Л.В. Красуцких в приведенных рассуждениях также приходит к выводу о неизбежности последствий в виде ущерба собственнику. Это свидетельствует о прямом умисле виновного и исключает косвенный умысел. Более того, волевой элемент вины состоит в желании наступления таких последствий, что находится в тесной взаимосвязи с корыстной целью и стремлением к личному обогащению. А.А. Южин по обозначенной проблеме пишет: «Сложно представить ситуацию, при которой обвиняемый в совершении мошенничества при получении выплат... не желает их [последствий в виде причинения ущерба] наступления или относится к ним безразлично, как это имеет место при косвенном умисле» [10, с. 112].

Таким образом, попытки авторов усмотреть косвенный умысел в составе мошенничества при получении выплат представляются несостоятельными. Констатируем, что исследуемое деяние совершается исключительно с прямым умыслом.

2. Определение формы и вида умысла сопряжено с такой проблемой, как установление степени определенности умысла. В зависимости от субъективного предвидения общественно опасных последствий умысел разделяется на определенный и неопределенный (конкретизированный и неконкретизированный). Конкретизированный умысел, в свою очередь, делится на простой и альтернативный. В док-

тринальных источниках небезосновательно высказывается мнение о фактической тождественности альтернативного конкретизированного и неопределенного умысла [11, с. 97–98]. Д.А. Чанышев придерживается еще более скептической позиции и пишет, что такое разделение «лишено какого-либо уголовно-правового значения» [12, с. 15].

Полагаем, что мошенничество при получении выплат может совершаться с простым конкретизированным и неопределенным умыслом. В первом случае речь идет о мошенничестве при получении единовременной одноразовой социальной выплаты, например средств материнского капитала. Виновный осознает конкретную сумму ущерба, причиняемого в результате его преступных действий. Неопределенный умысел имеет место при получении нескольких регулярных социальных выплат. Мошенничество при этом приобретает длящийся характер, а виновный не может четко установить конечный результат – причиненный государству суммарный ущерб.

Указанное правило имеет значение не столько для теоретического осмысления мошенничества при получении выплат, сколько для правоприменительной практики. На основании выявленного положения квалификация деяния при простом конкретизированном умисле осуществляется по его направленности. Определение суммы ущерба производится исходя из установленных законом размеров пособий, компенсаций, иных социальных выплат. При неопределенном умисле мошенничество при получении выплат квалифицируется по фактически наступившим последствиям, т.е. сумме ущерба, причиненного к моменту пресечения преступной деятельности.

Установление направленности и определенности умысла при совершении хищения при получении выплат носит практико-ориентированный характер, поскольку позволяет разрешать вопросы о покушении на преступление, о вменяемой сумме ущерба, о моменте окончания преступления.

Таким образом, субъективная сторона как наиболее сложный в доказательственном отношении элемент состава преступления характеризуется неоднозначностью его определения и оценки в доктрине. Субъективная сторона мошенничества при получении выплат включает в себя вину в форме исключительно прямого умысла, который может быть как простым конкретизированным, так и неопределенным. Криминообразующим признаком мошенничества при получении выплат является корыстная цель, широко обсуждаемая и критикуемая в научной литературе.

1. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001.
2. Кострова М.Б. Перспективные направления совершенствования языка уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 янв. 2004 г. М., 2004. С. 78–83.
3. Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве. М., 1980.
4. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М., 2012.
5. Приговор № 1-222/2023 от 26 дек. 2023 г. по делу № 1-222/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6ZUEC5Dvs9mY> (дата обращения: 05.07.2024).
6. Приговор № 1-806/2023 от 27 дек. 2023 г. по делу № 1-806/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HdxcFMZYgOZp> (дата обращения: 06.07.2024).
7. Приговор № 1-643/2023 от 25 дек. 2023 г. по делу № 1-643/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/стит5ef1ChgX> (дата обращения: 06.07.2024).
8. Красуцких Л.В. Карательная практика по уголовным делам о хищениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
9. Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Одесса, 1926.
10. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
11. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М., 1972.
12. Чанышев Д.А. Вопросы дифференциации вины в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009.
1. Rarog A.I. *The subjective side and the qualification of crimes*. Moscow, 2001.
2. Kostrova M.B. *Promising directions for improving the language of criminal law // Criminal law: development strategy in the 21st century: proc. of the Intern. sci. and practical conf, Jan. 29–30, 2004*. Moscow, 2004. P. 78–83.
3. Rarog A.I. *General theory of guilt in criminal law*. Moscow, 1980.
4. Lopashenko N.A. *Encroachments on property*. Moscow, 2012.
5. Verdict No 1-222/2023 d.d. Dec. 26, 2023 in case No 1-222/2023 [Web resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6ZUEC5Dvs9mY> (date of access: 05.07.2024).
6. Verdict No 1-806/2023 d.d. Dec. 27, 2023 in case No 1-806/2023 [Web resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HdxcFMZYgOZp> (date of access: 06.07.2024).
7. Verdict No 1-643/2023 d.d. Dec. 25, 2023 in case No 1-643/2023 [Web resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cmum5ef1ChgX> (date of access: 06.07.2024).
8. Krasutskikh L.V. *Punitive practice in criminal cases of embezzlement: auth. abstr. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence*. Omsk, 2006.
9. Nemirovsky E.Ya. *Soviet criminal law*. Odessa, 1926.
10. Yuzhin A.A. *Fraud and its types in Russian criminal law: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence*. Moscow, 2016.
11. Zlobin G.A., Nikiforov B.S. *Intent and its forms*. Moscow, 1972.
12. Chanyshchev D.A. *Issues of differentiation of guilt in Russian criminal law: auth. abstr. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence*. Vladivostok, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Мария Дмитриевна, адъюнкт Нижегородской академии МВД России; e-mail: mari.kuz2712@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

M.D. Kuznetsova, Adjunct, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mari.kuz2712@mail.ru

---

Социально-демографическая характеристика несовершеннолетней жертвы вовлечения в экстремистскую деятельность

На основании результатов анализа материалов 126 уголовных дел по ст. 280, 280.1, 280.2, 280.3, 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.3 и 282.4 УК РФ, рассмотренных судами Российской Федерации в 2015–2024 гг., проанализирована социально-демографическая характеристика несовершеннолетней жертвы вовлечения в экстремистскую деятельность, установлены особенности, присущие изучаемой категории жертв. Полученные данные позволили выявить признаки несовершеннолетних, которые в силу своих личностных качеств, поведения и жизненной ситуации составляют виктимную группу с наибольшим риском вовлечения в экстремистскую деятельность.

Ключевые слова: несовершеннолетняя жертва вовлечения, экстремистская деятельность, виктимологический анализ, социально-демографическая характеристика.

Socio-demographic characteristics of juvenile victim of involvement in extremist activities

Based on the results of the study of materials of 126 criminal cases under arts. 280, 280.1, 280.2, 280.3, 280.4, 282, 282.1, 282.2, 282.3 and 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, tried by the courts of the Russian Federation in 2015–2024, the socio-demographic characteristics of the minor victim involving in extremist activities were analyzed, the specific characteristics of the category of victims in question were established. The data obtained made it possible to identify features of minors who, due to their personal qualities, behavior and life situations, constitute a victim group with the highest risk of being involved in extremist activity.

Keywords: juvenile victim of involvement, extremist activities, victimological analysis, socio-demographic characteristics.

Характеристика личности жертвы преступления является одной из центральных проблем в виктимологии. По мнению В.Е. Квашиса, исследуя преступления, важно проводить и их виктимологический анализ [1, с. 7]. Соответствующие характеристики жертвы обуславливают вероятность вовлечения ее в механизм совершения преступления, влияя на осуществляемый преступником выбор и формирование у него умысла на совершение противоправных действий. К жертве преступления следует относиться как к фактору, который генетически и динамически влияет на механизм его совершения [2, с. 80].

В связи с этим в процессе изучения механизма вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, отличающегося тесным взаимодействием и своеобразным «обменом причинностью» между взрослым вовлекателем и несовершеннолетней жертвой [3, с. 12–13], необходимо рассматривать не только преступника, но и жертву, исследование которой должно быть направлено на установ-

ление тех характеристик, которые обуславливают ее виктимность и вовлечение в механизм совершения конкретного преступления [4, с. 105]. Таким образом, анализ генезиса личности несовершеннолетнего и его роли в механизме вовлечения в экстремистскую деятельность имеет особое значение для разработки на этой основе предупредительных мер.

Личность несовершеннолетнего как представителя определенной социально-демографической группы выступает центральным звеном механизма преступного поведения ввиду своих виктимологических свойств и качеств, которые изначально усиливают криминальную целеустремленность преступника [5, с. 10].

Виктимологический анализ личности жертвы предполагает изучение ее социально-демографических характеристик. Зачастую проведение исследования личностных характеристик несовершеннолетних жертв вовлечения в экстремистскую деятельность затрудняется, с одной стороны, недостатком эмпирических данных, поскольку следственные органы и

суд практически не обращают внимания на соответствующие характеристики жертвы в ходе уголовного судопроизводства [6, с. 145], а с другой – неучетом множества фактов вовлечения несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность, что является одним из проявлений смежной латентности.

Ключевой составляющей социально-демографической характеристики несовершеннолетней жертвы вовлечения является возраст ввиду существования возрастных этапов нравственного формирования личности, для которых характерны свои потребности, интересы, мотивы и ценностные ориентации [7, с. 68].

Исходя из схемы возрастной периодизации онтогенеза и концепции «критических периодов», выделяют возрастные группы с характерными виктимологическими рисками [3]:

1. Младший подростковый возраст (до 13 лет), для которого характерны начало физиологической перестройки организма, рост познавательной активности и расширение круга интересов. Возникает потребность самоутверждения и признания себя в мире взрослых, а также получения от них оценки своих возможностей, что может быть причиной поиска авторитета в асоциальной среде.

В ходе исследования материалов уголовных дел установлено, что 14,9% несовершеннолетних, вовлекаемых в экстремистскую деятельность, находятся в данной возрастной группе.

2. Старший подростковый период (14–15 лет) отличается невозможностью реализации имеющегося энергетического потенциала, острой потребностью в групповом общении, склонностью к участию в неформальных молодежных объединениях, а также поисками себя и попытками стать независимыми от родителей (законных представителей). Кроме того, считается, что с 14 лет криминогенный потенциал несовершеннолетнего находится на одном уровне с виктимогенным.

В данную возрастную группу входят 39,1% несовершеннолетних, вовлекаемых в экстремистскую деятельность.

3. Ранний юношеский возраст (16–17 лет) характеризуется нарастающей потребностью в самоутверждении, жадой острых ощущений и желанием следовать традициям группы.

К этой возрастной группе относятся 46% несовершеннолетних, вовлекаемых в экстремистскую деятельность.

Несовершеннолетних в возрасте до 13 лет вовлекают в основном в экстремистскую деятельность религиозного характера, а в воз-

расте 14–17 лет – во все виды экстремистской деятельности: криминальную, националистическую, религиозную, политическую, а также деятельность, основанную на ЛГБТ-идеологии (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским, его деятельность запрещена на территории Российской Федерации).

Проведенный анализ также позволяет определить половую принадлежность вовлекаемого несовершеннолетнего: 93,4% из них – лица мужского пола. Такое преобладание обусловлено их психологическими особенностями: стремление казаться взрослым приводит к желанию копировать поведение взрослых мужчин [8, с. 90; 9]. Это может быть вызвано отсутствием должного внимания и авторитета со стороны родителей (более 30% несовершеннолетних мужского пола проживают в неблагополучной семье либо в семье с одним родителем или вообще без родителей – с опекуном (попечителем) или в детских домах, приютах и интернатах). Кроме того, экстремистская деятельность в большинстве случаев осуществляется в форме насильственных преступных действий, которые свойственны преимущественно мужской «сфере» криминальной активности [10]. Таких несовершеннолетних чаще всего вовлекают с экстремистскую деятельность националистического, религиозного и криминального характера.

Так, Октябрьским районным судом г. Уфы Республики Башкортостан осуждены А.А.С., Х.А.Р., И.А.М., М.Т.Х. и Х.Ш.Р. за организацию деятельности религиозного объединения «Нурджулар» (признано экстремистским, его деятельность запрещена на территории Российской Федерации), осуществляющего действия, направленные на создание всемирного исламского государства (халифата) путем изменения государственной формы правления и установления мусульманского религиозного правления на основе шариата. При этом осужденные массово вовлекали несовершеннолетних в экстремистскую деятельность религиозного характера посредством ненавязчивой пантюркистской и панисламистской обработки юношей, проживающих в учебных интернатах. После окончания школы-интерната уже совершеннолетних лиц (вовлеченных в экстремистскую деятельность еще в несовершеннолетнем возрасте) заселяли на съемные квартиры с целью их дальнейшего участия в преступной деятельности, в том числе в планомерном вовлечении несовершеннолетних в деятельность названной запрещенной организации [11].

Несовершеннолетним женского пола после их вовлечения зачастую отводятся обязанности по фото- и видеосъемке (для дальнейшей пропаганды экстремистской деятельности с целью ее популяризации с помощью графических изображений и видеоматериалов, сопровождающихся текстовой информацией), провокации и поиску жертв экстремистских преступлений. Чаще всего девочек вовлекают в экстремистскую деятельность религиозного, националистического и политического характера, а также в экстремистскую деятельность, основанную на ЛГБТ-идеологии (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским, его деятельность запрещена на территории Российской Федерации).

Непосредственное влияние окружения на нравственно-психологическое формирование личности и развитие виктимных качеств несовершеннолетнего определяет важность исследования семейного положения подростков, поскольку семья, будучи ключевым звеном в механизме социализации несовершеннолетнего, обладает значительным виктимогенным потенциалом [3, с. 85].

В ходе анализа уголовных дел установлено, что 35,7% несовершеннолетних, вовлеченных в экстремистскую деятельность, проживают в неполной семье, еще 26% проживают с опекунами, попечителями или родственниками, 17,8% – в воспитательных учреждениях для детей, лишившихся родителей или оставшихся без их попечения.

Из этого следует, что большинство несовершеннолетних, вовлеченных в экстремистскую деятельность, характеризуются неблагополучным семейным окружением (проживание в неполной семье или ее отсутствие). Поведение таких несовершеннолетних зачастую остается без контроля со стороны их законных представителей ввиду сложности осуществления воспитательных функций в сложившейся ситуации. В связи с этим возникает риск того, что несовершеннолетний попадет под негативное влияние взрослого лица с асоциальной направленностью, так как он будет стремиться восполнить отсутствие родителя и автоматически проецировать на взрослого лицо его авторитет.

В ходе анализа семейного положения несовершеннолетней жертвы вовлечения в экстремистскую деятельность, имеющей родителя (родителей) или опекуна (попечителя), также целесообразно обратить внимание на род занятий законных представителей и материальную обеспеченность семьи. У 39,3%

несовершеннолетних законные представители не работают или трудоустроены неофициально, что означает временный характер работы и отсутствие стабильности; 31,3% являются рабочими; 3,8% – служащими; 17,2% – предпринимателями; 8,4% – пенсионерами.

Кроме того, 62,6% несовершеннолетних воспитываются в семье с низким уровнем материального благополучия, 29,1% – со средним, 8,3% – с высоким.

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень материального благополучия родителей коррелирует с их родом занятий.

Чувство неполноценности, возникающее у несовершеннолетнего на фоне тотального навязывания культа потребления, формирует у него потребность в утверждении и (или) самоутверждении [12, с. 64], чем активно пользуются лица, вовлекающие несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, причем не только при предложении вознаграждения за участие в противоправной деятельности, но и при побуждении к участию в экстремистской деятельности в отношении определенной социальной группы (например, лиц с высоким уровнем материального благополучия).

Кроме того, анализ уголовных дел позволил установить, что 31,3% несовершеннолетних жертв вовлечения в экстремистскую деятельность воспитываются в семьях, состоящих на профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних как неблагополучные, еще 27% воспитываются (воспитывались) в семьях, состоявших на учете ранее. Индивидуальная профилактическая работа проводится (проводилась) в связи с тем, что родители не исполняют (не исполняли) своих обязанностей по воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют (влияли) на поведение своих несовершеннолетних детей.

При этом 16,8% самих несовершеннолетних состояли на момент вовлечения на профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних, 9,7% – на внутришкольном учете, 13,7% ранее состояли на профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних, 4,5% – на внутришкольном учете. Индивидуальная профилактическая работа проводится (проводилась) в основном в отношении несовершеннолетних, совершивших правонарушение, повлекшее применение меры административного взыскания, или совершивших правонарушение до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность.

Полученные в ходе исследования статистические данные указывают на то, что несовершеннолетние, состоящие (ранее состоявшие) на профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних и (или) воспитываемые в семье, состоящей (ранее состоявшей) на профилактическом учете, образуют категорию, которая, с одной стороны, вызывает интерес у лиц, занимающихся приисканием и вовлечением несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, а с другой – должна быть объектом эффективного профилактического воздействия со стороны государственных органов, что может быть достигнуто в том числе путем осуществления качественной профилактической работы в отношении лиц, состоящих на учете (это подразумевает и тщательный анализ причин постановки на учет).

Семья – главное звено той причинной цепочки, которая выводит на преступное поведение. При этом решающую роль играет именно эмоциональное отношение родителей к ребенку, его принятие или, напротив, отвержение. Гипоопека вызывает у несовершеннолетних эмоциональный голод, инфантильность личности и такие негативные переживания, как, например, зависть. В связи с этим несовершеннолетние ищут «замещающую семью», представляющую для них социальную и психологическую ценность [13, с. 111], которая зачастую отличается антиобщественной направленностью.

Несовершеннолетних, воспитываемых в неблагополучных семьях, а также состоящих (ранее состоявших) на профилактическом учете, вовлекают в основном в экстремистскую деятельность националистического и криминального характера ввиду наличия у них криминальной направленности.

Тот факт, что несовершеннолетние, не занятые учебной или досуговой деятельностью, в целом более склонны к совершению преступлений, так как правила поведения, социально полезные навыки и навыки адаптации в социуме у них не формируются в процессе получения образования [14, с. 133; 15, с. 143], говорит о необходимости характеристики социального положения (рода занятий). В частности, 49% вовлеченных в экстремистскую деятельность несовершеннолетних являются учащимися, 14,2% – студентами, 11,8% – работают, 9,4% – учатся и работают, 15,6% – не учатся и не работают.

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что доля несовершен-

нолетних, занятых учебной и (или) трудовой деятельностью, достаточно высока (84,4%). Это значит, что школьная среда активно задействуется преступниками для приискания и вовлечения в экстремистскую деятельность несовершеннолетних лиц. В связи с этим необходимо обращать на нее особое внимание при профилактике, так как полученные данные свидетельствуют о недостаточной эффективности существующих сегодня в школах мер в части противодействия вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность.

Не менее важно взаимодействие несовершеннолетнего с социальным окружением, поскольку разрыв позитивных социальных связей так же, как и беззанятость в учебном процессе, создает благоприятную почву для вовлечения в экстремистскую деятельность: 61,2% несовершеннолетних жертв вовлечения не участвовали в жизни школы, класса, группы, не имели друзей и все свободное время проводили дома.

Таким образом, на основании изучения социально-демографических признаков установлена характеристика наиболее виктимной группы несовершеннолетних в сфере вовлечения в экстремистскую деятельность: это несовершеннолетние мужского пола в возрасте 14–17 лет, учащиеся или студенты, воспитываемые одним родителем (при этом родители безработные, с низким уровнем материального благополучия, состоящие на учете в подразделении по делам несовершеннолетних за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетнего) или проживающие отдельно от родителей (с опекунами (попечителями) или в воспитательном учреждении для детей, лишившихся родителей или оставшихся без их попечения), состоящие (ранее состоявшие) на учете в подразделении по делам несовершеннолетних. При этом такие несовершеннолетние проводят большую часть времени дома, друзей не имеют, в жизни школы, класса или группы не участвуют.

Установление социально-демографических признаков несовершеннолетних жертв вовлечения в экстремистскую деятельность позволяет определить адресата и меры индивидуального предупреждения, выявить детерминирующие факторы вовлечения и минимизировать их воздействие.

1. Квашис В.Е. Основы виктимологии: проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М., 1999.

2. Игнатов А.Н. Свобода виктимности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3(40). С. 79–85.

3. Шевченко Г.В. Виктимологическая профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

4. Аведян А.А. Виктимологическое предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022.

5. Кивель О.В. Криминологическое обеспечение защиты прав несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

6. Игнатов А.Н. Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений // Общество и право. 2015. № 4(54). С. 145–150.

7. Забрянский Г.И. Возрастные особенности городской и сельской преступности несовершеннолетних: сходство и различие // Несовершеннолетние: их возрастные особенности и проблемы правовой ответственности: сб. науч. тр. М., 1992.

8. Алиева С.Ю. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия (региональное исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2014.

9. Зиядова Д.З. Роль системы образования и социализации личности в противодействии молодежному экстремизму // Проблемы противодействия преступности в регионах Российской Федерации: сб. тр. молодых ученых. Махачкала, 2012. С. 36–39.

10. Щербаклова Л.М. Женское и мужское криминальное насилие: компаративный анализ // Общество и право. 2015. № 2(52). С. 69–75.

11. Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 20 марта 2017 г. по делу № 1-6/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 22.08.2024).

12. Игнатов А.Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения // Общество и право. 2015. № 1(51). С. 63–68.

13. Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 107–112.

1. Kvashis V.E. Fundamentals of victimology: problems of protecting the rights of victims of crimes. Moscow, 1999.

2. Ignatov A.N. Freedom of victimization // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No 3(40). P. 79–85.

3. Shevchenko G.V. Victimological prevention of the involvement of minors in the commission of antisocial acts: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2015.

4. Avedyan A.A. Victimological prevention of violent crimes committed against internal affairs officers: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Krasnodar, 2022.

5. Kivel O.V. Criminological support for the protection of minors' rights: auth. abstr. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2012.

6. Ignatov A.N. Criminological study of the victimological component of the mechanism of committing violent crimes // Society and law. 2015. No 4(54). С. 145–150.

7. Zabryansky G.I. Age characteristics of urban and rural juvenile delinquency: similarities and differences // Minors: their age characteristics and problems of legal liability: coll. of sci. papers. Moscow, 1992.

8. Alieva S.Yu. Involvement of minors in committing terrorist crimes and problems of counteraction (regional study): diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Makhachkala, 2014.

9. Ziyadova D.Z. The role of the education system and socialization of the individual in counteracting youth extremism // Problems of combating crime in the regions of the Russian Federation: coll. of works of young scientists. Makhachkala, 2012. P. 36–39.

10. Shcherbakova L.M. Female and male criminal violence: comparative analysis // Society and law. 2015. No 2(52). P. 69–75.

11. The verdict of the Oktyabrsky District Court of Ufa, Republic of Bashkortostan d.d. March 20, 2017 in case No 1-6/2017 [Web resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 22.08.2024).

12. Ignatov A.N. Passion as a fundamental component of the motive of criminal behavior // Society and law. 2015. No 1(51). P. 63–68.

13. Eminov V.E., Antonyan Yu.M. The personality of the criminal and its formation // Actual problems of Russian law. 2015. No 1. P. 107–112.

14. Kuzina L.S. Prevention of the involvement of minors in the illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Voronezh, 2019.

14. Кузина Л.С. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2019.

15. Черникова И.А. Взаимосвязь между преступным поведением несовершеннолетних и факторами, его детерминирующими // Безопасность личности и виктимологические проблемы предупреждения преступлений: материалы науч.-практ. конф. М., 2007. Ч. 2. С. 139–146.

15. Chernikova I.A. The relationship between the criminal behavior of minors and the factors that determine it // Personal safety and victimological problems of crime prevention: proc. of the sci. and practical conf. Moscow, 2007. Pt. 2. P. 139–146.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкова Надежда Владимировна, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; оперуполномоченный Национального центрального бюро Интерпола МВД России; e-mail: nadezhda_pushkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

N.V. Pushkova, Adjunct of the Department of Criminal Law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; detective, National Central Bureau of Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: nadezhda_pushkova@mail.ru

---

Проблемы установления субъективной стороны преступления, предусмотренного частью 1 статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации

Исследованы отдельные аспекты, связанные с проблемами установления и толкования субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ. На основании анализа теоретических положений и обобщения судебной практики рассмотрения уголовных дел данной категории выявлены существующие противоречия в уголовно-правовой оценке субъективной стороны анализируемой нормы. Изучены наиболее острые квалификационные проблемы, предложены способы их разрешения.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления, цель преступления, преступления против свободы совести и вероисповедания, оскорбление религиозных чувств верующих, квалификация преступлений, оценочные признаки состава преступления.

Problems of establishing the subjective side of the crime provided for in part 1 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation

In the article, the author draws attention to certain aspects related to the problems of establishing and interpreting the subjective side of the crime provided for in part 1 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of theoretical provisions and generalization of judicial practice in considering criminal cases of this category, existing contradictions in the criminal-legal assessment of the subjective side of the norm under study are revealed. The most acute qualification problems are studied and ways to resolve them are proposed.

Keywords: subjective side of the crime, purpose of the crime, crimes against freedom of conscience and religion, insulting religious feelings of believers, qualification of crimes, evaluative features of corpus delicti.

Статья 148 УК РФ в действующей редакции за последние годы стала предметом активных исследований, что обусловлено рядом проблем, связанных с ее применением. Среди них можно выделить установление и толкование признаков объективной и субъективной сторон состава преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 148 УК РФ, а также разрешение конкуренции как со смежными уголовно-правовыми посягательствами, так и с административными деликтами. Как нам представляется, наибольшие трудности вызывают установление и толкование субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, что оказывает непосредственное влияние на квалификацию деяний и дальнейшую правоприменительную практику. Этим определяется необходимость проведения настоящего исследования.

Согласно результатам анкетирования 91 сотрудника органов прокуратуры, проведенного в 2024 г., 22,9% из них среди проблем квалификации преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ, выделяют установление и толкование

признаков субъективной стороны, в частности цели посягательства.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, заключается в наличии вины в форме прямого умысла, о чем свидетельствует цель – оскорбление религиозных чувств верующих, которая включена в диспозицию статьи. Иными словами, публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, должны быть совершены с целью оскорбления религиозных чувств верующих.

Б.С. Волков обращает внимание, что «закон отмечает особенности мотива и цели преступления прежде всего в тех случаях, когда в этих особенностях выражается основное свойство деяния – его общественная опасность» [1, с. 9]. Кроме того, акцент на мотиве и цели может быть обусловлен их связью с социально-политической направленностью деяния или тем, что указанные признаки существенно выделяют характеризующее ими посягательство среди других [1, с. 10].

Применительно к ч. 1 ст. 148 УК РФ мы можем говорить о том, что цель среди прочих при-

знаков выступает указанием на общественную опасность деяния и его социальную направленность.

Что же включает в себя содержание цели? Первое, на что следует обратить внимание, в настоящее время в уголовном законодательстве не закреплено легальное определение понятия «оскорбление». Ранее под признаваемым УК РФ уголовно наказуемым оскорблением понималось «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» [2].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 сентября 1979 г. № 4 (в редакции от 25.10.1996) «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР» (утратило силу) содержится более подробная дефиниция оскорбления: это выраженная в неприличной форме отрицательная оценка личности потерпевшего, имеющая обобщенный характер и унижающая его честь и достоинство [3].

Несмотря на отсутствие уголовной ответственности непосредственно за оскорбление, в УК РФ сохранились уголовно-правовые нормы, предусматривающие наказание за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) и неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства, судьи, присяжных (ст. 297 УК РФ).

Применительно к ст. 319 в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» оскорбление определяется как публичное унижение чести и достоинства представителя власти, затрагивающее его личностные и (или) профессиональные (служебные) качества и выраженное в неприличной или в иной форме, унижающей честь и достоинство потерпевшего [4].

По мнению А.Г. Кибальника, оскорбительный характер деяния применительно к ст. 148 УК РФ выражается в «унижении чести и достоинства людей по признаку их принадлежности к той или иной незапрещенной религии (религиозного культа)» [5, с. 108]. Также автор обращает внимание, «что сам факт негативно-го отношения к религии, ее отрицание (например, отрицание существования Бога) не может расцениваться как нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» [5, с. 108], поскольку атеизм (право не исповедовать никакой религии) является неотъемлемой частью основополагающего права, предусмотренного ст. 28 Конституции РФ.

К.А. Долгополов и И.А. Фаргиев указывают, что оскорбление должно совершаться путем ак-

тивных действий: «устно, письменно, действием (пощечина, срывание головного убора или одежды, плевок в лицо верующего, непристойные жесты в отношении него и т.п.)» [6, с. 179].

Изучение немногочисленной судебной практики по ч. 1 ст. 148 УК РФ позволяет отметить, что в мотивировочной части судебных решений оскорбление фактически не раскрывается как деяние, унижающее честь и достоинство. Например, под оскорблением понимаются высказывания в грубой нецензурной форме [7], в оскорбительной форме (богохульство, кощунство, святотатство), публикации изображений, «в которых содержатся психолого-лингвистические признаки унижения религиозного достоинства» (далее в тексте судебного решения не раскрывается, что представляет собой и включает в себя религиозное достоинство). В некоторых судебных решениях используются лишь общие фразы: «...согласно заключению эксперта присутствуют признаки оскорбления (осквернения)» [8], «...имеется негативная оценка объекта поклонения (почитания) верующих, для выражения негативной оценки используется табуированная лексика» [9].

Табуированная лексика, по мнению Л.П. Крысина, представляет собой «слои лексики в языке, являющиеся табу по соображениям религиозным, мистическим, моральным, по политическим соображениям хорошего вкуса в обществе или в каких-то его слоях либо при конкретных ситуациях» [10, с. 384–408].

С учетом изложенного представляется объяснимой трактовка оскорбления не как самостоятельного деяния, а как понятия, связываемого с характеристикой цели [11, с. 125], с чем мы, однако не можем согласиться.

Кроме того, при буквальном толковании цели получается, что лицо, совершая какие-либо публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, ставит себе цель оскорбить религиозные чувства, а не верующего (верующих) в связи с исповеданием им (ими) какой-либо не запрещенной законом религии, как, вероятно, это должно быть, что не согласуется с языковыми и логическими правилами юридической техники.

Одним из ключевых вопросов, возникающих как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике, является определение понятия «религиозные чувства верующих». Рассмотрим, кто может быть отнесен к категории «верующие» и что представляют собой религиозные чувства.

Так, ч. 6 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – Закон) гласит, что «воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу ве-

роисповедания, в том числе сопряженное с... оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии... либо с угрозой совершения таких действий, запрещается и преследуется...» [12]. В данном случае законодатель говорит об ответственности за оскорбление чувств граждан в связи с их отношением к религии, не употребляя слова «верующие» и «религиозные чувства».

Понятие «религиозные чувства» используется в Законе единожды – в указанной ч. 6 ст. 3: «Проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания запрещаются» [12]. Определение религиозных чувств верующих в Законе и в УК РФ отсутствует.

В комментарии юридической службы Московской Патриархии под религиозными чувствами предлагается понимать «чувства благоговейного отношения лица к тому, что в соответствии с его религиозными убеждениями является для него святыней, при этом такой святыней для лица, несомненно, являются его религиозные убеждения, догматы религии, личности и деяния святых, а также священные изображения и тексты, иные предметы религиозного назначения, места религиозного почитания (паломничества)» [13].

В учебной литературе религиозные чувства верующих толкуются как «определенные религиозные убеждения человека, его отношение к религиозным святыням, религиозным догмам, обрядам, местам паломничества...» [11, с. 124]. Нам представляется, что дефиниция указанного понятия с использованием такой категории, как «убеждения», раскрывает его не в полной мере.

Согласно Большому психологическому словарю чувства – это «устойчивые эмоциональные отношения человека к явлениям действительности, отражающие значение этих явлений в связи с его потребностями и мотивами... возникая как результат обобщения отдельных эмоций, сформировавшиеся чувства становятся образованиями эмоциональной сферы человека, определяющими динамику и содержание ситуативных эмоциональных реакций» [14].

В Толковом словаре С.И. Ожегова чувство понимается как «способность ощущать, испытывать, воспринимать внешние воздействия, а также само такое ощущение» [15].

Убеждения же трактуются как «представления, знания, идеи, ставшие мотивами поведения человека и определяющие его отношение к разным сферам действительности; компоненты мировоззрения личности» [14].

Убеждения являются одной из составляющих мировоззрения наряду со взглядами

(воззрениями), оценками и нормами, определяющими отношение человека к миру. Н.В. Володина указывает, что «мировоззрение – это своеобразный сплав особенностей эмоционального, психологического и интеллектуального отношения человека к миру (его чувства и разум, сомнения и убеждения, знания и оценки и более или менее целостное понимание мира и самого себя)» [16, с. 6].

Содержание понятия – это совокупность его признаков. Соответственно, поскольку чувства и убеждения являются равнозначными признаками, то определение одного через другое не помогает приблизиться к пониманию того, что такое религиозные чувства верующих.

Более развернутое определение исследуемого понятия дает И.Н. Яблоков, указывая, что религиозные чувства – это «эмоциональное отношение верующих к сакральным существам, связям, к сакрализованным вещам, животным, растениям, персонам, местам, друг к другу и к самим себе, а также к религиозно интерпретируемым отдельным явлениям в природе, обществе и к миру в целом» [17, с. 278]. Автор оговаривает, что не все переживания можно относить к религиозным чувствам, но «лишь те, которые спаяны с религиозными представлениями, идеями, повествованиями и в силу этого приобрели соответствующую направленность, смысл и значение» [17, с. 278].

Отличным от приведенных представляется видение религиозных чувств, описанное Уильямом Джемсом в работе «Многообразие религиозного опыта». Так, автор полагает, что «нет никакого основания утверждать, что существует абстрактное "религиозное чувство" как отдельная элементарная эмоция, присущая каждому религиозному переживанию без исключения» [18, с. 38].

Как нам представляется, наиболее точное и применимое к сфере уголовного права определение религиозных чувств верующих дается А.В. Иванчиным и С.А. Силантьевым. Авторы понимают под ними «некие переживания, возникающие применительно к сформированной религией системе взглядов, воззрений, установок, идей, обычаев, объектов почитания» [19].

Если с понятием религиозных чувств мы пришли к определенным выводам, то далее необходимо изучить, кого следует считать верующими. В настоящий момент этот вопрос остается открытым и указывает на допущенное нарушение языковых правил законодательной техники при конструировании ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Нельзя не согласиться с Ю.А. Тимошенко, которая утверждает, что «языковые правила законодательной техники при конструировании уголовно-правовых норм имеют особое значение, поскольку от правильного текстуального

изложения статьи закона впоследствии зависит толкование уголовно-правового запрета и, как следствие, эффективность его применения на практике» [20, с. 403].

Среди таких языковых правил-требований выступают простота и доступность понимания терминов [20, с. 404], их однозначность и непротиворечивость, употребление, как правило, общепризнанных и устоявшихся в литературном языке терминов, имеющих широкое применение [21, с. 97–111].

Термин «верующие», используемый законодателем в ч. 1 ст. 148 УК РФ, не отвечает ни одному из указанных требований, в связи с чем представляет значительную проблему при квалификации посягательств и определении потерпевшего, чьи права и свободы нарушаются.

Кроме того, немаловажным является один из вопросов, регулярно возникающих при анализе и применении нормы ст. 148 УК РФ: «Оскорбление чувств скольких верующих должно охватываться умыслом лица?». Его появление обусловлено тем, что в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ термин «верующие» употребляется во множественном числе. Это вызвало проблему неопределенности рассматриваемой нормы и отдельных используемых в ней терминов. Особое внимание следует уделить ситуации, когда объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, проявляется в действиях лица, направленных на оскорбление чувств одного верующего. Э.С. Тенчов отмечает, что подобные действия необходимо рассматривать как покушение на преступление [22, с. 582].

В то же время судебная практика складывается, основываясь на том, что для установления наличия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, достаточно одного верующего, чьи религиозные чувства оскорблены.

Например, по приговору мирового судьи судебного участка № 210 г. Санкт-Петербурга Дарья К. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ. В ходе рассмотрения уголовного дела установлено, что Дарья К. «изготовила фото с обнаженной голенью. На голени была нанесена тату: крест с распятым Христом, нательный крестик, ветка растения с шипами, преобразованные таким образом, что сакральные изображения приобрели непристойный вид. Фото распространила через телеграм-канал. Фото увидел гражданин Р., оскорбился и испытал нравственные страдания» [23, 24].

В данном судебном решении речь идет об одном лице, которому действиями Дарьи К. причинены страдания.

Также причинение нравственных страданий одному лицу оказалось достаточным и для вы-

несения обвинительного приговора Никите Г., который, находясь в состоянии алкогольного опьянения, «у д. 4 по ул. 5-я Советская, где для православного прихода Греческой церкви Димитрия Солунского и Георгия Победоносца был установлен Поклонный крест, являющийся объектом религиозного значения, в целях оскорбления чувств верующих подбежал к Поклонному кресту, схватил его обеими руками и потянул на себя, отломив у основания. После чего, держа в руках обломок, побежал с ним вдоль дома, причиняя нравственные страдания Л., воздвигшему указанный Поклонный крест» [25, 26].

Существует и иная практика, когда круг потерпевших от преступления описывается как неопределенный с указанием на то, что действиями лица продемонстрировано «неуважение к обществу и православным верующим» [27, 28], либо характеризуется как неопределенный, но с уточнением: «из числа мусульман, исповедующих религию ислам» [7].

На основании имеющейся судебной практики можно сделать вывод, что у правоприменителя до настоящего времени не сформирована единая позиция относительно определения необходимого числа потерпевших, чувства которых должны быть оскорблены, для решения вопроса о наличии состава преступления, что, как нам представляется, не отвечает принципу определенности уголовно-правового запрета.

Отсутствие единой позиции среди правоприменителей демонстрируют и результаты проведенного в 2024 г. опроса 91 сотрудника органов прокуратуры. 53,9% из них указали, что для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, достаточно направленности умысла на оскорбление чувств хотя бы одного верующего, а 46,1% опрошенных полагают, что в таком случае он должен быть нацелен на двух и более человек.

При этом в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ используются такие признаки, как публичность и явное неуважение к обществу, что не совсем соотносится с посягательством на права одного верующего, поскольку теряется смысл их включения в объективную сторону состава преступления.

Однако защита прав одного верующего соответствует подходу, при котором указанное посягательство размещено в разделе уголовного закона, посвященном преступлениям против личности, с выделением в качестве непосредственного объекта преступления конституционного права конкретного лица на свободу вероисповедания. В связи с этим представляется необходимым скорректировать диспозицию ч. 1 ст. 148 УК РФ с целью обеспечения ее соответствия объекту уголовно-правовой

охраны и уточнить круг потерпевших от преступления лиц.

Итак, количество потерпевших-верующих, необходимое для установления наличия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, на данном этапе определить затруднительно, поэтому попробуем ответить на вопрос, кто может быть отнесен к такой категории, как «верующий».

Как ранее отмечалось, термин «верующий» в отечественном законодательстве в настоящее время отсутствует, в связи с чем появляется необходимость обращения к иным источникам.

В Толковом словаре С.И. Ожегова верующий лаконично определяется как человек, признающий существование Бога [15]. Подобная дефиниция рассматриваемого понятия представлена в Толковом словаре Ушакова – «признающий существование бога, религиозный человек» [29]. Иные определения верующего в словарях мало отличаются от приведенных.

Дефиниция термина «верующие» также представлена Н.И. Яблоковым. Ученый раскрывает его через лексему «религиозность», под которой понимает «качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений» [17, с. 239].

Н.И. Яблоков утверждает, что «религиозная личность – это отдельный человек в совокупности его качеств, в которой занимают определенное место и религиозные свойства, способный стать субъектом религиозной деятельности» [17, с. 105]. Религиозной личности присуще такое качество, как религиозность, что, как указано выше, синонимично верующему. Религиозность, отмечает Н.И. Яблоков, проявляется в двух видах: в сознании и в поведении. К сознанию отнесены соответствующие религиозные представления, идеи, вера, потребности, чувства, а к поведению – «посещение храма, молитва, участие в богослужении, совершение религиозных обрядов, празднование религиозных праздников, пост и т.д.» [17, с. 105].

Обозначенные критерии являются важными для уяснения того, кто же является верующим. Как указано выше, вера или религиозность человека проявляются не только в поведении, но и в сознании, которое скрыто от окружающих. У нас нет единообразного понимания, кого мы можем отнести к верующему человеку и какие критерии для этого нужны. Да и определение каких-либо критериев для понимания религиозности человека – это как минимум вторжение в сферу его внутреннего и духовного. Поэтому, возможно, стоит исключить из действующего уголовного законодательства термин «верующие» и использовать более нейтральный –

«гражданин» либо «лицо». Аналогичные наименования потерпевших используются и в диспозициях иных статей, включенных в гл. 19 УК РФ (например, ст. 136–140, 144.1 УК РФ).

Таким образом, мы видим, что, во-первых, понятия «верующие» и «религиозные чувства», используемые в УК РФ, законодательно не закреплены и являются оценочными, а во-вторых, отсутствует единообразный подход к их определению и толкованию.

Вместе с тем следует отметить, что при внесении изменений в ч. 1 ст. 148 УК РФ нарушен принцип правовой определенности, а также не учтено одно из правил конструирования состава преступления, согласно которому состав преступления должен строиться «с учетом проблем доказывания этого преступления» [30, с. 118] и соответствовать языковым требованиям законодательной техники. Тезис о необходимости учета проблем доказывания, с точки зрения А.В. Иванчина, обусловлен связью уголовного права и уголовного процесса и «выступает одним из важных условий эффективного применения уголовного закона» [30, с. 118]. Это не говорит о том, что конструирование состава должно осуществляться без включения в него каких-либо «проблемных» или сложных признаков, особенно если они являются криминообразующими. Входящие в состав преступления признаки в дальнейшем должны быть установлены и доказаны, в противном случае преступные посягательства останутся без должной уголовно-правовой оценки лишь по причине того, что правоприменитель не смог должным образом обосновать один из признаков состава преступления.

Язык закона, как обращает внимание А.В. Иванчин, должен соответствовать следующим требованиям: «официальный и документальный характер, ясность, простота и максимальная точность выражения юридических велений, лаконичность и компактность, логическая и грамматическая последовательность изложения, беспристрастность текста, формализм и стереотипность, унифицированность стиля» [30, с. 243]. В контексте данных требований использование оценочных признаков не является само по себе нарушением языковых требований законодательной техники, однако излишнее их применение вступает в противоречие с требованиями ясности и точности запрета.

Применительно к ст. 148 УК РФ наличие избыточного количества оценочных признаков, толкование которых зачастую происходит исходя из сложившейся немногочисленной судебной практики и внутренних убеждений правоприменителя, не приводит к решению проблемы.

Однако проблему избыточной неопределенности уголовно-правовых норм, содержащих оценочные понятия, можно решить несколькими способами:

1) нормативное закрепление содержания оценочных понятий, создающих правовую неопределенность, в УК РФ (в ходе проведенного в 2024 г. опроса 91 сотрудника органов прокуратуры закрепление содержания оценочных понятий в примечании к ст. 148 УК РФ поддержали 34,9%);

2) нормативное закрепление содержания оценочных понятий в отраслевом законодательстве (закрепление содержания оценочных понятий, используемых в диспозиции ст. 148 УК РФ, в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» поддержали 32,6% опрошенных сотрудников органов прокуратуры);

3) разъяснение содержания нормативных понятий в актах толкования высших судебных органов (закрепление содержания оценочных понятий, используемых в диспозиции ст. 148 УК РФ, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ поддержали 30,1% анкетированных сотрудников органов прокуратуры).

Поскольку в ч. 1 ст. 148 УК РФ содержится ряд оценочных терминов, толкование которых не имеет единообразия, в качестве одного из возможных способов решения данной проблемы предлагается унифицировать понятийный аппарат, используемый в ст. 148 УК РФ и Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также закрепить в законе определения используемых понятий. Данные действия снизят количество оценочных понятий, закрепленных в статье, и позволят избежать ошибок в правоприменительной практике.

1. Волков Б.С. *Мотив и квалификация преступлений*. Казань, 1968.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 07.03.2011) [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25 сент. 1979 г. № 4 (в ред. от 25.10.1996). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 июня 2023 г. № 14. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовное право. Особенная часть: учеб. для вузов / А.В. Наумов и др.; отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2024.

6. Преступления против личности: учеб. для вузов / И.А. Подройкина и др.; под ред. И.А. Подройкиной, Е.В. Серегинной. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2024.

7. Приговор Армавирского городского суда Краснодарского края от 19 дек. 2022 г. по делу № 1-657/2022.

8. Приговор Индустриального районного суда г. Хабаровска от 28 дек. 2017 г. по уголовному делу № 1-775/2017.

9. Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 11 мая 2017 г. по

1. Volkov B.S. *Motive and qualification of crimes*. Kazan, 1968.

2. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 No 63-FZ (as amended on 07.03.2011) [Web resource]. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

3. On the practice of considering complaints and cases on crimes provided for by art. 112, pt. 1 of art. 130 and art. 131 of the Criminal Code of the RSFSR [Web resource]: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Sept. 25, 1979 No 4 (as amended on 25.10.1996). Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

4. On certain issues of judicial practice in criminal cases on crimes provided for in articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation [Web resource]: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 1, 2023 No 14. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

5. Criminal law. Special part: textbook for universities / A.V. Naumov et al.; resp. ed. A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. 6th ed., rev. and augm. Moscow, 2024.

6. Crimes against the person: textbook for universities / I.A. Podroikina et al.; ed. by I.A. Podroikina, E.V. Seregina. 6th ed., rev. and augm. Moscow, 2024.

7. Verdict of the Armavir city court of Krasnodar Region d.d. Dec. 19, 2022 in case No 1-657/2022.

8. Verdict of the Industrial District Court of Khabarovsk d.d. Dec. 28, 2017 in criminal case No 1-775/2017.

9. Verdict of the Verkh-Isetsky district court of Yekaterinburg d.d. May 11, 2017 in criminal case No 1-131/2017 [Web resource]. URL: <https://verhisetsky--svd.sudrf.ru/modules>.

уголовному делу № 1-131/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://verhisetsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&case_id=288607166&case_uid=288607166&case_uid=65bfc677-ea10-4cb5-8357-d0bce09c973c&delo_id=1540006

10. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996. С. 384–408.

11. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право. Особенная часть: в 2 т.: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024. Т. 1.

12. О свободе совести и о религиозных объединениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

13. Закон об уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих. Комментарий Юридической службы Московской Патриархии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3093568.html> (дата обращения: 05.11.2024).

14. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://spbguga.ru/files/03-5-01-005.pdf> (дата обращения: 30.01.2024).

15. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=35307> (дата обращения: 30.01.2024).

16. Володина Н.В., Торгашев Г.А. Философия: учеб. пособие. М., 2013.

17. Яблоков И.Н. Религиоведение: учеб. пособие и учеб. словарь-минимум по религиоведению. М., 2000.

18. Джемс У. Многообразие религиозного опыта / под ред. и с предисл. С.В. Лурье; пер. с англ. В.Г. Малахуевой-Мирович и М.В. Шик. 4-е изд. М., 2012.

19. Иванчин А.В., Силантьев С.А. «Оскорбление религиозных чувств верующих» как цель преступлений против религиозной свободы (ст. 148 УК РФ): проблемы законодательной техники // Юридический вестник Самарского университета. 2022. № 4.

20. Тимошенко Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

21. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: науч.-практ. пособие / отв. ред. Р.Ф. Васильев. М., 2000.

22. Тенчов Э.С. Язык уголовного закона // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.

23. Приговор мирового судьи судебного участка № 210 г. Санкт-Петербурга от 19 июня 2024 г. по делу № 1-12/2024-210 [Электронный ресурс] // Мировые судьи Санкт-Пе-

php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&case_id=288607166&case_uid=65bfc677-ea10-4cb5-8357-d0bce09c973c&delo_id=1540006

10. Krysin L.P. Euphemisms in modern Russian speech // Russian language at the end of the 20th century (1985–1995) / resp ed. E.A. Zemskaya. Moscow, 1996. P. 384–408.

11. Kozachenko I.Ya., Novoselov G.P. Criminal law. Special part: in 2 vols.: textbook for universities. 2nd ed., rev. and augm. Moscow, 2024. Vol. 1.

12. On Freedom of Conscience and Religious Associations [Web resource]: fed. law d.d. Sept. 26, 1997 No 125-FZ. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

13. Law on criminal liability for insulting the religious feelings of believers. Commentary by the Legal Service of the Moscow Patriarchate [Web resource]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3093568.html> (date of access: 05.11.2024).

14. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. Large psychological dictionary [Web resource]. URL: <https://spbguga.ru/files/03-5-01-005.pdf> (date of access: 30.01.2024).

15. Explanatory dictionary of S.I. Ozhegov [Web resource]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=35307> (date of access: 30.01.2024).

16. Volodina N.V., Torgashev G.A. Philosophy: study aid. Moscow, 2013.

17. Yablokov I.N. Religious studies: study aid and minimum dictionary of religious studies. Moscow, 2000.

18. James W. Diversity of religious experience / ed. and with a preface by S.V. Lurye; transl. from English by V.G. Malachieva-Mirovich and M.V. Shik. 4th ed. Moscow, 2012.

19. Ivanchin A.V., Silantyev S.A. "Insulting the religious feelings of believers" as the goal of crimes against religious freedom (article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of legislative technique // Legal bulletin of Samara University. 2022. No 4.

20. Timoshenko Yu.A. Construction of criminal law norms on liability for environmental crimes: problems of theory and practice: diss. ... Dr of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2019.

21. Legislative process. Concept. Institutions. Stages: sci. and practical manual / resp ed. R.F. Vasiliev. Moscow, 2000.

22. Tenchov E.S. Language of the criminal law // Problems of legal technique: coll. of papers / ed. by V.M. Baranov. Nizhny Novgorod, 2000.

23. Verdict of the Justice of the Peace of Judicial District No 210 of St. Petersburg d.d. June 19, 2024 in case No 1-12/2024-210 [Web resource] // Justices of the Peace of St. Petersburg. URL: <https://mirsud.spb.ru/cases/detail/210/?id=1-12%2F2024-210> (date of access: 21.08.2024).

24. United Press Service of the Courts of St. Petersburg [Web resource]. URL: <https://t.me/SPbGS/17914> (date of access: 21.08.2024).

тербурга. URL: <https://mirsud.spb.ru/cases/detail/210/?id=1-12%2F2024-210> (дата обращения: 21.08.2024).

24. Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/SPbGS/17914> (дата обращения: 21.08.2024).

25. Приговор мирового судьи судебного участка № 210 г. Санкт-Петербурга от 5 декабря 2023 г. по делу № 1-26/2023-210 [Электронный ресурс] // Мировые судьи Санкт-Петербурга. URL: <https://mirsud.spb.ru/cases/detail/210/?id=1-26%2F2023-210> (дата обращения: 21.08.2024).

26. Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/SPbGS/16346> (дата обращения: 21.08.2024).

27. Приговор мирового судьи судебного участка № 134 г. Санкт-Петербурга от 25 июля 2022 г. по делу № 1-14/2022-134 [Электронный ресурс] // Мировые судьи Санкт-Петербурга. URL: <https://mirsud.spb.ru/cases/detail/134/?id=1-14%2F2022-134> (дата обращения: 22.08.2024).

28. Объединенная пресс-служба судов г. Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/SPbGS/12115> (дата обращения: 22.08.2024).

29. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://sanstv.ru/dict/верующий> (дата обращения: 24.05.2024).

30. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2014.

25. Verdict of the Justice of the Peace of Judicial District No 210 of St. Petersburg d.d. Dec. 5, 2023 in case No 1-26/2023-210 [Web resource] // Justices of the Peace of St. Petersburg. URL: <https://mirsud.spb.ru/cases/detail/210/?id=1-26%2F2023-210> (date of access: 21.08.2024).

26. United Press Service of the Courts of St. Petersburg [Web resource]. URL: <https://t.me/SPbGS/16346> (date of access: 21.08.2024).

27. Verdict of the Justice of the Peace of Judicial District No 134 of St. Petersburg d.d. July 25, 2022 in case No 1-14/2022-134 [Web resource] // Justices of the Peace of St. Petersburg. URL: <https://mirsud.spb.ru/cases/detail/134/?id=1-14%2F2022-134> (date of access: 22.08.2024).

28. United Press Service of the Courts of St. Petersburg [Web resource]. URL: <https://t.me/SPbGS/12115> (date of access: 22.08.2024).

29. Ushakov's Explanatory Dictionary [Web resource]. URL: <https://sanstv.ru/dict/верующее> (date of access: 24.05.2024).

30. Ivanchin A.V. Construction of the corpus delicti: theory and practice / resp. ed. L.L. Kruglikov. Moscow, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Анастасия Сергеевна, аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации;
e-mail: smnans@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.S. Smirnova, Postgraduate Student, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;
e-mail: smnans@mail.ru

О «полноте» процессуального статуса прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением

Анализируются положения российской уголовно-процессуальной доктрины, касающиеся статуса прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением (гл. 31 УПК РФ). Оценивая реальные полномочия прокурора в ситуации, связанной с изменением обвинения, изложенного в указанном акте, как инициативно, так и посредством указаний следователю (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), автор обосновывает вывод о том, что пределы полномочий прокурора изначально связаны императивным указанием закона и позициями судебной практики. По сути, «формула» утвержденной прокурором в обвинительном заключении государственного обвинения всегда должна соответствовать «формуле» того обвинения, которое ранее было сформировано в следственном постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Таким образом, «независимая» оценка и решения прокурора по делу всегда опосредованы этой латентной процессуальной «ловушкой», фактически нивелируя самостоятельность и независимость последнего в формировании государственного обвинения исключительно в соответствии со своим внутренним убеждением.

Ключевые слова: прокурор, обвинительное заключение, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, «формула» обвинения.

On the "completeness" of the procedural status of the prosecutor in the case filed with the indictment

The paper analyzes the judgments of the Russian criminal procedure doctrine regarding the status of a prosecutor in a case filed with an indictment (chapter 31 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). Assessing the real powers of the prosecutor in a situation related to changing the charges set out in the said act, both proactively and through instructions to the investigator (paragraph 2 of part 1 of article 221 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), the author substantiates the conclusion that the limits of the prosecutor's powers are initially bound by the imperative indication of the law and the positions of judicial practice. In fact, the last "formula" approved by the prosecutor in the indictment of the state prosecution must always correspond to the "formula" of the charge that was previously formed in the investigative decision on bringing as an accused. Thus, the "independent" assessment and decisions of the prosecutor in the case are always mediated by this latent procedural "trap", in fact leveling the independence and independence of the latter in the formation of the state prosecution solely in accordance with his inner conviction.

Keywords: prosecutor, indictment, decision to bring in as an accused, "formula" of the prosecution.

Обозначив в качестве предмета исследования статус и назначение деятельности прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением (ст. 221–222 УПК РФ), прежде всего определимся в сути утверждения этого процессуального акта. По идее, ответ на данный вопрос не должен вызывать затруднений, ибо как в предмете изучения прокурором поступившего дела, так и в акте утверждения обвинительного заключения доктриной уголовно-процессуального права России принято выделять две диалектически взаимосвязанные стороны – процессуальную и материальную.

Процессуальная связана с оценкой прокурором собственно итогов досудебного этапа

производства по делу, и в соответствии с этим вектором прокурор проверяет законность и обоснованность актов: инициации производства по уголовному делу; принятия дела к производству управомоченным следственным органом; связанных с формированием системы доказательств по делу, релевантно значимых для установления обстоятельств предмета доказывания; законного и обоснованного привлечения уголовно преследуемых лиц в качестве обвиняемых; вынесения основных процессуальных решений; обеспечения прав и законных интересов основных участников процесса. Как следствие, прокурором объективно оценивается, насколько: те или иные нарушения

закона или прав заинтересованных лиц могут быть восприняты как существенные, препятствующие рассмотрению дела судом по существу (ст. 237 УПК РФ); процессуальные итоги формирования тех или иных доказательств по делу отвечают критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. В итоге именно через эти правомочия и акты прокурорского реагирования реализуется (обязательная) контрольно-проверочная функция исследуемого этапа по отношению к сути и итогам стадии предыдущей.

Материальная сторона призвана оценить качественные итоги предыдущего производства по делу. В итоге ее предметом последовательно выступают независимые оценки законности и фактической обоснованности вынесения следственных актов, связанных с обоснованием утверждения-тезиса (обвинения) о виновности уголовно преследуемых лиц в совершении инкриминируемых преступных деяний. И в этом контексте с позиций материального права прокурором прежде всего оценивается достаточность доказательств, сформированных в рамках производства по делу, для целей избличения уголовно преследуемых лиц в тех преступных деяниях, которые им инкриминированы и в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, и в итоговом обвинительном заключении. При этом итог указанной достаточности должен быть объективно представлен качественной характеристикой доказанности данного обвинения по каждой статье, пункту, квалифицирующему признаку материального (уголовного) закона.

Таким образом, именно диалектика процессуального и материального формирует итоговый вывод (внутреннюю убежденность) прокурора как о выполнении непосредственных процессуальных задач стадии предварительного расследования, так и о наличии законных и достаточных оснований для утверждения обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд для целей его рассмотрения (разрешения) по существу.

С указанных однозначных позиций мы, безусловно, не можем полностью разделить суждения С.Б. Россинского о «процессуальном» и сугубо «организационно-техническом» назначении утвержденного обвинительного заключения по делу. Если характеристики первой, «процессуальной» стороны как акта признания результатов расследования пригодными для направления дела в суд не вызывают особо существенных возражений, то вторая «организационно-техническая» (справочно-техническая) сторона в ее трактовке указанным автором в принципе неприемлема для нас [1, с. 10]. Ви-

деть в сути центрального акта досудебного производства по делу лишь справочно-технический момент обеспечения сторонам и суду возможности оперативного обращения к актуальным материалам уголовного дела – значит полностью нивелировать материальную и процессуальную ценность обвинительного заключения как важнейшего процессуального акта на досудебном этапе процесса. И то, что С.Б. Россинский и далее «утверждается» в подобных оценках [2, с. 33–38], не побуждает нас к принципиальному изменению отстаиваемых позиций.

Для понимания наших подходов обратимся к сути и характеру обвинения, которое на основе обвинительного заключения и непосредственно материалов поступившего дела изучает, проверяет, утверждает прокурор – основной субъект исследуемого этапа. На первый взгляд, здесь все предельно ясно и точно. Пункт 22 ст. 5 УПК РФ поясняет: обвинение есть утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Чье именно это «утверждение», для каких целей и в каком порядке оно объективировано в российском уголовном процессе, более или менее точно раскрывают нормы ст. 171–174 УПК РФ, регламентирующие институт привлечения в качестве обвиняемого. Отсюда и стандарты знакомых «до боли» ответов: это утверждение следственное; как в фактической, так и в юридической части оно формируется в стадии предварительного расследования. Процессуальная форма этого утверждения-тезиса в уголовном процессе – постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) и, как итог (итоговый результат), обвинительное заключение в целом по делу, окончательному предварительным расследованием (ст. 220 УПК РФ).

И первое, и второе – акты следственные; как-либо повлиять на юридическую и фактическую основу и выводы следствия в стадии предварительного расследования прокурор, как известно, не в состоянии. Ни отменить, ни изменить, ни обжаловать в судебном порядке эти акты в принципе невозможно. Не обязательны для следователя и указания прокурора по этим моментам. Прокурору лишь направляется копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого, не более. Это положение дел, как правило, объясняется процессуальной независимостью следственных органов, самостоятельно определяющих ход, направление предварительного расследования и порядок вынесения процессуальных решений. Проку-

пор в силу известных новаций от 5 июня 2007 г. (см.: Федеральный закон № 87-ФЗ) практически полностью утратил легальные средства воздействия на процессуально независимый следственный орган [3, с. 29–34].

Известно и то, что акт привлечения в качестве обвиняемого имеет не только процессуальную, но и материальную сторону. Доктриной российского уголовно-процессуального права и непосредственно практикой достаточно обоснован тезис о том, что именно акт привлечения в качестве обвиняемого, а не обвинительный приговор является актом привлечения лица к уголовной ответственности (к обязанности дать ответ за совершенное преступление, подвергнуться за него государственному осуждению (порицанию), наказанию и судимости) [4, с. 36–40]. Отсюда доминирующие оценки этого акта как центрального, институционального для понимания общей структуры процесса на досудебном этапе, определяющего своим содержанием все иные институты и производства уголовного судопроизводства России. Как следствие, весьма широко озвучены констатации о том, что именно этим актом впервые и окончательно формируется юридическая и фактическая «формула» обвинения по делу; что именно указанный акт формирует предмет предстоящего судебного разбирательства, объем, содержание и границы отправления правосудия в суде первой инстанции. Что касается обвинительного заключения, то этот акт «...лишь дублирует, повторяет, "засиливает" сформулированную ранее следственную позицию» [1, с. 13].

Между тем известны и иные оценки, объективируемые в доктрине российского уголовно-процессуального права. К примеру, что в силу ряда субъективных ведомственных акцентов акт привлечения в качестве обвиняемого давно и широко выполняет сугубо служебные, процессуальные роли, «засиливая» законность кратковременного задержания подозреваемого в порядке ст. 91–92 УПК РФ. Или – в сугубо ведомственном контексте – «придавая» свойства законности ходатайствам следственных органов в суд, разрешаемым в порядке ст. 108–109 УПК РФ [5, с. 30–34]. Или формируя «должный» процессуальный статус уголовно преследуемых лиц для целей приостановления производства по делу; или выступая как актуальное «основание» для организации международного розыска скрывшегося обвиняемого [6, с. 12–21]. При этом, обеспечивая названные ведомственные задачи, данный «определяющий» акт досудебного производства по делу, как правило, не имеет под собой достаточных оснований; содержит сугубо прогностическую квали-

фикацию содеянного обвиняемым [7, с. 127; 1, с. 12]. В той же мере нарастающая «депроцессуализация» и «дематериализация» этого акта вызвана известными и широко наработанными следственными практиками перманентного «перепредъявления» обвинения («перепривлечения» лица к уголовной ответственности) при полной неизменности как фактической, так и юридической стороны каждого «нового» обвинения [8, с. 98–105].

Как следствие, доктриной все «громче» озвучивается тезис о том, что порядок привлечения лица в качестве обвиняемого (привлечения к уголовной ответственности!) следует изменить. И прежде всего уголовному процессу России в принципе не нужны на досудебном этапе два субъекта с практически тождественным процессуальным статусом (подозреваемого и обвиняемого). Производство по делу должно осуществляться в отношении подозреваемого, по факту обеспеченного всей полнотой процессуального статуса. Что касается обвиняемого, актом его привлечения к уголовной ответственности и наделения статусом обвиняемого должен стать акт утверждения прокурором обвинительного заключения по делу, ибо привлекать лицо к уголовной ответственности перманентно, «по частям», исходя из сугубо ведомственных интересов, объективно нельзя [8, с. 104]. Целесообразность и эффективность такого порядка, как правило, обосновываются доводами о том, что именно в обвинительном заключении впервые:

системно, полно, хронологически последовательно приводится формула итогового следственного обвинения (доказанного утверждения-тезиса о виновности), адресуемого прокурору и суду, с учетом всех «отсекающих» постановлений о прекращении уголовного преследования в части предъявленного обвинения, вынесенных следователем на том или ином этапе предварительного расследования;

при этом в отличие от постановлений о привлечении в качестве обвиняемого данная «формула» не только детально раскрыта следственным органом по фактам и временным эпизодам, но и максимально полно обоснована ссылками на доказательства, сформированные в ходе предварительного расследования, всесторонне проверенные (оцененные), приведенные следователем в систему для целей обоснования этого итогового следственного утверждения-тезиса;

в итоге именно на этой основе системно приведена окончательная юридическая квалификация содеянного по каждому из преступных деяний обвиняемого с обоснованием в заключении конкретной статьи, части, пункта, квалифицирующего признака (признаков), инкри-

минируемого деяния, с указанием доказанной формы вины, роли каждого обвиняемого в совершении инкриминируемого деяния (деяний).

Таким образом, не только обвиняемый, но и защитник (в дальнейшем – прокурор) реально получает возможность действительно всесторонне, полно, объективно оценить как фактическую, так и юридическую сторону итогового следственного утверждения-тезиса; верифицировать каждый из выводов органа предварительного расследования посредством анализа доказательств, указанных в ссылках и имеющихся в материалах дела; выработать на этой основе тактику и стратегию защиты или поддержания (утвержденного) государственного обвинения в суде.

И в этом контексте: «Обвинительный акт ни в каком случае не может быть уподоблен докладной записке, в которой с одинаковым беспристрастием излагаются как доказательства обвинения, так и доказательства защиты. Обвинительный акт есть слово обвинительной власти, и его содержание, по неизбежности, односторонне» [9, с. 215].

Мы не только всецело согласны с приведенным высказыванием, но и акцентируем вектор этой односторонности: его суть, на наш взгляд, в обвинении, право «распоряжения» которым переходит от органа предварительного расследования к органу обвинительной власти.

Как следствие, все, по идее, кардинально меняется там и тогда, где и когда указанное следственное обвинение ставится на оценку и утверждение обвинительной власти (ст. 221 УПК РФ). По итогам независимой и объективной прокурорской проверки (оценки):

либо следственное обвинение актом утверждения обвинительной властью преобразуется в обвинение государственное как иск-притязание непосредственно обвинительной власти к независимому и беспристрастному суду о разрешении основного вопроса уголовного дела [10, с. 129–130];

либо дело и обвинение будут возвращены в следственный орган, не найдя поддержки у прокурора (у государства!) по причинам выявления существенных «дефектов» в его юридической или фактической части.

Нас, естественно, интересует акт утверждения этого следственного утверждения-тезиса, ибо только это решение есть средство к дальнейшему движению процесса в соответствии с нормативным его назначением. Основой государственного обвинения, как акцентировалось, выступает внутреннее убеждение прокурора:

об отсутствии в материалах дела (и непосредственно в обвинительном заключении; ст. 220 УПК РФ) существенных нарушений

закона, прав и законных интересов основных заинтересованных участников процесса (обвиняемого и потерпевшего) на досудебном этапе;

о достаточной фактической доказанности как материалами дела, так и содержательно-целостной стороной обвинительного заключения и самого факта преступного деяния (деяний), запрещенного уголовным законом, и виновности конкретных обвиняемых в их совершении;

о наличии в материалах дела достаточных, релевантно-значимых доказательств для постановки вопроса обвинительной властью об уголовной ответственности за совершение этих деяний конкретно установленных и привлеченных в качестве обвиняемых лиц;

об отсутствии иных препятствий к внесению дела и государственного обвинения-иска на разрешение суда первой инстанции и, соответственно, внутренней готовности прокурора – представителя обвинительной власти – поддерживать это обвинение (именем государства) перед независимым, объективным, беспристрастным судом.

Поэтому утверждение прокурором обвинительного заключения – акт не формальный, не процедурный, однозначно не «справочный». Это акт формирования государственного притязания-иска на рассмотрение судом права государства на наказание. Отсюда, по идее, процессуально и материально оправданы качественно отличные от стадии предварительного расследования полномочия прокурора по возможному несогласию с тем обвинением, которое представлено следственным органом. Возражения исследователей о том, что императивные указания прокурора, адресуемые органу предварительного следствия по итогам изучения дела в порядке п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, явно не согласуются с процессуальной независимостью последнего, на наш взгляд, не имеют под собой оснований. Особенно если понять и признать, что уголовное дело на этом этапе уже находится в производстве у прокурора; что согласно букве закона именно ему предоставлено право решать вопросы о дальнейшем движении этого дела и процесса в целом. Процессуальная независимость органов предварительного следствия применительно к отношениям «следователь – прокурор» однозначно «окончена» одновременно с окончанием стадии и собственно предварительного расследования по делу. Как следствие, указания прокурора по «переформатированию» следственного обвинения в обвинение, которое прокурор считает возможным внести на разрешение суда первой инстанции в соответствии со своим убеждением, – это принципиально иной вид процессуально-материального те-

зиса-утверждения о виновности как предмета рассмотрения и разрешения дела по существу.

Нам могут возразить: обвинение, представленное в обвинительном заключении, и обвинение в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого a priori не могут различаться между собой, особенно в части «формулы» последнего. Во-первых, в силу того, что в обвинительное заключение может быть включено лишь то обвинение, в отношении которого ранее состоялся акт вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ). Во-вторых, поскольку о сути обвинения официально был извещен обвиняемый и ему была обеспечена возможность защиты от этого обвинения. Нарушение или субъективное игнорирование прокурором данных взаимосвязанных правил однозначно является основанием для возвращения дела из суда прокурору (следователю) согласно нормам ст. 237 УПК РФ.

И в этом контексте прокурор оказывается в процессуальной «ловушке», ибо, оценив в рамках ст. 221 УПК РФ «формулу» следственного утверждения-тезиса о виновности обвиняемого, он вправе требовать от следователя изменений в юридической или фактической стороне данного акта лишь в части «формулы», предложенной следствием. Последняя, как известно, опосредована сутью тех обвинений, которые ранее были сформированы органом предварительного следствия в рамках (перманентных) постановлений о привлечении в качестве обвиняемого. Ни составить нового, качественно иного обвинительного заключения на основе собственной оценки материалов дела, ни кардинально изменить предложенную в обвинительном заключении следственную формулу обвинения прокурор по букве закона не вправе. В итоге всесторонность, полнота и объективность «независимой» прокурорской оценки изначально (искусственно) ограничена формулой обвинения, «авторство» которой принадлежит органу предварительного расследования. Либо прокурор «независимо» утверждает то, что ему «предписано» следственными постановлениями о привлечении в качестве обвиняемого и итоговым обвинительным заключением следователя, либо любой выход за пределы следственной «формулы» обвинения будет расценен судом как повод для применения п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Напомним, именно так ориентируют судей правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в постановлении от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Не «спасает» эту ситуацию и право прокурора на изменение обвинения в стадии подготов-

ки дела к судебному разбирательству (гл. 33–34 УПК РФ). Во-первых, в силу того, что по букве закона право на изменение обвинения в этой стадии предоставлено прокурору лишь по итогам предварительных слушаний (ч. 5 ст. 236 УПК РФ). При единоличном порядке подготовки дела к судебному разбирательству (гл. 33 УПК РФ) нормы УПК РФ подобных правомочий прокурора не содержат. Во-вторых, это правомочие следует толковать в единстве с нормами п. 1 ч. 1 ст. 236 УПК РФ, по сути которых указанное право прокурора по изменению подсудности и, соответственно, направлением уголовного дела на рассмотрение в иной управомоченный суд. В итоге, если прокурор и вправе изменить обвинение на этом этапе, то исключительно в сторону улучшения положения обвиняемого и с условием, при котором фактическая сторона этого обвинения не должна быть изменена существенно в сравнении с обвинением, ранее предъявленным. В-третьих, процессуальная форма подобного изменения – постановление прокурора, однако непосредственно процессуальный закон в отличие от формы, структуры, содержания обвинительного заключения не предусматривает ни содержательных требований, ни структуры подобного постановления. Действующая практика подготовки дела к судебному разбирательству также практически не являет примеров как реализации этих правомочий прокурора, так и их должной оценки судом.

Остается право прокурора на отказ от поддержания обвинения непосредственно при рассмотрении дела в первой инстанции (ч. 7 ст. 146 УПК РФ). Однако, во-первых, реализуется подобное право не на основе оценки прокурором материалов уголовного дела и непосредственно обвинительного заключения, а по итогам устного и непосредственного исследования доказательств судом. Во-вторых, в процессуальной «форме», никак не связанной с уже утвержденным обвинительным актом по делу. В-третьих, порядок такого отказа, как известно, дополнительно и скрупулезно оговорен ведомственным правовым регулированием. В итоге внутреннее убеждение государственного обвинителя далеко не всегда оказывается предрешающим для хода и результатов судебного разбирательства.

Не выход из ситуации и правомочия вышестоящих прокуроров, включая Генерального прокурора РФ, разрешающих конфликты, связанные с неприятием следственным органом обязательных указаний прокурора, высказанных в порядке п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Да, решение Генерального прокурора РФ в этом кон-

фликте однозначно окончательно и подлежит выполнению (ч. 4 ст. 221 УПК РФ). Вместе с тем это решение также не может быть субъективным, произвольным по сути. При действующей конструкции закона согласование «формулы» обвинения, изложенного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, и «формулы» утверждаемого обвинительного заключения, полагаем, императивно обязательно и для этого субъекта правовых отношений. Как следствие, законных оснований для «обхода» исследуемой следственной «ловушки» в действующем уголовно-процессуальном законе нет.

Скептически оцениваются нами и предложения современной доктрины, связанные с наделением прокурора правом самостоятельно, на основе своего убеждения составить новое обвинительное заключение по делу, с самостоятельной оценкой и изложением как фактической, так и юридической стороны государственного обвинения-иска [11, с. 27–28; 12, с. 16–19; 13, с. 104–105; 14, с. 175–181]. И дело даже не в озвученных доктриной суждениях о том, что в настоящее время прокуроры вовсе не стремятся к реализации столь ответственной роли и «по традиции» будут возлагать акт исполнения этого документа непосредственно на следователя. Дело в том, что и в этой ситуации прокуроры остаются все в той же процессуальной «ловушке» правил-ограничений, опосредованных значением ранее предъявленных по делу «следственных» обвинений и, соответственно, правил, изложенных Пленумом и нормами п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

На наш взгляд, проблему надо решать кардинально иным образом:

1) если мы признаем, что этап изучения (оценки) материалов уголовного дела прокурором по правилам ст. 221–222, 226, 226.8 УПК РФ – это самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России (стадия формирования государственного обвинения), мы должны

столь же однозначно признать, что дело уже находится в производстве у прокурора;

2) соответственно, прокурор должен самостоятельно, независимо, объективно (на основе закона и внутреннего убеждения) решать всю систему вопросов, отнесенных к его компетенции, включая объективную оценку следственного утверждения-тезиса о виновности обвиняемого (обвиняемых);

3) наиболее коллизийным при этом становится момент самостоятельной оценки прокурором правильности, точности, полноты следственного утверждения-тезиса о виновности уголовно преследуемого лица в инкриминируемых ему преступлениях, соответственно, о наличии в материалах уголовного дела относимых, допустимых и достаточных доказательств, с достоверностью подтверждающих и юридическую, и фактическую сторону данного следственного утверждения-тезиса;

4) при отсутствии подобного убеждения либо при выявлении в материалах дела существенных (неустраняемых) нарушений закона и прав основных участников процесса прокурор должен обладать безусловным правом-требованием к следственному органу об устранении выявленных нарушений закона либо правом самостоятельного (на основе своего убеждения) составления и утверждения обвинительного заключения по делу как акта формирования государственного обвинения, которое обвинительная власть готова поддерживать перед судом;

5) обжалование независимым следственным органом подобных указаний и решений прокурора, вплоть до окончательного разрешения спора уполномоченным субъектом процесса (ч. 4 ст. 221, ч. 4 ст. 226 УПК РФ), приостанавливает направление уголовного дела в суд для целей его рассмотрения по существу; в итоге мы получим реальный баланс полномочий и интересов следственной и обвинительной власти.

1. Россинский С.Б. Обвинительное заключение и подлинные процессуальные смыслы // *Российский следователь*. 2023. № 10. С. 10–14.

2. Россинский С.Б. Подходы к форме и содержанию обвинительного заключения должны соответствовать его предназначению // *Российский следователь*. 2024. № 9. С. 33–38.

3. Ковтун Н.Н. К вопросу об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссий? // *Российская юстиция*. 2010. № 5. С. 29–34.

4. Ковтун Н.Н. Диалектика уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений в контексте сути, содержания и процесса реализации уголовной ответственности // *Российская юстиция*. 2022. № 1. С. 36–40.

1. Rossinsky S.B. *The indictment and genuine procedural meanings* // *Russian investigator*. 2023. No 10. P. 10–14.

2. Rossinsky S.B. *Approaches to the form and content of the indictment should correspond to its purpose* // *Russian investigator*. 2024. No 9. P. 33–38.

3. Kovtun N.N. *On the issue of the "lost" powers of the prosecutor. Is there a subject for discussion?* // *Russian justice*. 2010. No. 5. P. 29–34.

4. Kovtun N.N. *Dialectics of criminal law and criminal procedure relations in the context of the essence, content and process of realization of criminal responsibility* // *Russian justice*. 2022. No 1. P. 36–40.

5. Россинский С.Б. Требование об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого – причина скоропалительных и необоснованных обвинений // Российский следователь. 2024. № 2. С. 30–34.
6. Ковтун Н.Н., Ростов Д.В. Институт приостановления производства по уголовному делу: о новом «вине» и старых «мехах» // Российская юстиция. 2023. № 4. С. 12–21.
7. Россинский С.Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4(95). С. 121–128.
8. Ковтун Н.Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7, № 1. С. 98–105.
9. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: в 2 ч. Ч. 2: Судопроизводство. М., 2008.
10. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.
11. Буланова Н.В. Осуществление прокурором уголовного преследования при утверждении обвинительного заключения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 6(8). С. 27–28.
12. Грашичева О.Н. Проблемы правового регулирования полномочий прокурора на этапе предварительного расследования // Российский следователь. 2015. № 6. С. 16–19.
13. Краснопеев В.С. К вопросу о необходимости дополнения полномочий прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением // Молодой ученый. 2022. № 25(420). С. 104–105.
14. Шахматова А.Ю. Переквалификация уголовного дела прокурором на этапе утверждения обвинительного заключения // Global and Regional Research. 2023. Т. 5, № 2. С. 175–181.
5. Rossinsky S.B. The requirement to choose a preventive measure against the accused is the reason for hasty and unfounded accusations // Russian investigator. 2024. No 2. P. 30–34.
6. Kovtun N.N., Rostov D.V. Institute of suspension of criminal proceedings: on new "wine" and old "furs" // Russian justice. 2023. No 4. P. 12–21.
7. Rossinsky S.B. On the inadmissibility of "pilot" charges in pre-trial proceedings in a criminal case // Siberian legal bulletin. 2021. No 4(95). P. 121–128.
8. Kovtun N.N. Institute of involvement as an accused: on the "deprocessualization" and "dematerialization" of its essence and content in the criminal proceedings of Russia // Russian journal of legal studies. 2020. Vol. 7, no 1. P. 98–105.
9. Sluchevsky V.K. Textbook of the Russian criminal process: in 2 pts. Pt. 2: Proceedings. Moscow, 2008.
10. Kovtun N.N. The formation of public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia // Journal of Russian law. 2019. No 9. P. 123–137.
11. Bulanova N.V. The prosecutor's implementation of criminal prosecution when approving the indictment // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2008. No 6(8). P. 27–28.
12. Grashicheva O.N. Problems of legal regulation of prosecutor's powers at the stage of preliminary investigation // Russian investigator. 2015. No 6. P. 16–19.
13. Krasnopeev V.S. On the question of the need to supplement the powers of the prosecutor in a criminal case that came with an indictment // Young scientist. 2022. No 25(420). P. 104–105.
14. Shakhmatova A.Y. Retraining of a criminal case by a prosecutor at the stage of approving an indictment // Global and regional research. 2023. Vol. 5, no 2. P. 175–181.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дружинкин Николай Сергеевич, адъюнкт Нижегородской академии МВД России; e-mail: ppk.ppk90@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

N.S. Druzhinkin, Adjunct, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ppk.ppk90@mail.ru

---

Железняк Николай Семенович

Циркуляция оперативно значимой информации в профессиональном государственном сыске

Рассматривается понятие оперативно значимой информации, прослеживается процесс ее возникновения и движения, осуществляется анализ законодательства в исследуемой области, на основе которого делается вывод о необходимости его корректировки.

Ключевые слова: федеральный закон, оперативно-розыскная деятельность, конфиденциальность, информация, тайна, подписка.

Circulation of operationally significant information in professional state investigation

The concept of operationally significant information is considered, the process of its emergence and movement is traced, an analysis of legislation in the area under study is carried out, on the basis of which a conclusion is made about the need for its adjustment.

Keywords: federal law, operational-search activity, confidential, information, secret, subscription.

В процессе сознательной жизни человек регулярно использует два последовательно сменяющихся этапа: этап добывания (получения) информации и этап ее использования. Причем в результате использования информации он не только решает определенную задачу, но и получает новые сведения, которые могут быть применены в дальнейшем для разрешения новых проблем, достижения иных целей. Нарушение этой последовательности приводит к плачевным итогам.

«Если в наших знаниях о каком-либо предмете, – пишет А.П. Урсул, – существует неясность, неопределенность, а получив новые сведения об этом предмете, мы можем уже более определенно судить о нем, то это значит, что сообщение содержало в себе информацию» [1, с. 32].

Применительно к оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) владение оперативно значимой информацией создает предпосылки для эффективного решения правоохранительных задач.

Предметом настоящего исследования выступает процесс циркуляции подобной информации в сфере государственного профессионального сыска.

Информация понимается нами как осознанные сведения об окружающем мире, которые

являются объектом хранения, преобразования, передачи и использования¹.

С учетом этого следует уточнить, что такое оперативно значимая информация. В одном из известных источников она определяется как достоверная, своевременная и быстро поступающая информация, которая представляет значимость в непосредственный момент времени или в момент проведения оперативных (следственных) мероприятий². В другом (с учетом мнения известного ученого С.С. Овчинского, который полагает, что в самом широком смысле информация есть обозначение некоторой формы связей или зависимостей объектов, явлений, мыслительных процессов [2, с. 18]) – такие сведения идентифицируются как оперативно-розыскная информация, под которой подразумеваются получаемые субъектом ОРД с помощью специальных методов и средств фактические данные, содержащие в себе знания, необходимые и пригодные для выявления, предотвращения, пресечения и раскрытия преступлений, розыскной работы и решения иных задач борьбы с преступностью [3, с. 45–47].

Также исследуемый вопрос затрагивается в научных трудах Д.И. Беднякова «Непро-

¹ URL: https://ru.wikibooks.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%B4%D1%8B_%D0%B8%D (дата обращения: 17.02.2025).

² Сообщество по вопросам и ответам для изучающих языки [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.hina.tive.com/questions/13020157> (дата обращения: 17.02.2025).

цессуальная информация и расследование преступлений» [4, с. 17–18], В.Ф. Васюкова и А.Ю. Афанасьева «К вопросу о получении оперативно значимой информации из открытых источников информации сети «Интернет» [5], С.В. Тимофеева «К вопросу добывания оперативно значимой информации в сети Интернет: проблемы и пути их решения» [6]. Несмотря на полезное в целом содержание отмеченных работ, ни один из упомянутых авторов не представил свое определение понятия «оперативно значимая информация».

Поэтому первая из стоящих перед нами задач – восполнить имеющийся пробел. Для этого обратимся к изложенным выше определениям о сути оперативно значимой информации. В первом случае признаком таких сведений выступает *достоверная, своевременная и быстро поступающая* информация, которая представляет значимость в непосредственный момент времени или в момент проведения оперативных (следственных) мероприятий. С учетом того, что исследователь, судя по всему, не является представителем оперативно-розыскной или уголовно-процессуальной науки, считаем простительным неверное употребление таких терминов, как оперативные (следственные) мероприятия. Вместе с тем оценка оперативно значимой информации как достоверной вызывает определенные вопросы.

Достоверный означает не вызывающий сомнения [7, с. 173], не нуждающийся в проверке. Вместе с тем любые поступающие в оперативное подразделение сведения оперативно значимого характера в обязательном порядке подлежат верификации (процессу проверки и подтверждения достоверности источника с использованием различных методов)³, поскольку на их основе впоследствии будут осуществляться те или иные действия, предусмотренные оперативно-розыскным законом [8] (далее – ФЗ об ОРД).

Своевременный – осуществляемый в свое время, в нужный момент, кстати [7, с. 693]. Практика свидетельствует, что значительная часть оперативной информации, преимущественно получаемой от конфиденциальных источников, вряд ли может оцениваться как своевременная, поскольку зачастую поступает

с опозданием, особенно относительно подготовки преступных действий.

И, наконец, быстро поступающая. Видимо, эта характеристика оперативно значимой информации взята из словарных определений, одно из которых указывает на способность быстро, вовремя исправить или направить ход дел [7, с. 445]. Вместе с тем в современных словарях в определении термина «оперативный» акцент делается на иное понимание этого слова: непосредственно, практически осуществляющий что-нибудь [9, с. 584]; относящийся к какой-либо операции, вытекающий из операции, сопровождающийся операцией силовых структур⁴.

В связи с этим вряд ли можно оценить предложенную формулировку рассматриваемого термина как оптимальную.

Второму из упомянутых определений мы уделим меньше внимания по ряду причин.

Во-первых, автор процитированного выше фрагмента поставил знак равенства между оперативно значимой и оперативно-розыскной информацией, хотя представляется очевидным, что содержание первой является более важным, поскольку она может проявляться в различных сферах деятельности, а не только в оперативно-розыскной.

Во-вторых, в этой формулировке упоминаются фактические данные, т.е. отражающие действительное состояние чего-нибудь, соответствующие фактам [7, с. 836].

Под термином «фактические данные» некоторые ученые-процессуалисты понимают достоверные и объективно существующие факты.

Конституционный Суд РФ с позиции теории доказывания оценил оперативно-розыскную информацию следующим образом: «Результаты же оперативно-розыскных мероприятий... являются не доказательствами, а *лишь сведениями об источниках тех фактов*, которые, будучи полученными с соблюдением требований названного Федерального закона, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона» [10].

Поэтому правильнее считать, что в оперативно-розыском смысле под результатами ОРД (в том числе полученной информации-

³ URL: https://ru.wikibooks.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%B4%D1%8B_%D0%B8%D (дата обращения: 17.02.2025).

⁴ URL: https://ru.wikibooks.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%B4%D1%8B_%D0%B8%D (дата обращения: 17.02.2025).

ей) понимаются не факты, а лишь сведения о них. Это та информация об обстоятельствах, которую нужно будет установить суду по конкретному делу⁵. В случае же с оперативно-розыскными данными, о котором рассуждает А.П. Алексеева, достоверность и объективность представленной сыщику информации на момент ее поступления в оперативное подразделение весьма сомнительны.

Так что же такое оперативно значимая информация в сфере государственного профессионального сыска? По нашему мнению, это сведения, использование которых позволяет сотрудникам оперативного подразделения осуществить любые целесообразные и правомерные действия, направленные на решение задач ОРД.

Отталкиваясь от этого определения, осуществим попытку рассмотреть процесс циркуляции (перемещения) рассматриваемой информации в сфере борьбы с преступностью. Для этого отметим четыре традиционных направления движения подобных сведений с указанием их источников:

1. Полученные оперативником в ходе изучения оперативной обстановки на обслуживаемой территории, жалоб, заявлений граждан, сообщений должностных лиц и представителей общественных организаций.

2. Добытые и переданные сыщику лицом, оказывающим гласное или конфиденциальное содействие.

3. Поступившие из другого оперативного подразделения или иных правоохранительных структур.

4. Сообщенные оперативным сотрудником лицу, оказывающему ему содействие в борьбе с преступностью.

Следует обратить внимание, что первые три направления с юридических позиций не вызывают каких-либо проблем и достаточно подвергались исследованиям правоведов.

Что касается последнего, мы не нашли сколько-нибудь внятной оценки ученых относительно возможности и, самое главное, содержания передаваемых содействующему лицу данных для выполнения им заданий (поручений) оперативного сотрудника.

⁵ См.: Доказывание и доказательство в гражданском процессе [Электронный ресурс]. URL: <http://zaochnik-com.com/spravochnik/pravo/grazhdanskij-protsess/dokazyvanie-i-dokazatelstva-v-grazhdanskom-protses/> (дата обращения: 17.02.2025).

ФЗ об ОРД с целью противодействия преступности в ч. 5 ст. 6 декларирует возможность должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, использовать «помощь... отдельных граждан с их согласия на гласной и негласной основе». Суть этого предписания раскрывается в ч. 1 ст. 17 рассматриваемого закона, где отмечается, что указанные лица могут привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий.

Вот здесь и возникает вопрос об объеме и, самое главное, содержании сведений, передаваемых содействующему лицу для успешного выполнения поставленной задачи.

С одной стороны, в соответствии с ч. 1 ст. 12 ФЗ об ОРД «сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности... а также об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий (которые в каком-либо объеме следует передавать конфиденнту для успешного выполнения задания. – Н.Ж.) составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность».

С другой стороны, вполне очевидно, что взаимодействие с гласным или конфиденциальным помощником невозможно без сообщения последнему некоторой информации, отмеченной выше (например, раскрывающей сведения о лице, в отношении которого заведено (ведется) дело оперативного учета). Но ведь согласно данной норме такие действия должны предваряться вынесением соответствующего постановления, что, конечно же, на практике не реализуется.

Да и насколько логично при каждом использовании содействующих лиц оформлять подобные документы, увеличивая и без того чрезмерный документооборот? Мы полагаем, что это вопросы, на которые сегодня нет ответа.

Каков же выход из описанного положения? Представляется, он очевиден: для минимизации рассматриваемой проблемы следует законодательно (в ч. 1 ст. 17 ФЗ об ОРД) закрепить обязанность указанных лиц давать подписку о неразглашении полученных сведений, составляющих государственную тайну [11, с. 56–61], наличие которой при нарушении ими сформу-

лированного обязательства повлечет привлечение к уголовной ответственности по ст. 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны», поскольку в ее ч. 1 к таким относятся индивиду, которым информация, составляющая государственную тайну, «была доверена или стала известна по ...работе... или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

Такой подход, с одной стороны, позволит передавать содействующим лицам в разумных объемах сведения об объекте оперативного интереса, с другой – создать законодательные предпосылки для исключения в отношении представителя оперативного подразделения обвинения в разглашении сведений, составляющих государственную тайну.

1. Урсул А.Д. *Отражение и информация*. М., 1973.

2. Овчинский С.С. *Оперативно-розыскная информация / под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского*. М., 2000.

3. Алексеева А.П. *Оперативно значимая информация о преступлениях в сфере спорта // Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2019. № 4(46). С. 45–48.

4. Бедняков Д.И. *Непроцессуальная информация и расследование преступлений*. М., 1991.

5. Васюков В.Ф., Афанасьев А.Ю. *К вопросу о получении оперативно значимой информации из открытых источников информации сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024. № 1(65). С. 79–86.

6. Тимофеев С.В. *К вопросу добывания оперативно значимой информации в сети Интернет: проблемы и пути их решения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2021. Т. 18, № 2. С. 111–117.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова*. 4-е изд., доп. М., 2004.

8. *Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»*.

9. *Новейший словарь иностранных слов и выражений*. Минск, 2007.

10. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ракова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частями третьей и пятой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», частью третьей статьи 56 и частью второй статьи 79 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации*

1. Ursul A.D. *Reflection and information*. Moscow, 1973.

2. Ovchinsky S.S. *Operational search information / ed. by A.S. Ovchinsky and V.S. Ovchinsky*. Moscow, 2000.

3. Alekseeva A.P. *Operational significant information about crimes in the field of sports // Bulletin of the Krasnodar University of Russian MIA*. 2019. No 4 (46). P. 45–48.

4. Bednyakov D.I. *Non-procedural information and investigation of crimes*. Moscow, 1991.

5. Vasyukov V.F., Afanasyev A.Yu. *On the issue of obtaining operationally significant information from open sources of information on the Internet // Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No 1(65). P. 79–86.

6. Timofeev S.V. *To the question of gathering of operately significant information on the Internet: problems and ways of their solution // Forensics: yesterday, today, tomorrow*. 2021. Vol. 18, no 2. P. 111–117.

7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences; Vinogradov Institute of the Russian Language*. 4th ed., augm. Moscow, 2004.

8. *On operational investigative activities [Web resource]: fed. law d.d. Aug. 12, 1995 No 144-FZ. Access from the legal reference system "ConsultantPlus"*.

9. *The latest dictionary of foreign words and expressions*. Minsk, 2007.

10. *On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Rakov Evgeny Nikolaevich on the violation of his constitutional rights by parts three and five of article 6 of the Federal Law "On operational-search activities", part three of article 56 and part two of article 79 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation [Web resource]: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Sept. 24,*

[Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 24 сент. 2012 г. № 1738-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Железняк И.Н. Взгляд на оперативно-розыскную тайну: догма или фиаско? (постановка проблемы) // Оперативно-розыскное противодействие наркопреступности: материалы всерос. науч.-практ. семинара, 4 апр. 2024 г. / отв. ред. Н.Н. Цуканов; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Красноярск, 2024.

2012 No 1738-O. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

11. Zheleznyak I.N. A look at operational-investigative secrecy: dogma or fiasco? (problem statement) // Operational-investigative counteraction to drug crime: proc. of the All-Russian sci. and practical seminar, Apr. 4, 2024 / ed. by N.N. Tsukanov; Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". Krasnoyarsk, 2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности в органах внутренних дел Краснодарского университета МВД России; e-mail: zhns21@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

N.S. Zhelezniak, Doctor of Sciences in Jurisprudence, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zhns21@mail.ru

---

Организационные и правовые проблемы розыска лиц, находящихся под административным надзором

Рассматриваются проблемы, связанные с розыском и привлечением к уголовной ответственности лиц, уклоняющихся от административного надзора. Обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в действующее Положение по организации розыска и идентификации лиц.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовный закон, административный надзор, неприбытие поднадзорного, оставление поднадзорным места пребывания.

Organizational and legal problems of searching for persons under administrative supervision

The article examines the problems associated with the search and prosecution of persons evading administrative supervision. Proposals are made on the need to amend and supplement the Regulation on the organization of the search and identification of persons.

Keywords: operational search activity, criminal law, administrative supervision, failure of the supervised person to arrive, abandonment of the supervised person's place of residence.

В соответствии со ст. 173.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ административный надзор устанавливается за наиболее социально опасными лицами, которые освободились из мест лишения свободы, с целью предупреждения совершения ими новых преступлений и оказания на них индивидуального профилактического воздействия со стороны правоохранительной системы государства. Так, согласно указанной норме под административный надзор подпадают в основном лица, признанные судом особо опасными рецидивистами, и лица, осужденные за особо тяжкие преступления, связанные с террористической, экстремистской деятельностью, а также совершившие особо тяжкие преступления против личности, общества и государства.

В связи с особой общественной опасностью указанных лиц 6 апреля 2011 г. был принят Федеральный закон № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». В данном нормативном правовом акте административный надзор определяется как осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также выполнением им обязанностей, предусмотренных законом.

Исходя из данного законодательного определения, можно сделать вывод о том, что административный надзор применяется исключительно как мера профилактического воздействия на освободившееся лицо в целях предупреждения совершения им новых преступлений.

Помимо обстоятельств, связанных с профилактическим воздействием на лицо, находящееся под административным надзором, законодатель в п. 5 ст. 12 Федерального закона № 64-ФЗ предусмотрел полномочия органов внутренних дел по объявлению и осуществлению розыска поднадзорного лица, освобожденного из мест лишения свободы и не прибывшего без уважительных причин в определенный администрацией исправительного учреждения срок к избранному поднадзорным лицом месту жительства или пребывания, а также розыска поднадзорного лица, самовольно оставившего место жительства или пребывания либо выехавшего за установленные судом пределы территории, если судом ему было установлено такое административное ограничение.

Следует признать, что наличие рассматриваемой нормы имеет под собой веские основания: уклонение от административного надзора в практике деятельности органов внутренних дел представляет собой довольно распространенное явление. Так, на заседании коллегии МВД России Министром внутренних

дел РФ было озвучено, что из 48,9 тыс. лиц, находящихся под административным надзором, в отношении 13,1 тыс. были возбуждены уголовные дела по ст. 314.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) за уклонение от административного надзора или злостное несоблюдение его правил [1, с. 111–112].

Сложившаяся ситуация с неприбытием или самовольным оставлением места жительства повлияла на осложнение оперативной обстановки в регионах и обусловила рост числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных указанной категорией лиц. Доля вновь совершивших преступления из числа поднадзорных в 2023 г. составила 17% (в 2022 г. – 16%). Значительное количество преступлений ими совершено в том числе и в Краснодарском крае – 519 [1, с. 112].

Следует признать, что законодатель не оставляет без внимания такую общественно опасную категорию лиц, как неприбывшие или скрывшиеся от административного надзора, и в п. 12 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» возлагает на органы полиции обязанность осуществлять розыск «...лиц, в отношении которых установлен административный надзор, не прибывших к месту его осуществления либо самовольно оставивших его...». 8 июля 2011 г. был утвержден приказ МВД России № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», согласно которому сотрудники полиции «11.2. Осуществляют по указанию начальника территориального органа сбор информации для установления места нахождения поднадзорных лиц, уклоняющихся от административного надзора. 11.3. Осуществляют в установленном порядке розыск поднадзорных лиц, подозреваемых в совершении преступления, предусмотренного статьей 314.1 УК». Однако рассматриваемый нормативный правовой акт регламентирует вопросы наблюдения за поведением поднадзорных лиц и не решает проблемы, связанные с их розыском по причине уклонения от административного надзора или неприбытия по месту жительства или пребывания.

В ст. 314.1 УК РФ содержится прямое предписание о привлечении к уголовной ответственности лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении

из мест лишения свободы, за неприбытие без уважительных причин к избранному им месту жительства или пребывания в определенный администрацией исправительного учреждения срок, а равно самовольное оставление места жительства, пребывания или фактического нахождения, совершенные в целях уклонения от административного надзора. Согласно этой норме уголовная ответственность за уклонение от административного надзора уже наступает с момента объявления такого лица в розыск. Так, в соответствии с положениями п. 2 ч. 1 ст. 208 и ст. 209 Уголовно-процессуального кодекса РФ орган расследования приостанавливает предварительное следствие и объявляет подозреваемого или обвиняемого в розыск, если он скрылся и его местонахождение неизвестно.

Несмотря на то, что в федеральных законах № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и № 3-ФЗ «О полиции» содержатся предписания о розыске лиц, находящихся под административным надзором, некоторые организационно-тактические вопросы их розыска в действующих нормативных правовых актах МВД России не урегулированы.

Так, в п. 3 Положения об организации и осуществлении розыска и идентификации лиц не предусмотрено такое основание розыска, как неприбытие без уважительных причин лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, к избранному им месту жительства или пребывания в определенный администрацией исправительного учреждения срок, а равно самовольное оставление поднадзорным лицом места жительства, пребывания или фактического нахождения, совершенные в целях уклонения от административного надзора. В указанном Положении содержится обширный перечень лиц, подлежащих розыску и идентификации. К ним относятся скрывшиеся от органов расследования подозреваемые и обвиняемые; пропавшие без вести граждане; лица, уклоняющиеся от исполнения назначенных им судом принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия; несовершеннолетние, самовольно ушедшие из семей и другие категории. Однако в анализируемом документе не указаны лица, в отношении которых установлен административный надзор при освобождении

тивный надзор и которые в силу различных причин не прибыли к месту проживания. Вместе с тем в соответствии с действующими нормативными актами они относятся к подозреваемым в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ.

В связи с изложенным не совсем понятно, как можно возбудить уголовное дело только потому, что поднадзорное лицо отсутствует по месту проживания. Для возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ и привлечения виновного к ответственности следует установить умысел лица, о чем имеется разъяснение в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 21. Следовательно, необходимо провести проверку материала на предмет наличия признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, и опросить поднадзорное лицо. Однако сделать это невозможно в силу того, что на данный момент оно отсутствует по месту жительства либо месту пребывания. Дознаватель не может усмотреть в действиях поднадзорного лица признаки состава преступления, поскольку он его еще никогда не видел и проверка первичного материала никаких результатов не дала. Считаем, что поднадзорное лицо целесообразно будет отнести к пропавшим без вести и разыскивать его в рамках розыскного дела о без вести пропавшем. Согласно статистической отчетности по форме ф.1ЕМ по ГУВД МВД России по Краснодарскому краю из 22 приостановленных уголовных дел по факту неприбытия поднадзорных по месту их проживания 20 приостановлены в связи с неустановлением их местонахождения.

Исходя из приведенных примеров можно сделать вывод о необходимости сначала розыска поднадзорного лица в связи с его неприбытием к месту жительства или уклонением от административного надзора, а только потом возбуждения уголовного дела и проведения расследования.

В связи с этим в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 21 обращено внимание судов на то, что ответственность по ч. 1 ст. 314 УК РФ за неприбытие без уважительных причин лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, к избранному им месту жительства или пре-

бывания в определенный срок, а также за самовольное оставление поднадзорным лицом места жительства или пребывания наступает только в том случае, когда эти деяния совершены лицом в целях уклонения от административного надзора [4]. Исполнение предписания Верховного Суда РФ для установления цели уклонения возможно только при объявлении в розыск поднадзорного лица, его задержании, проведении проверки по факту его уклонения от административного надзора или неприбытия по месту постоянного пребывания.

Из всего изложенного следует вывод об отсутствии перспектив розыска названной категории лиц, поскольку скрывшиеся поднадзорные лица не являются объектом розыскной работы в органах внутренних дел, регламентируемой Положением об организации розыска и идентификации лиц.

Таким образом, проблема, связанная с неприбытием поднадзорного лица или уклонением его от административного надзора, содержит правовые коллизии. Представляется, что вначале следует разыскать его, а потом, если в действиях поднадзорного лица содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1, возбуждать уголовное дело и проводить следственные действия.

На основании проведенного анализа нормативных правовых источников, эмпирического материала нами сделаны следующие выводы: решение рассматриваемой проблемы видится в дополнении п. 3 Положения об организации и осуществлении розыска и идентификации лиц таким объектом розыска, как лицо, не прибывшее без уважительных причин в определенный администрацией исправительного учреждения срок к избранному месту жительства или пребывания, а также поднадзорное лицо, самовольно оставившее место жительства или пребывания либо выехавшее за установленные судом пределы территории, если судом ему было установлено такое административное ограничение;

только розыск и задержание обозначенной общественно опасной категории лиц в рамках Положения об организации розыска и идентификации лиц позволят впоследствии объективно квалифицировать действия поднадзорного лица и привлечь к ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 314.1 УК РФ.

1. Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел в 2023 году: аналит. материалы / Организационно-аналитический департамент МВД России. М., 2024.

2. Матеров С.Ю., Васильева Ж.С. Особенности производства доследственной проверки и дознания по фактам уклонения от административного надзора // Право и практика. 2018. № 1(15). С. 126–130.

3. Нугаева Э.Д., Ермолаева Е.Н. Некоторые проблемные аспекты, возникающие на этапе возбуждения и расследования уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2021. № 1(5). С. 74–80.

4. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 мая 2016 г. № 21. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198311 (дата обращения: 20.10.2024).

1. The state of law and order in the Russian Federation and the main results of the activities of the internal affairs bodies in 2023: analytical materials / Organizational and analytical department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2024.

2. Materov S.Yu., Vasilyeva Zh.S. Features of the production of pre-investigation checks and inquiry on the facts of evasion of administrative supervision // Law and practice. 2018. No 1(15). P. 126–130.

3. Nugaeva E.D., Ermolaeva E.N. Some problematic aspects arising at the stage of initiation and investigation of criminal cases for crimes provided for in part 1 of article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Society, law, statehood: retrospective and prospect. 2021. No 1(5). P. 74–80.

4. On judicial practice in cases of crimes provided for in article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation [Web resource]: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. 24 May, 2016 No 21. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198311 (date of access: 20.10.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Легостаев Вячеслав Петрович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности в органах внутренних дел Краснодарского университета МВД России; e-mail: Legostaev-123@yandex.ru

V.P. Legostaev, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Professor of the Department of Operational Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Legostaev-123@yandex.ru

---

Привлечение представителей общественных организаций к оказанию конфиденциального содействия оперативным подразделениям органов внутренних дел

Обоснована необходимость привлечения представителей общественных организаций к оказанию конфиденциального содействия как обязательного условия эффективного противодействия преступности. Проведен анализ причин перспективности привлечения граждан, являющихся представителями различных общественных организаций, к конфиденциальному содействию оперативным подразделениям органам внутренних дел. Дана общая характеристика вариантов выбора общественных организаций, с участниками которых возможно установление конфиденциальных отношений, рассмотрены типы общественных организаций, представляющих интерес для поиска конфиденентов. Выявлены отдельные проблемы подбора конфиденентов из числа представителей общественных организаций, предложены пути их решения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, органы внутренних дел, конфиденциальное содействие, общественные организации.

Involvement of representatives of public organizations in providing confidential assistance to operational units of internal affairs bodies

The thesis on involving representatives of public organizations in providing confidential assistance as a necessary condition for effective crime prevention is substantiated. An analysis of the reasons for the prospects of involving citizens who are representatives of various public organizations in confidential assistance to operational units of internal affairs bodies is conducted. A general description of the options for searching for public organizations with whose participants it is possible to establish confidential relations and the types of public organizations that are of interest for searching for confidants is presented. Certain problems of selecting confidants from among representatives of public organizations are identified, and ways to solve them are proposed.

Keywords: operational-search activities, internal affairs bodies, confidential assistance, public organizations.

Конфиденциальное содействие граждан органам внутренних дел (далее – ОВД) способствует предотвращению и раскрытию преступлений, обнаружению скрывающихся преступников, решению иных задач, стоящих перед оперативными подразделениями. При этом взаимодействие может принимать различные формы, такие как предоставление информации о готовящихся или уже совершенных преступлениях, участие в оперативно-розыскных мероприятиях (далее – ОРМ) или других действиях по документированию преступной деятельности. Важным аспектом содействия выступает обеспечение конфиденциальности установленных взаимоотношений, направленное преимущественно на их защиту от возможных угроз со стороны представителей криминалитета.

В связи с тем, что решать задачи по противодействию преступности становится все сложнее, теория оперативно-розыскной дея-

тельности (далее – ОРД) нуждается в постоянном совершенствовании, развитии ее частных элементов, таких как правовое регулирование, организация и тактика ОРД, оперативная проверка и разработка, ОРМ и методы ОРД и т.п. В последнее время с учетом необходимости расширения социальных ресурсов в борьбе с преступностью достаточно остро стоит вопрос об улучшении методов поиска граждан для привлечения их к сотрудничеству с ОВД.

Нормативными правовыми актами субъектов ОРД предусмотрена возможность однократного, кратковременного или периодического конфиденциального содействия лиц, а также сотрудничества на контрактной основе, причем выбор формы конфиденциальных взаимоотношений напрямую зависит от целей и задач планируемой деятельности [1, с. 57].

Как показывает практика, довольно эффективным приемом является поиск потенциальных конфиденентов среди представителей

различных общественных формирований. Сотрудничество с такими формированиями демонстрирует открытость правоохранительных органов, повышает легитимность действий полиции, причем подбор граждан для взаимодействия на конфиденциальной основе в этой среде представляется перспективным по следующим причинам.

1. Разнообразие специфики и направлений деятельности общественных организаций предопределяет особенности поиска в них граждан с целью привлечения к конфиденциальному содействию для решения широкого спектра оперативно-розыскных задач. Например, оперативный интерес могут представлять общественные формирования, оказывающие помощь бездомным, лицам, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию, страдающим от наркотической и алкогольной зависимости, освободившимся из мест лишения свободы, наличие оперативных позиций в которых позволяет обеспечить получение значительных объемов оперативно значимой информации.

2. Представители общественных организаций, как правило, пользуются по сравнению с государственными институтами повышенным доверием населения благодаря своей деятельности, направленной на защиту прав и интересов людей [2, с. 28]. Это доверие может способствовать получению информации, без него недоступной сотрудникам правоохранительных органов.

3. В силу социальной направленности общественных организаций и высокой гражданской активности их участники могут быть хорошо осведомлены о различных общественных проблемах и сложностях, в том числе находящихся в сфере интересов правоохранительных органов, и с учетом этого указывать на перспективные источники получения важных для ОРД сведений [3, с. 275]. Указанные организации часто обладают широкой сетью контактов в различных слоях общества, что позволяет им оперативно получать информацию непосредственно из закрытых или малоизученных социальных групп.

4. В круг задач многих общественных организаций входит профилактика правонарушений. По этой причине их участники могут оказывать активную поддержку полиции в пресечении и предупреждении противоправных действий, напрямую работая с молодежью, трудными подростками и другими уязвимыми группами населения [4, с. 26]. В таком случае негласное содействие позволяет эффективно предотвращать преступления уже на стадии их подготовки. Кроме того, используя гибкие методы коммуникации, конфиденты из таких организаций могут использовать неформальные каналы общения для выяснения обстоятельств совершенного правонарушения.

5. В то же время далеко не все общественные формирования осуществляют свою деятельность исключительно законными методами. Приобретение конфидента в формированиях, реализующих запрещенные законом схемы, обеспечивает получение достоверных данных о противоправных действиях руководителей или рядовых участников организации.

6. Усложнение структуры преступности, появление ее новых форм требует привлечения к противодействию ей специалистов из соответствующих общественных сфер [5]. Представители отдельных общественных организаций могут обладать необходимыми знаниями, представляющими особый интерес для получения оперативно значимой информации.

Между тем подбор конфидентов в общественных организациях может вызывать и определенные проблемы, связанные с опасениями по поводу безопасности и возможной потери репутации [6, с. 256]. Выявление факта сотрудничества с полицией приводит к крайне негативной реакции других членов организации, поэтому при работе с общественными организациями важно соблюдать особые конспиративные меры, направленные на защиту личных данных конфидентов и тайны их сотрудничества. Для нивелирования этих проблем необходима разработка специфических программ обеспечения безопасности данной категории информаторов, предусматривающих особые механизмы их защиты, учитывающих специфику их общественной деятельности. В этих программах следует предусмотреть использование цифровых технологий для эффективного и безопасного обмена информацией и повышения защищенности информаторов.

Для некоторых участников общественных организаций сотрудничество с правоохранительными органами нежелательно из-за конфликтов с уставными принципами и идеологией организации, а внутренние правила некоторых организаций (например, религиозных, правозащитных) могут препятствовать передаче сведений оперативно-розыскным органам. При подборе конфидентов в этой среде важно понимать, что движет членами конкретной общественной организации, учитывать особенности их мотивации.

На подбор кандидатов из числа представителей общественных организаций значительное влияние оказывают и ограничения, установленные законом. Участие отдельных категорий граждан в оперативно-розыскной деятельности может быть запрещено или требовать особых процедур [7, с. 39]. Например, органы, осуществляющие ОРД, не могут привлекать к конфиденциальному сотрудничеству по контракту священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений. Вме-

сте с тем оказание такими лицами содействия на бесконтактной основе в правовом смысле является приемлемым.

Для поиска общественных организаций, с участниками которых с учетом направленности и целей планируемых ОРМ возможно установление конфиденциальных отношений, могут быть использованы различные варианты:

изучение данных Министерства юстиции РФ позволяет обнаружить информацию о зарегистрированных некоммерческих организациях (далее – НКО) и их представителях; портал Минюста России обеспечивает поиск по названию НКО, ОГРН и другим критериям, что дает возможность установить контакт с руководством или рядовыми участниками этих организаций¹; анализ отчетов НКО, опубликованных на сайте Минюста России, может дать представление о структуре и активности организаций, а также о лицах, участвующих в их деятельности;

обращения и запросы в органы власти (это могут быть запросы в региональные органы власти и органы местного самоуправления, занимающиеся социальной обслуживанием населения и работой с молодежью) обеспечивают доступ к информации о деятельности общественных организаций²;

изучение социальных сетей и онлайн-платформ позволит использовать их для мониторинга активности общественных организаций: многие НКО ведут в социальных сетях страницы, на которых публикуют сведения о своих мероприятиях и участниках³;

участие в мероприятиях, организуемых общественными объединениями, позволяет установить личные контакты с руководителями и членами НКО;

установление связей с известными общественными организациями может помочь в выявлении нужных контактов и налаживании отношений для осуществления дальнейшего взаимодействия.

Эти приемы могут быть использованы как по отдельности, так и в комбинации для более эффективного поиска граждан, участвующих в об-

щественных организациях, что позволит оперативным подразделениям наладить с ними конфиденциальные отношения для решения задач ОРД.

Обозначим наиболее распространенные типы общественных организаций, представляющих интерес для поиска конфиденентов.

1) правозащитные организации (имеют широкий доступ к гражданам, которые могут быть потенциальными жертвами или свидетелями преступлений);

2) благотворительные фонды (имеют частые контакты с уязвимыми группами (бездомные, малоимущие, мигранты) и высокий уровень доверия с их стороны; за счет этого получают доступ к информации, неизвестной официальным органам);

3) религиозные организации и общины (обладают возможностью «входа» в закрытые или маргинализованные группы за счет высокой степени доверия к религиозным лидерам, однако в них наличествуют и этические противоречия, такие как тайна исповеди, моральные запреты);

4) молодежные и студенческие объединения (проявляют высокую активность в социальных сетях, часто осведомлены о криминальных событиях в молодежной среде, восприимчивы к идеям гражданской активности; способны обеспечить оперативное получение информации о правонарушениях в студенческой среде или в молодежных «тусовках», однако их представители, как правило, обладают недостаточным жизненным опытом, повышенными эмоциональными реакциями, подвержены манипуляциям);

5) спортивные общества, клубы (имеют отлаженную сеть связей внутри спортивных команд, ассоциаций болельщиков, доступ к специфическим группам, в которых могут проявляться насильственные или иные преступные действия, таким, например, как фанатские объединения);

6) экологические и природоохранные организации (нередко выявляют правонарушения в сфере экологии, коррупционные схемы, могут принять участие в резонансных расследованиях по экологическим нарушениям);

7) профсоюзы и трудовые объединения (за счет доступа к внутрикорпоративной экономической информации обладают возможностью оперативного выявления экономических преступлений, нарушений в сфере труда, включая факты коррупции на предприятии).

Подводя итог, можно констатировать, что в современных условиях привлечение представителей общественных организаций к конфиденциальному сотрудничеству с полицией обладает значительным потенциалом, но в то же время требует четкого правового и организационного регулирования. С учетом этого важ-

¹ См.: Портал для некоммерческих организаций Минюста России. URL: <https://nco.minjust.gov.ru> (дата обращения: 21.12.2024).

² См.: НКО Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: <https://nko.alregn.ru/nko/> (дата обращения: 21.12.2024); Реестр некоммерческих организаций Алтайского края, реализующих проекты в области профилактики наркомании и популяризации здорового образа жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://altairegion22.ru/gov/pravitelstvo-altayskogo-kрая/administration/isp/territorial/protivodeystvie-nezakonnomu-oborotu-narkoticheskikh-sredstv-profilaktika-narkomanii/reestr-nekommercheskikh-organizatsiy-altayskogo-kрая-realizuyushchikh-proekty-v-oblasti-profilaktik.php> (дата обращения: 21.12.2024).

³ "ВЫ-ХОД" – Алтайская Региональная Общественная Организация противодействия наркомании и незаконного оборота наркотиков в Барнауле. URL: <https://vi-hod.info/> (дата обращения: 21.12.2024).

но сформировать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию практики привлечения представителей общественных организаций к оказанию конфиденциального содействия правоохранительным органам, что

будет способствовать как повышению эффективности борьбы с преступностью, так и укреплению институтов гражданского общества, росту доверия общества к правоохранительной системе.

1. Павличенко Н.В. Охрана конфиденциального сотрудничества: проблемы систематизации норм права // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2009. № 2. С. 57–62.

2. Хомутов М.В. Участие социально ориентированных некоммерческих организаций в предупреждении преступлений: теоретические и социально-правовые предпосылки // *Общество и право*. 2018. № 2(64). С. 26–32.

3. Луговик В.Ф. Участие граждан в негласном расследовании преступлений // *Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск, 2019. С. 271–277.*

4. Хомутов М.В., Грибанов Е.В. Основные направления, положительный опыт и проблемы совершенствования участия социально ориентированных некоммерческих организаций в специальной профилактике преступлений // *Общество и право*. 2022. № 2(80). С. 25–32.

5. Осипенко А.Л. Организованная преступная деятельность в киберпространстве: тенденции и противодействие // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017. № 4(40). С. 181–188.

6. Симоненко Д.А. Факторы, влияющие на активность конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. 2023. № 4. С. 254–261.

7. Симоненко Д.А. Социальная обусловленность конфиденциального содействия отдельных лиц оперативным подразделениям органов внутренних дел // *Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири*. 2023. № 3. С. 38–46.

1. Pavlichenko N.V. Protection of confidential cooperation: problems of systematization of legal norm // *Legal science and law enforcement practice*. 2009. No 2. С. 57–62.

2. Khomutov M.V. Participation of socially oriented non-profit organizations in preventing crimes: theoretical and social-legal preconditions // *Society and law*. 2018. No 2(64). P. 26–32.

3. Lugovik V.F. Participation of citizens in covert investigation of crimes // *Legal problems of strengthening Russian statehood: coll. of papers. Tomsk, 2019. P. 271–277.*

4. Khomutov M.V., Gribanov E.V. Main directions, positive experience and problems of improving the participation of socially oriented non-profit organizations in special crime prevention // *Society and law*. 2022. No 2(80). P. 25–32.

5. Osipenko A.L. Organized criminal activities in cyberspace: trends and fighting // *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No 4(40). P. 181–188.

6. Simonenko D.A. Factors affecting the activity of confidential assistance of citizens to the operational unit of the internal affairs bodies // *Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*. 2023. No 4(97). P. 254–261.

7. Simonenko D.A. Social conditions of confidential assistance of individuals to the operational unit of internal affairs bodies // *Military-legal and humanitarian sciences of Siberia*. 2023. No 3. P. 38–46.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Симоненко Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, начальник Барнаульского юридического института МВД России; e-mail: simonenkoda@buiimvd.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

D.A. Simonenko, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Chief of the Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: simonenkoda@buiimvd.ru

Наиболее эффективные типовые тактические приемы, используемые при расследовании преступлений в сфере незаконной миграции

Приводится перечень преступлений в сфере незаконной миграции, раскрываются особенности подследственности указанных уголовно наказуемых деяний, исследуются тактические приемы, позволяющие наиболее эффективно расследовать данные преступления: оперативно-розыскные мероприятия, следственные и иные процессуальные действия, посредством которых алгоритмируются действия правоохранительных органов. Анализируются точки зрения отдельных ученых и примеры судебной практики по данной категории уголовных дел. Рассматриваются процессуальные сложности первоначального этапа расследования, в том числе необходимость участия переводчика в следственных действиях.

Ключевые слова: преступления в сфере незаконной миграции, методика расследования, первоначальный этап расследования, следственные действия.

The most effective typical tactics used in investigating crimes in the field of illegal migration

The article provides a list of crimes in the field of illegal migration, reveals the specifics of the investigation of these criminally punishable acts, examines tactical techniques that make it possible to most effectively investigate these crimes: operational search measures, investigative and other procedural actions, through which the actions of law enforcement agencies are algorithmized. The points of view of individual scientists and examples of judicial practice in this category of criminal cases are analyzed. The procedural difficulties of the initial stage of the investigation are considered, including the need for an interpreter to participate in the investigative actions.

Keywords: crimes in the sphere of illegal migration, investigation methods, initial stage of investigation, investigative actions.

В условиях современных глобализационных процессов одной из самых насущных для Российской Федерации остается проблема миграции.

Согласно докладу ЭКОСОС ООН [1] в 2020 г. Россия занимала четвертое место в мире по числу мигрантов (12 млн), уступая лишь Саудовской Аравии (13 млн), Германии (16 млн) и США (51 млн). При этом необходимо обратить внимание на то, что не все иностранные граждане прибывают в нашу страну на законных основаниях, а также указать, что российским уголовным законодательством предусмотрена ответственность за совершение преступлений в сфере миграции.

Так, ст. 322 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации, а именно без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из нее либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке,

закрепленном Федеральным законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [3].

Помимо незаконного пересечения государственной границы, которое может быть совершено как мигрантом, так и гражданином России, к непосредственным преступлениям в сфере миграции относятся фиктивная регистрация лиц по месту пребывания (жительства) в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322.2 УК РФ), фиктивная постановка на учет по месту пребывания иностранного гражданина или апатрида (ст. 322.3 УК РФ), а также организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), т.е. осуществление действий, направленных на незаконные въезд, пребывание или транзитный проезд через территорию России иностранных граждан или лиц без гражданства.

Преступления в сфере незаконной миграции могут сопровождаться другими уголовно наказуемыми деяниями, такими как подделка или изготовление поддельных документов (ст. 327 УК

РФ), коррупционные проявления (ст. 290–291.2 УК РФ), торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ) и др.

Хотя в научной доктрине, как и в некоторых официальных источниках (например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» [4, с. 114]), незаконное пересечение государственной границы не отнесено к числу преступлений, связанных с незаконной миграцией (ст. 322, 322.1, 322.2 и 322.3 УК РФ), считаем, что между ними есть много общего.

Нельзя не упомянуть и о таком важном уголовно-процессуальном институте, как подследственность, которая представляет собой отнесенность уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении к компетенции того или иного органа предварительного расследования [5]. Подчеркнем, что перечисленные преступления, связанные с незаконной миграцией, расследуются не одним органом предварительного расследования и даже не в одной форме предварительного расследования.

Так, преступление, предусмотренное ст. 322 УК РФ, в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [6] (далее – УПК РФ) расследуется в форме дознания дознавателями пограничных органов ФСБ России.

Большинство преступлений в сфере миграции относится к подследственности органов внутренних дел Российской Федерации. В то же время если по уголовным делам о фиктивной регистрации лиц по месту пребывания (жительства) в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322.2 УК РФ), фиктивной постановке на учет по месту пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства (ст. 322.3 УК РФ), а также неквалифицированном составе организации незаконной миграции (ч. 1 ст. 322.1 УК РФ) предварительное расследование будет производиться в форме дознания, то преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, относящееся к категории тяжких (за его совершение предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет), подлежит расследованию в форме предварительного следствия (п. 1 ч. 3 ст. 150, п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ).

При этом в расследовании преступлений, связанных с незаконной миграцией, непосредственно участвуют не только Следственный комитет РФ и органы внутренних дел, представляющие собой разветвленную структуру МВД России, но и третий орган, на который возложены полномочия по производству предварительного следствия, – ФСБ России, к подследствен-

ности которой федеральный законодатель отнес расследование квалифицированного состава организации незаконной миграции, предусмотренного ч. 2 ст. 322.1 УК РФ. Изложенное позволяет утверждать, что производить предварительное следствие по фактам совершения данных противоправных деяний могут следователи как органов внутренних дел, так и ФСБ России.

Расследование преступлений, связанных с незаконной миграцией, требует не только глубоких знаний уголовного и миграционного законодательства, но и применения специализированных криминалистических тактических приемов. Правоприменители в этой сфере сталкиваются с множеством вызовов, включая глобализацию миграционной преступности, совершение данных преступлений в составе организованных групп и коррупционных схем. Для успешного расследования этих преступлений необходим комплексный подход, сочетающий проведение оперативно-розыскных мероприятий, использование современных технологий и международное сотрудничество.

1. Установление личности мигрантов.

Личность преступника-мигранта – это комплекс сложных социально-демографических и нравственно-психологических признаков, которые обладают свойствами изменчивости, утраты и восстановления [7]. Первостепенной задачей на начальном этапе расследования преступлений, связанных с незаконной миграцией, является идентификация личности подозреваемых. В силу специфики анализируемых противоправных деяний подозреваемые часто скрывают свои реальные данные, используют поддельные документы или вообще не имеют удостоверяющих личность документов. Это существенно затрудняет их выявление и последующую депортацию, а также привлечение к уголовной ответственности. Наиболее эффективными приемами, используемыми при расследовании преступлений в сфере незаконной миграции, являются следующие.

1. Использование биометрических данных. Базы данных правоохранительных органов, содержащие биометрическую информацию (отпечатки пальцев, фотоизображения и т.д.), позволяют с высокой степенью достоверности идентифицировать личность мигрантов. В связи с этим важную роль играют международные соглашения и взаимодействие с миграционными службами других государств в обмене биометрической информацией.

Так, в рамках рассмотрения заявления о выдаче вида на жительство в результате проведения обязательной дактилоскопической регистрации гражданки Республики Таджики-

стан Н. установлено совпадение ее отпечатков пальцев рук с отпечатками пальцев А., в отношении которой в 2021 г. было принято решение о неразрешении въезда на основании п. 14 ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» сроком до 2029 г. А., изменив установочные данные на Н. и получив в 2023 г. новый паспорт, въехала на основании указанного документа в Российскую Федерацию, тем самым совершив преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 322 УК РФ.

2. Сравнительный анализ документов. Важным элементом в расследовании рассматриваемых преступлений является проведение почерковедческой, технической и лингвистической экспертиз с целью выявления подделок. В современном мире активно используются цифровые системы верификации документов, что существенно снижает вероятность мошенничества. Изучение миграционных карт, паспортов и иных документов может выявить подделку или несоответствие документа и предоставляющей его личности.

3. Взаимодействие с дипломатическими представительствами. Эффективная работа с посольствами и консульствами помогает получать точную информацию о подлинности паспортов, виз и иных документов, а также юридическом статусе иностранного гражданина в стране, из которой он прибыл. В некоторых случаях дипломатические миссии оказывают содействие в проведении судебных экспертиз за рубежом.

4. Допрос свидетелей и взаимодействие с информаторами. Практика показывает, что нелегальные мигранты, как правило, вступают в контакт с соотечественниками, находящимися на территории России на законных основаниях, могущими иметь информацию о преступной деятельности в сфере миграции. Важной задачей является не только использование данных лиц в качестве свидетелей, но и привлечение их к участию в оперативных мероприятиях.

Так, согласно постановлению Туапсинского городского суда Краснодарского края от 20 октября 2020 г. о прекращении уголовного дела в отношении Хачатрян А.Г. в связи с назначением судебного штрафа подсудимая, обвиняемая в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, осуществляя преподавательскую деятельность в качестве учителя армянского языка, на постоянной основе контактировала с гражданами Республики Армения, проживающими на территории г. Туапсе и Туапсинского района, распространила среди них информацию о возможности оформления

документов, предоставляющих право на продление иностранцам срока пребывания в Российской Федерации под видом осуществления трудовой деятельности. С 4 марта 2015 г. по 12 августа 2020 г. Хачатрян А.Г. сообщила гражданам Республики Армения М.А.А., О.Т.Г., М.Э.В. о возможности продления им срока пребывания в Российской Федерации, в последующем они лично обратились к ней с указанной целью, передав последней свои паспорта и миграционные карты. Далее Хачатрян А.Г. составила фиктивные трудовые договоры между собой как работодателем и указанными гражданами Республики Армения как ее работниками. При этом трудовую деятельность в соответствии с данными трудовыми договорами иностранные граждане осуществлять не намеревались и фактически не осуществляли. В дальнейшем подсудимая предоставила в отдел по вопросам миграции ОМВД России по Туапсинскому району указанные договоры и иную необходимую документацию для постановки иностранных граждан на миграционный учет сроком на один год по месту осуществления ими трудовой деятельности. Должностные лица отдела по вопросам миграции ОМВД России по Туапсинскому району, уполномоченные принимать решение о постановке на миграционный учет, введенные в заблуждение Хачатрян А.Г. относительно подлинности представленных трудовых договоров, полагая, что указанные иностранные граждане в действительности будут осуществлять трудовую деятельность в соответствии с указанными договорами с момента их заключения, приняли решение о постановке на миграционный учет сроком на один год по адресам регистрации принимающих сторон. За выполнение данных действий Хачатрян А.Г. получила от поставленной ею на миграционный учет иностранных граждан денежные средства в общей сумме 29 500 рублей, которыми распорядилась по своему усмотрению [8].

II. Оперативно-розыскные мероприятия для выявления организаторов и каналов незаконной миграции.

Противодействие незаконной миграции требует комплексного оперативного вмешательства. Главной целью процессуальных действий является выявление не только мигрантов, нарушающих закон, но и организаторов преступных групп, занимающихся созданием и эксплуатацией каналов незаконной миграции. Это направление особенно важно в связи с международным характером подобных преступных схем и высокой степенью их организованности. Для достижения обозначенной цели широко используются следующие тактические приемы.

1. Оперативное внедрение сотрудников в среду нелегальных мигрантов. Этот тактический прием, несмотря на сложность реализации вследствие необходимости его тщательной подготовки, остается одним из наиболее результативных для выявления организаторов и посредников (например, лиц, занимающихся фальсификацией документов). В условиях глобализации преступных сетей данный метод требует не только глубокого знания культурных и социальных особенностей стран, откуда пребывают иностранные граждане, но и активного международного взаимодействия.

2. Контроль за перемещениями мигрантов. Наблюдение за мигрантами может помочь выявить основные маршруты их перемещения, места нелегального проживания и работы, а также лиц, организующих их пребывание на территории страны.

3. Оперативный эксперимент. Данный прием применяется в случаях, когда имеется информация о предполагаемой незаконной деятельности, связанной с миграцией, но прямые доказательства этого пока отсутствуют. Путем оперативной инсценировки ситуации можно получить доказательства причастности подозреваемых к организации незаконной миграции.

III. Выявление поддельных и фальсифицированных документов.

Фальсификация документов является одним из наиболее распространенных способов, используемых для легализации незаконного пребывания мигрантов. В связи с этим органы дознания должны уделять особое внимание установлению подлинности миграционных карт, паспортов, виз, разрешений на работу и других документов, используемых мигрантами для пребывания в Российской Федерации. Эффективными приемами в связи с этим являются следующие.

1. Экспертиза документов. Важным элементом расследования является проведение судебно-технических экспертиз документов. В специализированных экспертно-криминалистических центрах имеется возможность установить факт подделки или изменения документа путем применения современных методов судебной экспертизы, таких как спектральный анализ, что позволяет выявить фальсификации, невидимые человеческому глазу. Использование программных средств для анализа цифровых изображений и шрифтов также является важным инструментом в борьбе с подделками.

2. Сопоставление данных. Тщательный анализ данных в различных документах мигранта, включая паспорта, визы, трудовые договоры и миграционные карты, помогает выявить несоответствия, которые могут свидетельствовать

о фальсификации. Важным элементом является межведомственное сотрудничество, которое позволяет оперативно сопоставлять данные из различных государственных реестров.

3. Использование баз данных. Электронные системы (например, АС ЦБД УИГ и ЕИР РМУ) позволяют оперативно проверять информацию, содержащуюся в документах иностранных граждан и лиц без гражданства, и выявлять случаи их фальсификации.

IV. Проведение допросов и опросов мигрантов и свидетелей.

Проведение допросов и опросов играет ключевую роль в раскрытии преступлений, связанных с незаконной миграцией. При этом особое значение приобретает тактика ведения допросов, которая должна учитывать специфику поведения мигрантов, их правовой статус, психологическое состояние и культурные особенности. Наиболее эффективными являются следующие тактические приемы.

1. Индивидуальный подход к допросам. Лица, находящиеся на территории России незаконно, могут бояться возможной депортации или уголовного преследования, что осложняет получение от них правдивой информации. В связи с этим важно использовать мягкую тактику допроса, не оказывая давления, а создавая атмосферу доверия (допрос в условиях бесконфликтной ситуации) [9].

2. Привлечение специалистов в области лингвистики. Часто мигранты владеют русским языком на низком уровне, что может затруднить общение. Привлечение переводчиков и специалистов по языкам и диалектам стран, откуда мигранты родом, позволяет избежать недопониманий и искажений информации.

3. Допрос свидетелей и потерпевших. Зачастую граждане России или иностранцы, легально находящиеся на территории Российской Федерации, становятся свидетелями или жертвами преступлений, связанных с незаконной миграцией. Как верно отметила С.И. Данилова, специфика допроса в качестве свидетелей лиц, в отношении которых имела место организация незаконной миграции, обусловлена тем, какие именно преступные действия были совершены: организация незаконного въезда, незаконного пребывания или незаконного проезда через территорию Российской Федерации [10]. Правильный подход к допросу таких свидетелей может дать важную информацию о каналах незаконной миграции и организаторах данных преступлений.

V. Взаимодействие с другими государственными и международными структурами.

Расследование преступлений, связанных с незаконной миграцией, требует активного

межведомственного и международного сотрудничества. Такие преступления часто имеют транснациональный характер, что делает невозможным их эффективное расследование без тесного взаимодействия органов дознания с подразделениями органов внутренних дел по вопросам миграции, иными правоохранительными органами и международными организациями. На основании изложенного необходимо согласиться с позицией А.В. Богданова и Е.Н. Хазова, в соответствии с которой эффективная борьба с транснациональной организованной преступностью возможна лишь при условии безукоризненно отлаженного взаимодействия между отдельными территориальными подразделениями одного силового ведомства, а также специально уполномоченными территориальными подразделениями различных правоохранительных органов [11]. Важными тактическими приемами в этом направлении являются следующие.

1. Совместные мероприятия с подразделениями по вопросам миграции МВД России, ФСБ России и другими государственными органами. Комплексное проведение операций позволяет охватить различные аспекты преступной деятельности, связанные с незаконной миграцией, включая вопросы безопасности, легализации пребывания мигрантов в нашей стране и борьбы с организованной преступностью.

2. Сотрудничество с международными организациями. Обмен информацией с Интерполом, Европолом, специализированными миграционными подразделениями ООН и аналогичными структурами может оказать существенную помощь в выявлении международных каналов незаконной миграции.

3. Взаимодействие с консульствами и дипломатическими миссиями иностранных государств. Налаженные каналы связи с дипломатическими миссиями позволяют оперативно получать информацию о гражданах иностран-

ных государств и об их правовом статусе на территории Российской Федерации.

VI. Применение средств технического контроля и мониторинга.

В условиях роста преступности в сфере информационных технологий эффективное расследование требует активного использования современных технологий. Технические средства мониторинга и контроля играют ключевую роль в отслеживании передвижений мигрантов, а также лиц, занимающихся организацией незаконной миграции. Среди наиболее результативных приемов можно выделить следующие.

1. Мониторинг телефонных переговоров и интернет-соединений. Контроль средств связи, используемых подозреваемыми, позволяет получать данные о перемещениях, планах и связях лиц, вовлеченных в незаконную миграцию.

2. Видеонаблюдение. Установка камер видеонаблюдения в местах массового скопления мигрантов или вблизи границ позволяет фиксировать передвижения лиц, связанных с преступной деятельностью в сфере незаконной миграции.

3. Использование дронов и GPS-трекеров. Современные технологии позволяют осуществлять скрытое наблюдение за передвижениями иностранных граждан и организаторов незаконной миграции без привлечения лишнего внимания.

Подводя итог, необходимо отметить, что успешное и эффективное расследование преступлений в сфере незаконной миграции требует использования целого комплекса тактических приемов, основанных на современных технологиях, правовых нормах и международном сотрудничестве. Важно учитывать специфику каждого дела и адаптировать тактику расследования под конкретные обстоятельства, чтобы минимизировать риски и достичь максимальной эффективности в борьбе с данной категорией преступлений.

1. Доклад ЭКОСОС ООН «Международная миграция» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/news/international-migration-2020> (дата обращения: 01.10.2024).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс]: федер. закон от 15 авг. 1996 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Report of the United Nations Economic and Social Council "International migration" [Web resource]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/news/international-migration-2020> (date of access: 01.10.2024).

2. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 No 63-FZ // Coll. legislation of the Russian Federation. 1996. No 25. Art. 2954.

3. On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation [Web resource]: fed. law d.d. Aug. 15, 1996 No 114-FZ. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

4. О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации. от 9 июля 2020 г. № 18. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Дикарев И.С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 113–125.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Агеева А.А. Криминалистические особенности личности преступника-мигранта [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Постановление Туапсинского городского суда Краснодарского края от 20 окт. 2020 г. по делу № 1-190/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://tuapse-gor--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=155566015&delo_id=1540006&new=0&text_number=1/ (дата обращения: 01.09.2024).

9. Васильев А.П., Вольский С.В. Тактические приемы допроса в условиях бесконфликтной ситуации // Столыпинский вестник. 2023. Т. 5. № 1. С. 223–235.

10. Данилова С.И. Организационно-тактические особенности производства опроса по уголовным делам об организации незаконной миграции // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. М., 2007.

11. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Роль, место и значение оперативно-розыскной деятельности по противодействию организованной преступности в сфере незаконной миграции на территории России // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 142–145.

4. On judicial practice in cases of illegal crossing of the State Border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration [Web resource]: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. July 9, 2020 No 18. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

5. Dikarev I.S. Investigative jurisdiction in criminal proceedings: issues of theory and legislative regulation // Journal of Russian law. 2020. No 4. P. 113–125.

6. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation d.d. Dec. 18, 2001 No 174 [Web resource]. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

7. Ageeva A.A. Forensic features of the personality of a migrant criminal // Russian investigator. 2021. No 11. P. 3–6.

8. Resolution of the Tuapse City Court of Krasnodar Territory d.d. Oct. 20, 2020 in case No 1-190/2020 [Web resource]. URL: https://tuapse-gor--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=155566015&delo_id=1540006&new=0&text_number=1/ (date of access: 01.09.2024).

9. Vasiliev A.P., Volsky S.V. Tactical interrogation techniques in a conflict-free situation // Stolypinsky bulletin. 2023. Vol. 5, No 1. P. 223–235.

10. Danilova S.I. Organizational and tactical features of interrogation in criminal cases on the organization of illegal migration // Problems of preliminary investigation and inquiry: coll. of sci. papers. Moscow, 2007.

11. Bogdanov A.V., Khazov E.N. The role, place and importance of operational-search activities to combat organized crime in the sphere of illegal migration on the territory of Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No 5. P. 142–145.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Каунов Александр Михайлович, преподаватель кафедры уголовного процесса, Краснодарский университет МВД России; e-mail: stin7035@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.M. Kaunov, Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: stin7035@rambler.ru

---

Омельченко Владимир Александрович
Еремченко Владимир Игоревич

Об оценке корректности механизма отнесения α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к наркотическому средству (по материалам ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю)

На основе результатов научных исследований, материалов экспертной практики, зарубежного опыта рассматривается вопрос возможности отнесения α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к наркотическому средству.

Ключевые слова: α -пирролидиновалерофенон, наркотические средства, производные наркотических средств, незаконный оборот наркотиков, уголовная ответственность.

On assessing the correctness of the mechanism for classifying α -pyrrolidinovalerophenone (α -PVP) as a narcotic drug (based on the materials of the Forensic Science Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Krasnodar Territory)

Using the results of scientific researches, materials of the forensic expert activity, foreign experience the issue of classifying α -pyrrolidinovalerophenone (α -PVP) as a narcotic drug is considered.

Keywords: α -pyrrolidinovalerophenone, narcotic drugs, narcotic drug derivatives, illegal drug trafficking, criminal liability.

В 2019 г. была опубликована научная статья «Оценка корректности механизма отнесения α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к наркотическому средству (по материалам ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю)» [1, с. 47–51]. Проблема отнесения α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к наркотическому средству на момент выхода статьи была, безусловно, актуальна, поскольку в течение последних десяти лет на территории Краснодарского края на долю α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) приходилось порядка 50% от общего количества изъятых из незаконного оборота наркотических средств (соответственно выявленных преступлений и проведенных судебно-экспертных исследований). Подобная распространенность была вызвана несовершенством на тот момент законодательства в сфере регулирования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, которое не позволяло признать вещество наркотическим в случае изменения его химической структуры, произ-

веденного путем замещения одного или нескольких атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп. При этом изменение химической формулы никак не влияло на утрату психоактивного эффекта у наркотического вещества, что требовало выработки действенного решения со стороны правоохранительных органов и законодателя.

Анализ позиции авторов, изложенной в названной научной статье, позволяет утверждать, что представленные ими выводы носят ярко выраженный субъективный характер.

Следует отметить, что в анализируемой статье [1, с. 47–51] приводятся действующие нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие порядок проведения судебной экспертизы по направлению «Исследование наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ». Правовые нормы, изложенные в работе, а также применяемые авторами термины соответствуют действующему российскому законодательству и ис-

пользуются сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России. Однако, несмотря на то, что статья «Оценка корректности механизма отнесения α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к наркотическому средству (по материалам ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю)» имеет определенную научно-теоретическую значимость, авторами недостаточно исследованы литературные источники, дана неполная оценка существующих научных точек зрения. В указанной работе рассматриваются исследования ученых в области противодействия незаконному обороту наркотиков, среди которых А.М. Бычкова [2], Е.Б. Мельников [3, с. 54–61], А.В. Тихомирова [4, с. 92–96], А.В. Федоров [5, с. 50–61] и др. Авторы ограничились анализом трудов, опубликованных в основном в ведомственных изданиях, тогда как отдельные заслуживающие внимания издания оставлены без должного изучения. Здесь следует выделить работу В.П. Мелкозерова и В.А. Шевырина [6], а также научный труд А.А. Степущенко, И.М. Фицева, И.Х. Ризванова и др. [7, с. 27–39]. Существенный вклад в деятельность экспертных подразделений по количественному и качественному определению в объектах экспертного исследования наркотического средства α -PVP внесли сотрудники ЭКЦ МВД России [8], представившие выкладки по исследованию объектов с применением различных методов: тонкослойной хроматографии, хромато-масс-спектрометрии, газовой хроматографии, ИК-спектроскопии, позволяющих проводить количественные расчеты содержания α -PVP с использованием аналитического оборудования в отсутствие аналитического стандартного образца.

Название научной статьи, вызвавшей полемику, в основном соответствует ее содержанию: цель, заключающаяся в оценке корректности механизма отнесения α -PVP к наркотическому средству «N-метилэфедрон и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень» и поиске новых путей запрета α -PVP, достигнута; задачи, поставленные в публикации, решены. При этом следует отметить, что авторы статьи, по нашему мнению, намеренно в названии и по тексту работы в отношении оценки механизма отнесения α -PVP к наркотическому средству «N-метил-

эфедрон и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень» применяют термин «корректность», а не «законность» или «правильность», поскольку представляют именно свой субъективный научный взгляд на рассматриваемую тематику.

Новизна научного материала, представленного А.С. Арутюновым и К.В. Протасовым, состоит в том, что в нем впервые на тот момент поднят вопрос корректности существующего и функционирующего в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации механизма отнесения химического соединения « α -пирролидиновалерофенон» к наркотическому средству путем признания его производным N-метилэфедрона и представлены альтернативные пути запрета оборота данного вещества на территории страны. Кроме того, работа выполнена на стыке наук (химии и юриспруденции), сочетание которых способствует решению задач по криминалистическому исследованию наркотических средств и психотропных веществ. Данное направление в науке является относительно новым (возникло не более 15 лет назад), в связи с чем зачастую подобные исследования до сих пор носят авторский, субъективный характер. Нередко в работах такого типа границы распространения законов химии и юриспруденции, а также их соотношения для решения конкретных прикладных задач судопроизводства по уголовным и административным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, определяют авторы научных работ.

Основная часть указанного научного материала посвящена анализу действующего механизма отнесения вещества α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к производным наркотического средства «N-метилэфедрон и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень» (такой анализ осуществлялся на примере заключений, выполненных экспертами отдела экспертиз материалов, веществ, изделий и пищевых экспертиз ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю) и рассмотрению альтернативных способов запрета оборота α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) на территории Российской Федерации. При этом в исследовательской части статьи А.С. Арутюновым и К.В. Протасовым показано, что α -PVP

рассматривается как производное N-метилэфедрона, в химической структуре которого один атом водорода в 3-м положении углеводородной цепочки замещен на этильную группу, а две N-метильных группы замкнуты в циклическую структуру путем замещения двух атомов водорода на мостиковую этаногруппу.

Авторы приходят к выводу, что наиболее перспективным путем запрета оборота α -PVP на сегодняшний день видится дополнение понятия «производное» фразой «допустима формальная замена двух или более атомов водорода, находящихся у разных атомов углерода, на один многовалентный заместитель».

Мы полагаем, что дефиниция «производное» в настоящее время полностью удовлетворяет потребностям экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации в части производства физико-химических экспертиз наркотиков, поскольку в совокупности предусматривает различные виды формальных замещений.

Возникший к теме статьи интерес связан, прежде всего, с проблемой борьбы правоохранительных органов с незаконным оборотом наркотиков в части, касающейся запрета оборота новых психоактивных веществ и дизайнерских наркотиков, которые крайне активно стали появляться на территории Российской Федерации около 10 лет назад, приводили к возникновению серьезной наркотической зависимости лиц, их употреблявших, а в ряде случаев к их гибели. На сегодняшний день темпы появления новых химических соединений, нуждающихся в контроле за оборотом, заметно снизились, алгоритмы отнесения веществ к производным наркотических средств и психотропных веществ, представленные в методических рекомендациях, утвержденных ЭКЦ МВД России, являются устоявшимися и не требующими внесения как незначительных коррективов, так и кардинальных изменений, поскольку заключения экспертов, выполненные по специальности «Исследование наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ», принимаются судами всех инстанций.

Вопрос отнесения исследуемого объекта к производному того или иного наркотического средства или психотропного вещества объективно и однозначно решается на основании

критериев, предусмотренных п. 6 примечания к перечню наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 (в редакции от 19.11.2012) [9].

Контроль за производными наркотических средств и психотропных веществ осуществляется, если это прямо указано в позиции контролируемого вещества, непосредственно включенного в указанный перечень и имеющего расширение «и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельной позиции». При этом производные таких наркотических средств и психотропных веществ будут сами являться наркотическими средствами и психотропными веществами, в том числе для целей ст. 228.1 УК РФ [10].

Проведенный анализ зарубежного опыта демонстрирует наличие аналогичных позиций, касающихся отнесения α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к наркотическому средству. Так, в 2024 г. гражданин Республики Беларусь приговорен к 16 годам лишения свободы за незаконный оборот веществ, содержащих в своем составе α -PVP, при этом зафиксирован летальный исход от их употребления [11]. На пагубное влияние α -PVP на организм человека, вызывающее кардиологические, неврологические и психиатрические осложнения, обращается внимание в диссертационном исследовании Е.В. Гребенкиной [12, с. 27–29]. Европейский мониторинговый центр за оборотом наркотиков в ходе аналитического исследования зафиксировал за 2012–2016 гг. на территории стран Европы более 20 официальных случаев летального исхода, вызванного острым отравлением организма человека α -пирролидиновалерофеноном [13]. В настоящее время в 16 странах Евросоюза установлен контроль за оборотом α -PVP [13]. По этому же пути идут и США, которые впервые столкнулись с оборотом данного производного в 2013 г. [14].

Таким образом, по нашему мнению, изложенная авторами анализируемой статьи точка зрения является субъективной, а рассуждения о корректности механизма отнесения α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к наркотическому средству (производному N-метилэфедрона) – несостоятельными.

1. Протасов К.В., Арутюнов А.С. Оценка корректности механизма отнесения α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к наркотическому средству (по материалам ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 2(44).
2. Бычкова А.М. Судебный прецедент как способ противодействия распространению новых потенциально опасных психоактивных веществ // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 5. DOI : 10.17150/2411-6262.2016.7(5).15
3. Мельников Е.Б., Дюгаев К.П., Михайличенко А.Г. Проблемы криминалистического исследования новых психоактивных веществ // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 1(14).
4. Тихомирова А.В. Правовые механизмы борьбы с незаконным оборотом синтетических психоактивных веществ // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 2(15).
5. Федоров А.В. Определение производных наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 1(29).
6. Мелкозеров В.П., Шевырин В.А. Экспертное исследование некоторых веществ из ряда пировалерона и N-метилэфедрона: информационное письмо для экспертных подразделений. Екатеринбург, 2011.
7. Исследование β -карбонилфенетиламинов / А.А. Степущенко, И.М. Фицев, И.Х. Ризванов и др. // Судебная экспертиза. 2010. № 4(24).
8. Особенности криминалистического исследования α -PVP – производного наркотического средства N-метилэфедрона: информ. письмо. М., 2024.
9. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 1998 г. № 681. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
10. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
11. Прокуратура Бобруйска: 16 лет лишения свободы за незаконный оборот альфа-PVP с летальным исходом [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. URL: <https://prokuratura.gov.by>.
1. Protasov K.V., Arutyunov A.S. Assessment of correctness of the mechanism of attribution α -pyrrolidinophenone (α -pvp) to drug (based on data of forensic science center of research Interior Affairs of Russia in Krasnodar region) // Bulletin of the Krasnodar University of Russian MIA. 2019. No 2(44).
2. Bychkova A.M. Juridical incident as a way of counteracting the expansion of new potentially dangerous psychoactive agents // Baikal Research Journal. 2016. Vol. 7, no 5. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(5).15
3. Melnikov E.B., Dyugaev K.P., Mikhailichenko A.G. Problems of forensic examination of new psychoactive substances // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia. 2014. No 1(14).
4. Tikhomirova A.V. Legal mechanisms for combating illicit trafficking in synthetic psychoactive substances // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia. 2014. No 2(15).
5. Fedorov A.V. Definition of derivatives of narcotic drugs and psychotropic substances for the purposes of criminal legislation // Theory and practice of forensic examination. 2013. No 1(29).
6. Melkozerov V.P., Shevyrin V.A. Expert examination of some substances from the pyrovalerone and N-methylephedrone series: information letter for expert units. Yekaterinburg, 2011.
7. Study of β -carbonylphenethylamines / A.A. Stepushchenko, I.M. Fitsev, I.Kh. Rizvanov et al. // Forensic examination. 2010. No 4(24).
8. Features of forensic examination of α -PVP – a derivative of the narcotic drug N-methylephedrone: information letter. Moscow, 2024.
9. On approval of the list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation [Web resource]: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. June 30, 1998 No 681. Access from the legal reference system "Garant".
10. Criminal Code of the Russian Federation [Web resource]: fed. law d.d. June 13, 1996 No 63-FZ. Access from the legal reference system "Garant".
11. Prosecutor's office of Bobruisk: 16 years of imprisonment for illegal trafficking of alpha-PVP with a fatal outcome [Web resource] // General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-pogolovnym-i-grazhdanskim-delam/prokuratura-bobruysk090424> (date of access: 22.07.2024).
12. Grebenkina E.V. Development of methods for chemical and toxicological research of synthetic

by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-pougovolnym-i-grazhdanskim-delam/prokuratura-bobruysk090424 (дата обращения: 22.07.2024).

12. Гребенкина Е.В. Разработка методик химико-токсикологического исследования синтетических производных катинона: дис. ... канд. фармацевт. наук. М., 2019.

13. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. EMCDDA–Europol. Report on the risk assessment of 1-phenyl-2-(pyrrolidin-1-yl)pentan-1-one (α -pyrrolidinovalephopnone, α -PVP) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emcdda.europa.eu/system/files/publications/2934/TDAK16001ENN.pdf> (дата обращения: 22.07.2024).

14. Schedules of Controlled Substances: Placement of 10 Synthetic Cathinones Into Schedule I: Federal register [Электронный ресурс]. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2017/03/01/2017-03974/schedules-of-controlled-substances-placement-of-10-synthetic-cathinones-into-schedule-i> (дата обращения: 22.07.2024).

cathinone derivatives: diss. ... Candidate of Pharmaceutical Sciences. Moscow, 2019.

13. European Monitoring Center for Drugs and Drug Addiction. EMCDDA–Europol. Report on the risk assessment of 1-phenyl-2-(pyrrolidin-1-yl)pentan-1-one (α -pyrrolidinovalephopnone, α -PVP) [Web resource]. URL: <http://www.emcdda.europa.eu/system/files/publications/2934/TDAK16001ENN.pdf> (date of access: 22.07.2024).

14. Schedules of Controlled Substances: Placement of 10 Synthetic Cathinones Into Schedule I: Federal register [Web resource]. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2017/03/01/2017-03974/schedules-of-controlled-substances-placement-of-10-synthetic-cathinones-into-schedule-i> (date of access: 22.07.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Омельченко Владимир Александрович, кандидат фармацевтических наук, начальник экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Краснодарскому краю; тел.: +78612135457;

Еремченко Владимир Игоревич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583831.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

V.A. Omelchenko, Candidate of Pharmaceutical Sciences, Chief of the Forensic Center, the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar Territory; ph.: +78612135457;

V.I. Eremchenko, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Chief of the Department of Forensic Expert Activity, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583831.

Логачева Екатерина Юрьевна

О методических подходах к технико-криминалистическому исследованию обесцвеченных рукописных реквизитов, выполненных термохромными материалами письма

Рассматриваются возможности технико-криминалистических методов исследования документов в целях решения задачи восстановления рукописных реквизитов, нанесенных обесцвечиваемыми при термическом воздействии красящими веществами.

Ключевые слова: термохромные материалы письма, пишущие приборы «пиши-стирай», люминесцентный анализ, исследование в отраженных ультрафиолетовых и инфракрасных лучах.

About methodological approaches to the technical and forensic exploration of discolored handwritten details made with thermochromic writing materials

The article consider the possibilities of technical and forensic methods of document research in order to solve the problem of restoring handwritten details caused by colorants discolored by thermal exposure.

Keywords: thermochromic writing materials, writing devices "write-erase", luminescent analysis, research in reflected ultraviolet and infrared rays.

Документы, содержащие рукописные реквизиты, часто выступают в качестве вещественных доказательств при расследовании и раскрытии преступлений, являясь объектами судебной технико-криминалистической экспертизы документов.

Как показывает анализ экспертной практики, нередко случаи поступления на исследование документов, реквизиты которых выполнены пишущими устройствами с так называемой функцией коррекции штрихов [1]. Штрихи, нанесенные такими пишущими инструментами, «стираются» определенным способом в зависимости от свойств используемых в них материалов письма: с помощью ластика, посредством трения специальным наконечником, воздействием обесцвечивающим реагентом. Потребительское назначение такого рода пишущих устройств заключается в возможности исправления записей без помарок, что делает их удобными, например, для использования в процессе обучения. Однако данные пишущие приборы могут быть применены правонарушителями для совершения мошеннических действий, связанных с фальсификацией содержания документов. Причем злоумышленники могут вносить изменения в первоначальное содержание документов, используя не классические варианты способов материального

подлога, а именно подчистку, смывание или травление.

Изменение рукописного текста в целях искажения информации в документе при использовании пишущих устройств с функцией коррекции штрихов подразумевает два варианта исполнения. Первый заключается в уничтожении содержания записи или отдельных символов (например, подписи); второй предполагает уничтожение исходных записей с нанесением вместо них записей иного содержания (например, вывести запись «15 апреля», а вместо нее нанести запись «10 марта»). Документы, реквизиты которых составлялись ручками со стираемыми материалами письма, а затем подвергались коррекции, являются документами с измененным первоначальным содержанием и относятся к объектам технико-криминалистической экспертизы документов.

Исследование рукописных реквизитов, которые были нанесены пишущими приборами, обладающими функцией коррекции, в процессе судебной технико-криминалистической экспертизы документов сводится к решению двух задач: 1) установление первоначального содержания документа, подвергнувшегося изменению; 2) выявление слабовидимых записей. Потенциальные вопросы, которые ставятся на разрешение экспертизы, могут быть сформу-

лированы следующим образом [2, 3]: «Содержатся ли в документе какие-либо записи, выполненные невидимыми чернилами? Если да, то каково их содержание?», «Не подвергался ли документ каким-либо изменениям? Если да, то каким способом они осуществлены и каково первоначальное содержание документа?».

В связи с тем, что рассматриваемые материалы письма являются относительно новыми, а их ассортимент на рынке канцелярских товаров увеличивается, вопрос об особенностях их экспертного исследования является достаточно актуальным и требует разработки экспериментально подтвержденных подходов, позволяющих проводить визуализацию удаленных штрихов.

Данная статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов методического и технического обеспечения криминалистического исследования документов в целях восстановления содержания реквизитов, выполненных стираемыми материалами письма.

Согласно отдельным источникам пишущие приборы с функцией коррекции штрихов разделяются на три категории в зависимости от конструкции пишущего узла, свойств красящего вещества и механизма обесцвечивания [1, 4]:

1. Ручки с шариковым пишущим узлом, выполненные пастообразным красящим веществом. Штрихи удаляются ластиком, причем способность штрихов к удалению ластиком ухудшается с течением времени. Отмечено, что штрихи сроком давности более суток практически не стираются. Красящее вещество не растворяется в воде, но подвержено воздействию органических растворителей, не проявляет люминесцентных свойств, прозрачно для инфракрасного излучения. Поверхность штрихов матовая, отсутствует характерный для классических паст шариковых ручек блеск. В морфологии штрихов наблюдаются следы давления, неравномерное распределение красящего вещества в виде наличия сгустков и неокрашенных участков, ровные края с красочным бортиком. Ассортимент паст данных видов ручек представлен образцами красного, зеленого, синего и черного цветов.

2. Капиллярные ручки, содержащие в качестве красящего вещества водорастворимые чернила. Штрихи обесцвечиваются при воздействии специального реагента, вероятно, в результате химической реакции, конструкция ручки состоит из двух частей – микропористого пишущего стержня и наконечника для нанесения обесцвечивающего реагента с целью удаления записи. Морфологические признаки

штрихов характеризуются наличием четких и ровных краев, равномерным распределением красящего вещества, отсутствием следов давления. Красящее вещество хорошо растворяется в воде, достаточно инертно по отношению к органическим растворителям, не проявляет люминесцентные свойства, имеет окраску синих или сине-фиолетовых оттенков. Штрихи имеют матовую поверхность с отсутствием блеска.

3. Гелевые ручки, красящее вещество которых обесцвечивается при воздействии нагревания. Температура, необходимая для удаления штрихов, достигается путем трения специального наконечника о бумагу, посредством действия теплой воздушной струи или при контакте с нагретым утюгом. В признаках штрихов на поверхности бумаги отсутствует блеск и наблюдается матовый оттенок. В морфологических свойствах штрихов отмечаются равномерное распределение красящего вещества, однородность ширины и окраски, расплывы красящего вещества по волокнам. Красящее вещество представлено в синих, черных и красных цветах.

Наибольшее распространение среди пишущих приборов с функцией коррекции получили ручки, материалы письма которых обесцвечиваются в результате термического воздействия. На потребительском рынке они известны под названием «пиши-стирай». Обесцвечивание штрихов достигается уже при незначительных повышениях температуры, что обеспечивается за счет трения специальным наконечником, которым снабжены данные пишущие приборы. Механизм обесцвечивания записей обусловлен наличием в составе материалов письма термохромного красителя – вещества, которое в зависимости от температуры может существовать в двух взаимно переходящих химических формах, одна из которых бесцветная (лейкоформа), а другая окрашенная. Превращение окрашенной формы термохромного красителя в бесцветную происходит под воздействием нагревания, понижение температуры приводит к переходу от лейкоформы к окрашенной, т.е. восстановлению исходного цвета красителя.

Анализ экспертной практики и соответствующей литературы показал, что для выявления слабовидимых штрихов, образованных обесцвеченными термохромными материалами письма, эффективны методы исследования в ультрафиолетовых лучах, люминесценции в инфракрасной области спектра [1, 4, 5], криообработки [4], а также электростатического репродуцирования [6]. Метод криообработки

заключается в том, что исследуемый документ помещается в морозильную камеру на несколько минут, в результате чего происходит полное восстановление цвета штрихов, образованных термохромными чернилами [4]. Наблюдаемое явление объясняется тем, что переход между бесцветной и окрашенной формами лейкокрасителя в составе термохромных чернил является обратимым в зависимости от температуры. Иными словами, при нагревании лейкокраситель существует в бесцветной форме, при низких температурах преобладает его окрашенная форма. Сущность метода электростатического репродуцирования состоит в предварительном формировании на поверхности документа электростатического заряда с последующей обработкой проявляющим порошком, частицы которого распределяются в соответствии с потенциалами зарядов различных участков поверхности. Поскольку потенциалы в области штрихов выше, то слабовидимый текст проявляется в виде темных штрихов на светлом фоне [6].

Несмотря на достигнутые успехи в решении задачи восстановления обесцвеченных реквизитов, выполненных термохромными материалами письма, систематизированные сведения об их свойствах отсутствуют, что обуславливает необходимость получения эмпирических данных, позволяющих детализировать условия исследования штрихов, нанесенных ручками «пиши-стирай». Кроме того, названные методы требуют наличия сложного и дорогостоящего оборудования (видеоспектральный компаратор, комплекс для электростатического репродуцирования), которое имеется не во всех экспертных подразделениях. По этой причине интерес представляет изучение возможности выявления обесцвеченных рукописных реквизитов на базе более доступного оборудования, к которому относятся, например, источники экспертного света или детекторы подлинности ценных бумаг.

Задача настоящей работы заключалась в поиске конкретных условий выявления рукописных штрихов, нанесенных термохромными материалами письма, с использованием методов исследования в ультрафиолетовых и отраженных инфракрасных лучах на базе оборудования, доступного экспертным подразделениям различных уровней. Оптимизация условий восстановления невидимого текста осуществлялась с учетом длины волны излучения, цвета и люминесцентных свойств чернил типа бумажной подложки.

Изучение возможности визуализации обесцвеченного текста проводилось на модельных штрихах, созданных коллекцией образцов ручек «пиши-стирай», реализуемых на рынке канцелярских товаров:

1. Berlingo «Арех» с шариковым пишущим узлом и синими чернилами на гелевой основе.
2. Berlingo «Арех» с шариковым пишущим узлом и черными чернилами на гелевой основе.
3. Berlingo «Арех» с шариковым пишущим узлом и красными чернилами на гелевой основе.
4. Erich Krause «K-301 Magic» с шариковым пишущим узлом и синими чернилами на гелевой основе.
5. Erich Krause «K-301 Magic» с шариковым пишущим узлом и черными чернилами на гелевой основе.
6. Erich Krause «K-301 Magic» с шариковым пишущим узлом и красными чернилами на гелевой основе.
7. Crown «Erasable Jell Pen» с шариковым пишущим узлом и синими чернилами на гелевой основе.
8. Crown «Erasable Jell Pen» с шариковым пишущим узлом и черными чернилами на гелевой основе.
9. Bic «Gel-ocity illusion» с шариковым пишущим узлом и синими чернилами на гелевой основе.
10. Paper Mate «Erasable gel» с шариковым пишущим узлом и серыми чернилами на гелевой основе.
11. Centrum «Erasable gel pen» с шариковым пишущим узлом и синими чернилами на гелевой основе.
12. Brauberg «Soft&Silk Erasable Gel Pen» с шариковым пишущим узлом и синими чернилами на гелевой основе.
13. Lorex «Erasable Gel Pen» с шариковым пишущим узлом и синими чернилами на гелевой основе.

Для получения образцов исследования наносились модельные штрихи с использованием указанных выше пишущих устройств на офисную бумагу двух типов: произведенную по технологии, включающей этап отбеливания, и произведенную по технологии, не предусматривающей данный этап. Удаление модельных штрихов осуществлялось путем воздействия теплой воздушной струи.

Изучение поведения удаленных штрихов модельных образцов в различных зонах электромагнитного спектра осуществлялось с использованием возможностей экспертного источника света «SP-1020» (модуль ультрафиолетового света длиной волны 365 нм), детекторов кон-

троля подлинности ценных бумаг модели «Ультрамаг-С6» (производитель ООО «Вилдис», Россия) и модели «Детектор С6» (производитель ООО «УТ ТГВ», Россия).

Установлено, что на неотбеленной бумаге под воздействием УФ-излучения длиной волны 365 нм обесцвеченные штрихи визуализируются в виде хорошо читаемых светящихся синим цветом записей. Для визуализации штрихов, нанесенных на отбеленную бумагу, эффективно использование УФ-излучения с длиной волны 254 нм. Обесцвеченный текст при этом восстанавливается в виде отчетливых серых матовых штрихов. Визуализация обесцвеченного текста на отбеленной бумаге при воздействии УФ-излучения с длиной волны 365 нм затруднена ввиду наличия собственной люминесценции подложки. Данные результаты наблюдались для образцов № 1–8, 10–13.

Отличительными свойствами характеризуются штрихи, выполненные образцом № 9 (ручка фирмы Bic). Удаленные записи, нанесенные с помощью данного материала письма как на отбеленную, так и на неотбеленную бумагу, выявляются под воздействием УФ-излучения 365 нм в виде хорошо читаемых матовых штрихов.

Изучение возможности восстановления удаленного текста в отраженных УФ-лучах длиной волны 365 нм показало, что метод эффективен в отношении штрихов, нанесенных красящим веществом пишущих устройств № 1–3 как на

отбеленную, так и на неотбеленную бумагу. Обесцвеченные штрихи при этом визуализируются разборчиво читаемым текстом черного цвета.

На основе проведенных исследований можно предложить следующие рекомендации по установлению содержания обесцвеченного текста, нанесенного термохромными чернилами.

На первой стадии необходимо осмотреть документ в УФ-лучах длиной волны 365 нм с целью выявления собственной люминесценции бумаги, на которой содержатся исследуемые штрихи. В случае наличия интенсивного люминесцентного свечения, что наблюдается для отбеленных сортов бумаги, документ подвергают освещению УФ-излучением длиной волны 254 нм. Вторым вариантом установления содержания штрихов, нанесенных на люминесцирующую бумагу, является исследование в режиме отражения УФ-лучей с длиной волны 365 нм. При отсутствии люминесцентного свечения бумаги обесцвеченные штрихи визуализируют под воздействием излучения длиной волны 365 нм.

Предложенный подход не оказывает деструктивного воздействия на объект исследования и может использоваться в целях совершенствования методической базы, обеспечивающей решение задачи установления первоначального содержания реквизитов документов, измененных в результате применения пишущих устройств с функцией коррекции.

1. Задоров А.Г. Технико-криминалистическое исследование штрихов, выполненных пишущими приборами с функцией коррекции записей // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2022. Т. 54, № 2. С. 22–27.

2. Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.sudexpert.ru/possib/techn.php> (дата обращения: 02.12.2024).

3. Федеральное архивное агентство. Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). Центр экспертных исследований: официальный сайт. URL: <https://expert.vniidad.ru/index.php/td/> (дата обращения: 02.12.2024)

4. Четверкин П.А., Ефименко А.В. Алгоритм криминалистического исследования документов с рукописными реквизитами, выполненными симпатическими красящими веществами // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13, № 3. С. 99–108.

1. Zadorov A.G. Technical and forensic examination of strokes made by writing instruments with the function of record correction // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2022. Vol. 54, no 2. P. 22–27.

2. Russian Federal Center for Forensic Examination under the Ministry of Justice of the Russian Federation: official website. URL: <http://www.sudexpert.ru/possib/techn.php> (date of access: 02.12.2024).

3. Federal Archival Agency. All-Russian Research Institute of Document Science and Archival Affairs (VNIIDAD). Center for Expert Research: official website. URL: <https://expert.vniidad.ru/index.php/td/> (date of access: 02.12.2024)

4. Chetverkin P.A., Efimenko A.V. Algorithm for forensic examination of documents with handwritten details made with sympathetic dyes // Theory and practice of forensic examination. 2018. Vol. 13, no 3. P. 99–108.

5. Соклакова Н.А. О возможности восстановления содержания записей, выполненных современными материалами письма, исчезающими при термическом воздействии // Судебная экспертиза. 2012. Т. 29, № 1. С. 157–162.

6. Орлова Т.В. Возможности применения метода электростатического репродуцирования для выявления неокрашенных штрихов пишущих приборов на бумажных документах // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 188–91.

5. Soklakov N.A. On the possibility of restoring the content of records made with modern writing materials that disappear under thermal exposure // Forensic examination. 2012. Vol. 29, no 1. P. 157–162.

6. Orlova T.V. Possibilities of using the electrostatic reproduction method to identify unpainted strokes of writing instruments on paper documents // Bulletin of Economic Security. 2020. No 4. P. 188–91.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Логачева Екатерина Юрьевна, кандидат химических наук, старший преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России; e-mail: k.logacheva@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

E.Ju. Logacheva, Candidate of Sciences in Chemistry, Senior Lecturer of the Department of Forensic Expert Activity, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: k.logacheva@mail.ru

---

Информационные отметки на объектах, имеющих криминалистическое значение: основные понятия и классификация

Рассмотрены информационные отметки, имеющиеся на промышленно изготовленных изделиях, ставших объектами внимания сотрудников полиции при проведении ими следственных действий и производстве судебных экспертиз. Даны основные понятия, касающиеся данного направления исследования. Для использования единообразной терминологии предложена классификация маркировочных обозначений, клейм и их оттисков, элементов декора.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, информационные отметки, знак маркировки, маркирование, маркировочные обозначения, клеймение, клейма, оттиски клейм, декорирование, декор.

Information marks on objects of criminalistics significance basic: concepts and classification

This article discusses issues related to information marks available on industrially manufactured products that have become the objects of attention of police officers during their investigative actions and forensic examinations. The author provides basic concepts related to this area of research. For the use of uniform terminology, a classification of markings, stamps and their impressions, decoration is proposed.

Keywords: forensics, forensic examination, information marks, marking mark, labeling, marking designations, branding, stamps, stamp impressions, decoration, decor.

В ходе проведения следственных осмотров и производства судебных экспертиз сотрудникам полиции часто приходится описывать имеющие криминалистическое значение промышленно изготовленные объекты, содержащие на своей поверхности разнообразные информационные отметки. В большинстве случаев на практике такие отметки называют «маркировочными обозначениями», хотя это и не совсем правильно, поскольку маркировочные обозначения делятся на виды, а, помимо них, на изделиях часто присутствуют оттиски клейм и элементы декора. В специальной криминалистической литературе также не предложено единообразного понимания сути информационных отметок. Приведем несколько примеров:

1. В учебнике по криминалистике под редакцией Р.С. Белкина [1] используются следующие фразы:

«...маркировочных обозначениях (заводские клейма)...» – в данном контексте маркировочные обозначения и заводские клейма представлены как синонимичные понятия, что не соответствует действительности;

«...фирменных или маркировочных обозначений...» – подразумевается, что приведенные

понятия имеют разное значение, хотя фирменные обозначения относятся к одному из видов маркировочных, так как содержат информацию о производителе.

2. В «Криминалистической энциклопедии», подготовленной Р.С. Белкиным, – первом в отечественной литературе фундаментальном справочном издании [2] указано: «...осмотр предмета взятки (для выявления и фиксации его признаков, в т. ч. привнесенных при его маркировке)» – в данном случае следует писать: «...маркировании» или «...нанесении знаков маркировки».

3. В классическом учебнике по криминалистике под редакцией Н.П. Яблокова [3] используются следующие выражения:

«...штамповка маркировочного обозначения...» – по основаниям, изложенным выше, следует писать: «нанесение знаков маркировочного обозначения штампованием»;

«...оружие имеет специальные маркировочные обозначения...» – в данном случае следует указывать: «маркировочные обозначения» и «клейма», поскольку на оружие наносят: обязательные маркировочные обозначения, содержащие информацию о калибре, изготовителе и т.д.; обязательные приемочные зна-

ки – клейма; технологические маркировочные обозначения и клейма, содержащие информацию об организации производства; дополнительные маркировочные обозначения и надписи, т.е. применительно к оружию понятие «специальные маркировочные обозначения» не используется.

4. В справочном пособии «Современное отечественное ручное огнестрельное оружие военных образцов и патроны к нему», подготовленном ЭКЦ МВД России [4], указано: «Пистолеты имеют маркировку с обозначением модели (ИЖ-70 или IZH-70), калибра и типа применяемого патрона (9-мм Макаров)» – в данном случае применительно к указанной модели пистолета следует писать: «На пистолет способом лазерного гравирования нанесены следующие маркировочные обозначения: "IJ70-19A" и "ИЖ70" (марка и модель), "Cal. 9 мм Макаров" (калибр), "E HM 0242" (серийный номер) и три клейма об испытаниях».

5. В востребованном на практике учебном пособии ЭКЦ МВД России «Исследование маркировочных обозначений легковых автомобилей зарубежного производства» [5], в котором раскрыты вопросы производства судебной автотехнической экспертизы, указано: «Микрогравирование – маркирование панелей кузова, рамы и картера агрегата, при котором рельеф требуемых заводских маркировок образуется при ударном воздействии твердосплавных игл автоматического устройства». Данные заводские маркировки в достаточной степени различимы невооруженным глазом, что не соответствует смыслу первой части слова «микро-». Микрогравированием следует считать способ, позволяющий наносить вырезанием на поверхности изделия мельчайших информационных отметок, содержание которых неразличимо без специальных приборов.

Таким образом, в настоящее время единого понимания терминологии, касающейся маркирования и клеймения изделий промышленного производства и других объектов, имеющих криминалистическое значение, не сформировалось.

Для единообразного понимания всеми участниками судопроизводства лицам, оформляющим ход следственного действия или производящим судебную экспертизу, следует применять соответствующую терминологию, что невозможно без уяснения сути понятий, касающихся процессов, связанных с нанесением на изделие информационных отметок. В данном исследовании на основе анализа актуальных на сегодняшний день источников предложены терминология и классификация видов инфор-

мационных отметок разного содержания и значения, способов нанесения их на поверхность изделий промышленного изготовления, а также разработан единый алгоритм их описания.

Практически во всех отраслях промышленности (например, в оружейном деле, строительстве, фармакологии, автомобилестроении, пищевой промышленности и др.) маркирование и клеймение изделий являются частью технологического процесса предприятия-изготовителя и осуществляются согласно ГОСТу 2.314-68 «Единая система конструкторской документации. Указания на чертежах о маркировании и клеймении изделий» [6], поэтому для целей криминалистического описания информационных отметок рекомендуется за основу принять терминологию, используемую предприятиями-изготовителями. Основные термины, связанные с технологическими процессами маркирования, клеймения и декорирования, необходимые для криминалистического описания информационных отметок, представлены ниже в авторской редакции.

Деформирование – изменение формы поверхности изделия без изменения массы, связанное с технологическим процессом нанесения рельефных информационных отметок одним из видов ударных способов.

Гравирование – технологический процесс вырезания информационных отметок на поверхности твердых материалов (металла, дерева, камня, стекла, пластика) за счет удаления части материала.

Микрогравирование – технологический процесс вырезания мельчайших информационных отметок на поверхности твердых материалов (металла, дерева, камня, стекла, пластика) за счет удаления части материала, позволяющий человеческому глазу различить полученный результат с использованием специальных приборов.

Пирография – технологический процесс поверхностного нанесения информационных отметок путем их выжигания под воздействием высокой температуры на изделия из органических материалов (древесина разных видов, бумага, картон, фетр, кожа, ткань).

Криография – технологический процесс поверхностного нанесения информационных отметок путем их выжигания под воздействием сверхнизкой температуры.

Травление – технологический процесс поверхностного нанесения информационных отметок путем управляемого удаления части поверхностного слоя материала изделия с использованием химических веществ.

Литьё – технологический процесс нанесения информационных отметок одновременно с изготовлением изделия, которое заключается в заполнении предварительно изготовленной литейной формы жидким материалом (металлом, полимерным материалом, стеклом) с последующим его затвердеванием.

Окрашивание – технологический процесс нанесения на поверхность изделия информационных отметок с использованием красящего вещества.

Знак маркировки – поверхностный или рельефный элемент оригинального начертания, нанесенный на поверхность изделия предприятием-изготовителем в соответствии с технологией маркирования. Знаки маркировки на изделиях промышленного производства можно разделить на две группы: маркировочные обозначения и клейма. Помимо маркировочных обозначений и клейм, на изделия в целях улучшения их внешнего вида промышленным или самодельным способом могут наноситься элементы декора.

Маркирование – процесс нанесения на изделия промышленного производства информационных отметок – маркировочных обозначений, состоящих из знаков оригинального начертания. Данный технологический процесс в обязательном порядке осуществляется во всех отраслях промышленности в целях: идентификации изделия, продукта (название, ингредиенты, вес и объем); информирования об условиях использования изделия; обеспечения безопасности (предупреждение о потенциальных опасностях, связанных с изделием, продуктом); законодательного и правового регулирования; продвижения продукта на рынке и выделения его среди конкурентов.

Маркировочное обозначение – это совокупность знаков маркировки оригинального начертания и их комбинаций (цифры, буквы, графические и цветовые символы). Маркировочные обозначения содержат информацию об изделии и чаще всего встречаются в описании при осуществлении оперативно-служебной деятельности. Каждый знак в маркировочном обозначении имеет четкую направленность на подачу определенного вида информации. Например, маркировочное обозначение в виде линейного штрих-кода обычно содержит 13 или 14 знаков, представляющих собой цифровые значения, при этом первые 2 (3) цифры – код страны производителя, следующие 5 – код предприятия-изготовителя, последующие – потребительские свойства, послед-

няя – контрольная – служит для проверки правильности считывания информации.

Клеймение – процесс, при котором клеймом на поверхность изделия наносят информационные отметки в виде рельефных оттисков. Клеймо – знак, представляющий собой буквы, цифры или знаки, которые ограничены рамкой, имеющей правильную геометрическую форму (круг, квадрат, треугольник и др.). Каждое клеймо содержит информацию о проведенных испытаниях, удостоверяя качество изделия (например, в оружейном деле) или какую-либо принадлежность изделия (например, в животноводстве).

Декорирование – процесс нанесения элементов декора на поверхность изделия. Элементы декора наносят с целью улучшения внешнего вида изделия и на металлических поверхностях часто подчеркивают чернением.

Автором были подвергнуты анализу несколько десятков стандартов (национальных и межгосударственных), других документов, а также сведений, изложенных на официальных сайтах предприятий-изготовителей, которые содержат данные об информационных отметках разных видов, требования к процессу маркирования, клеймения и декорирования изделий промышленного производства. По результатам анализа с целью упорядочения терминологии были предложены авторские классификации маркировочных обозначений, клейм и элементов декора, которые предлагается использовать при криминалистическом описании.

Классификация маркировочных обозначений
Виды по содержанию:

1. Марка изделия – маркировочное обозначение, содержащее название, которое используют для идентификации производителя.

2. Модель изделия – маркировочное обозначение, содержащее название или код, присвоенные производителем, которое используют для различения продукции по группам.

3. Серийный номер изделия – маркировочное обозначение в виде уникального кода, который производитель присваивает серии однотипных изделий, выпускаемых в большом количестве, позволяющий распознать конкретный продукт среди других. Обычно серийный номер состоит из цифр и букв, в которых зашифрованы: сведения о производителе, место и дата изготовления, гарантийный статус продукта и его характеристики.

4. Заводской номер изделия (его также принято называть формулярным или идентификационным номером) – маркировочное обозна-

чение, которое представляет собой цифровой или буквенно-цифровой код, присваиваемый конкретному экземпляру изделия в идентификационных целях на этапе его производства в соответствии с принятой на предприятии-изготовителе системой маркирования. Как и серийный номер, он может содержать информацию о производителе и дате производства, некоторые характеристики изделия.

5. Торговый знак предприятия-изготовителя – маркировочное обозначение для индивидуализации товаров производителя, которое определяет законное право на результат интеллектуальной деятельности.

6. Надпись – маркировочное обозначение в виде краткого текста на изделии, содержащего сведения, связанные с ним, или какие-либо указания.

7. Сертификационные знаки – используются для обозначения категории качества продукции, предоставления сведений об опасности (безопасности) изделия, имеют буквенное или графическое отображение (ЕАС, РСТ, СТР, ГОСТ, знак радиационной или химической опасности и др.).

8. Шифр – маркировочное обозначение в виде совокупности условных знаков (условная азбука).

9. Номер партии (серии) – маркировочное обозначение, представляющее собой уникальный идентификационный код, позволяющий отслеживать процесс производства изделия. По нему можно узнать, из каких исходных материалов состоит товар, где и на какой производственной линии он производился, когда был изготовлен и в какие места отгружен.

10. Дата изготовления – маркировочное обозначение, проставляемое предприятием-изготовителем, которое информирует о моменте окончания технологического процесса изготовления изделия.

11. Марка материала – маркировочное обозначение установленных технических норм по основной эксплуатационной характеристике или по комплексу главных свойств материалов изделия.

12. Группа селективности – маркировочное обозначение, дающее информацию о сборке изделий из элементов, предварительно рассортированных на группы по их действительным характеристикам.

13. Монтажные и транспортные знаки – маркировочные обозначения, представляющие собой схематичные изображения и знаки, указывающие на правила обращения с изделием

при перемещении, погрузке, установке (место строповки конструкции, ее верх, место опирания и установочные риски и пр.).

Виды по месту нанесения:

1. Промышленные – наносятся ручным, полуавтоматически или автоматическим способами, содержат характеристики и сведения об особенностях изделий, месте и времени их производства, соответствии стандартам качества, различную информацию о производителе. При этом место нанесения такого вида маркировки четко оговорено с целью сохранности и недопущения ухудшения внешнего вида изделия.

2. Торговые – наносятся ручным или полуавтоматическим способами, их внешний вид и содержание обычно определяются торговой сетью на этапах реализации изделия (например, нанесение сроков годности).

Виды по способу нанесения:

1. По механической технологии (с образованием рельефа) с использованием одного из способов: ударного (отдельными пуансонами), ударно-точечного (кернение точками), гравирования фрезерного или лазерного.

2. По физико-химической технологии (с образованием незначительного рельефа) – химическое или электрохимическое травление.

3. По печатной технологии (наслоением красящих веществ на поверхность) с использованием одного из способов: металлофотографического, термотрансферного, ультрафиолетового, каплеструйного, шелкографического.

4. По технологии окрашивания (наслоением стойких к воздействию агрессивной среды лакокрасочных материалов на поверхность) с использованием одного из способов: вручную кистью, вручную штампом, кистью или пульверизатором через трафарет.

5. По технологии склеивания с применением одного из способов: нанесение клея кистью или использование самоклеящихся стикеров, изготовленных из бумаги или полимерных материалов.

Виды по способу считывания:

1. С визуально определяемым содержанием (в том числе с использованием увеличительных приборов): буквы и слова, цифры и числа, рисунки, голограммы и пр.

2. С машинночитываемым с помощью считывающих головок содержанием: линейный штрих-код, QR-код, Data Matrix.

В ходе криминалистического описания, помимо содержания маркировочного обозначе-

ния, рекомендуется по возможности указывать способ его нанесения, признаки которого в большинстве случаев различаются невооруженным глазом или с использованием лупы четырехкратного увеличения.

Предприятия-изготовители наносят маркировочные обозначения, оттиски клейм и элементы декора на изделие способами, принятыми в технологическом процессе, при этом учитывают:

степень воздействия на изделие неблагоприятных факторов, способствующих повышенному износу, при его эксплуатации;

финансовые возможности производителя;

эстетику и гармоничность расположения на изделии.

На крупных промышленных предприятиях процесс маркирования и декорирования обычно автоматизирован и часто осуществляется с использованием конвейера. Клеймение часто осуществляют ручным и полуавтоматическим способом, что обусловлено проведением испытаний уже после прохождения конвейера.

Классификация клейм

Виды по способу нанесения:

1. Ударные – предназначены для нанесения оттисков на металлические, полимерные и деревянные поверхности.

2. Термоклейма – применяют для выжигания оттисков на полимерных, деревянных, кожаных поверхностях, мясoproдуктах.

3. Окрашивающие – обычно используют для нанесения поверхностных мастичных оттисков.

Виды по содержанию:

1. Товарные (фирменные) – применяют для того, чтобы различать изделия, изготовленные на разных предприятиях.

2. Контрольные (испытательные) – применяют для информирования о контрольных операциях и испытаниях в ходе приемки.

3. Служебные – применяют для информирования о характеристиках изделия и условиях его эксплуатации.

4. Ветеринарные – применяют для клеймения живых животных путем прикладывания к выбритому участку кожи (таврование). Ветеринарные клейма обычно изготавливают из железа или его сплавов и используют путем выжигания: нагревом докрасна на огне или охлаждением до сверхнизкой температуры погружением в жидкий азот.

Классификация элементов декора

Виды по содержанию:

1. Рисунок – изображение, выполненное с помощью графических средств – контурной линии, штриха, пятна. При маркировании изделий с целью создания определенного эстетического эффекта чаще всего используют упрощенные стилизованные рисунки, которые напоминают реальные объекты.

2. Узор – рисунок, представляющий собой определенное переплетение рельефных или окрашенных линий, фигур, стилизованных изображений растений и т.п.

3. Монограмма – графический знак, представляющий собой одну или несколько отдельно стоящих, соединенных или переплетенных между собой букв.

4. Вензель – представляет собой монограмму в витиеватой форме. Часто образовывается соединением или переплетением инициалов владельца со стилизованными рисунками или узорами.

Рисунки и узоры не содержат в себе информационной составляющей об изделии, монограммы и вензеля дают информацию о производителе, в том числе мастере-изготовителе, или владельце изделия.

Виды по способу нанесения:

1. По механической технологии (с образованием рельефа) – фрезерное или лазерное гравирование.

2. По физико-химической технологии (с образованием незначительного рельефа) – химическое или электрохимическое травление.

3. По печатной технологии (наслоением красящих веществ на поверхность) с применением одного из способов: металлофотографического, термотрансферного, ультрафиолетового, каплеструйного, шелкографического.

4. По технологии окрашивания (наслоением стойких к воздействию агрессивной среды лакокрасочных материалов на поверхность) с применением одного из способов: вручную кистью, вручную штампом, кистью или пульверизатором через трафарет.

5. По технологии склеивания с применением одного из способов: нанесения клея кистью или использования самоклеящихся стикеров, изготовленных из бумаги или полимерных материалов.

Представленные основные понятия, касающиеся информационных отметок, и классификация маркировочных обозначений, клейм и элементов декора призваны оказать помощь сотрудникам полиции в их описании при расследовании уголовных дел.

1. Криминалистика: учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. М., 2000.

2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия: справ. пособие для курсантов, слушателей и преподавателей учеб. заведений МВД, адъюнктов, докторантов, науч. сотрудников и практ. работников органов внутр. дел. 2-е изд., доп. М., 2000.

3. Криминалистика: учеб. / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

4. Филиппов В.В., Титоренко Б.А., Комаров А.А. Современное отечественное ручное огнестрельное оружие военных образцов и патроны к нему: справ. пособие / М-во внутр. дел Рос. Федерации, Эксперт.-криминалист. центр. М., 1996.

5. Нагайцев А.А. Исследование маркировочных обозначений легковых автомобилей зарубежного производства: учеб. пособие. М., 1999.

6. ГОСТ 2.314-68. Межгосударственный стандарт в рамках единой системы конструкторской документации «Указания на чертежах о маркировании и клеймении изделий» [Электронный ресурс]. Доступ из информ. сети «Техэксперт» (дата обращения: 27.01.2025).

1. Forensics: textbook for universities / T.V. Averyanova, R.S. Belkin, Yu.G. Korukhov, E.R. Rossinskaya. Moscow, 2000.

2. Belkin R.S. Forensic encyclopedia: reference manual for cadets, trainees and teachers of institutions of the Ministry of Internal Affairs, adjuncts, doctoral students, research fellows and employees of internal affairs bodies. 2nd ed., augm. M., 2000.

3. Forensics: textbook / resp. ed. N.P. Yablokov. 3rd ed., rev. and augm. Moscow, 2005.

4. Filippov V.V., Titorenko B.A., Komarov A.A. Modern domestic hand-held firearms of military designs and cartridges for them: reference manual / Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Forensic Expert Center. Moscow, 1996.

5. Nagaytsev A.A. Research of marking designations of passenger cars of foreign production: study aid. Moscow, 1999.

6. GOST 2.314-68. Interstate standard within the framework of the unified system of design documentation "Indications in drawings on marking and branding of products" [Web resource]. Access from the Techexpert information network (date of access: 27.01.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Анатолий Викторович, преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России; e-mail: iv_tol@inbox.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.V. Ivanov, Lecturer of the Department of Forensic Expert Activity, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: iv_tol@inbox.ru

---

О привлечении к ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан

Рассматриваются проблемы привлечения к ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 20.3.3 КоАП РФ, ст. 280.3 УК РФ. Указывается, что соответствующие нормы уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях являются новеллами, а правоприменительная практика по таким делам в настоящее время находится в стадии формирования. Выявляются признаки дискредитирующих действий, формы их проявления, раскрываются особенности их квалификации.

Ключевые слова: дискредитация, внутренние и внешние угрозы, информационная безопасность, национальная безопасность, информационные войны, фейковая информация, признаки дискредитирующих действий, правоприменительная деятельность, административная, уголовная ответственность.

About bringing to justice for public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens

The article discusses the problems of law enforcement practice of bringing to responsibility for the commission of offenses provided for in art. 20.3.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is argued that the relevant norms of criminal law and legislation on administrative offenses are novelties, and the practice of law enforcement in these cases is currently in the process of formation. The signs of defamatory actions, the forms of their manifestation are revealed, and the specifics of their qualifications are revealed.

Keywords: discrediting, internal and external threats, information security, national security, information wars, fake information, signs of discrediting actions, law enforcement activity, administrative, criminal liability.

В современных условиях потребность в обеспечении национальной безопасности является определяющей. В настоящее время геополитическая ситуация в мире подверглась воздействию ряда негативных факторов. С целью обеспечения безопасности Российской Федерации и поддержания международного мира в России были приняты определенные меры законодательного и организационного характера, а также начата специальная военная операция в отношении националистических формирований на территории Украины. Такое решение

было принято Президентом РФ с согласия Совета Федерации РФ и утверждено постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ [1].

Возникновение новых угроз обуславливает принятие ряда определенных мер на государственном уровне в целях обеспечения внутренней и внешней безопасности, в том числе информационной, которая является составным элементом национальной безопасности.

В контексте возникновения новых угроз обеспечение внутренней и внешней безопасности

является стратегическим приоритетным направлением деятельности каждого государства. В рассматриваемом ракурсе обеспечение информационной безопасности является основополагающим вопросом в общественно-политических дискурсах.

С начала специальной военной операции (24 февраля 2022 г.) Президент РФ, руководящий состав Вооруженных Сил РФ (далее – ВС РФ), Федеральной службы войск национальной гвардии, военнослужащие и служащие по контракту подвергаются постоянным нападкам со стороны средств массовой информации иностранных государств. При этом реальность представляется в искаженном виде, постоянно распространяется недостоверная информация о действиях ВС РФ. Изложенное позволяет констатировать наличие активной фазы информационной войны. Целями информационных войн являются изменение самосознания человека, отказ от традиционных ценностей. В условиях проведения специальной военной операции действия, направленные на сообщение ложной информации о действиях ВС РФ с целью их компрометации, свидетельствуют о намеренном осуществлении провокационных мероприятий по снижению доверия к военнослужащим и служащим по контракту Министерства обороны РФ. Для распространения таких сведений используются любые ресурсы, в том числе интернет-площадки различных субкультур деструктивного характера, совершаются кибератаки на информационные порталы органов государственной власти.

В определении Конституционного Суда РФ от 20 июля 2023 г. [2] указано, что защита интересов Российской Федерации и ее граждан осуществляется в условиях высокого риска с угрозой для жизни и здоровья. Для ее эффективности «основное значение имеет морально-психологический настрой лиц, непосредственно решающих соответствующие задачи и выполняющих тем самым воинский, служебный и гражданский долг, а одним из его важнейших условий является поддержка обществом как соответствующих решений и мер, так и реализующих их лиц, выступающая, таким образом, в качестве проявления конституционных принципов взаимного доверия общества и государства, защиты достоинства граждан и уважения к труду защитников Отечества, сбалансированности прав и обязанностей граждан, политической и социальной солидарности» [2]. С целью недопущения дискредитации действий

ВС РФ и предотвращения распространения заведомо ложной информации законодательно закреплены меры по двум видам юридической ответственности – уголовной и административной. Соответствующие изменения внесены в УК РФ (ст. 280.3) [3] и КоАП РФ [4] (ст. 20.3.3). К уголовной ответственности по указанным правовым основаниям привлекаются лица, которые в течение года с момента привлечения к административной ответственности совершили аналогичные деяния.

Вместе с тем следует отметить, что диспозиции статей имеют ряд недостатков. Так, в ст. 14.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» закреплен термин «дискредитация», под которым понимается «распространение ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и нанести ущерб его деловой репутации» [5]. Данная дефиниция не в полной мере отражает смысловую нагрузку рассматриваемого понятия, и в рамках новых норм используется отличное по сути определение. Ввиду этого возникает вопрос об отсутствии легальных критериев, в соответствии с которыми можно определить анализируемое понятие. В правоприменительной практике это создает условия для расширительного и неоднозначного толкования. По правилам юридической техники при отсутствии легального закрепления дефиниции применяется общеупотребляемое значение слова. Согласно определению, закрепленному в толковом словаре, понятие «дискредитация» означает «подрыв доверия к кому-, чему-либо, умаление авторитета, значения кого-, чего-либо» [6]. На основании данного толкования и с учетом нормы закона можно выделить следующие признаки дискредитирующих действий:

- 1) публичный характер;
- 2) негативная оценка целей использования ВС РФ и, следовательно, их действий;
- 3) призывы к воспрепятствованию действиям ВС РФ;
- 4) распространение неточных или искаженных сведений о деятельности военнослужащих ВС РФ;
- 5) подрыв доверия к государственной власти, в том числе путем убеждения собеседника в истинности своей точки зрения.

Информационная война, направленная на дискредитацию действий военнослужащих ВС РФ, ориентирована не только на изменение индивидуального самосознания. Она имеет

более глобальную цель, а именно воздействовать на общественное мнение, внедряя в него ложные ценности и идеи. В связи с этим необходимо понимать, с какой целью высказывается и распространяется информация: является ли это предположением или насаждается как определенная деструктивная идея, выгодная определенным кругам. Дискредитирующая информация чаще всего транслируется через сеть Интернет в социальные сети и мессенджеры. Помимо этого, информация может распространяться во время проведения публичных акций, отражаться на баннерах, в листовках и т.д. В ч. 9, 10 ст. 13.15 КоАП РФ указано на распространение «заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности...», что делает составы ст. 20.3.3 и 13.15 КоАП РФ схожими по содержанию. Полагаем, что критерием отнесения информации к фейковой должно признаваться не просто распространение заведомо ложных сведений, а возможность наступления или наступление в результате их распространения негативных событий (последствий). В качестве важного признака фейка и допустимости квалификации правонарушения по ст. 13.15 КоАП РФ должна рассматриваться только достоверно проверяемая информация, а не оценочное суждение или субъективное высказывание, в последнем случае деяние должно квалифицироваться по ст. 20.3.3 КоАП РФ.

Кроме того, остается открытым вопрос и о привлечении к ответственности за дискредитацию военнослужащих ВС РФ в случае распространения информации о личностных характеристиках и прошлом бойцов (например, об их криминальном прошлом). На наш взгляд, подобную информацию следует относить к вопросам защиты чести и достоинства граждан, однако правоприменительная практика по данному вопросу на настоящий момент еще не сформировалась.

Являясь одной из манипуляционных тактик речевого поведения, дискредитация специальной военной операции применяется как способ ведения информационной и психологической войны. Вместе с тем в определении Конституционного Суда РФ от 20 июля 2023 г. отмечается, что дискредитация может осуществляться и в случае отсутствия непосредственно цели «содействия силам, противостоящим инте-

ресам Российской Федерации и ее граждан, препятствующим поддержанию международного мира и безопасности» [2]. Такие деяния в любом случае направлены на снижение эффективности выполнения ВС РФ поставленных задач.

Дискредитация имеет многообразные формы проявления. Она может выражаться в оскорблении, диффамации и т.д. Кроме того, правоприменительная практика свидетельствует о том, что дискредитация может проявляться не только в форме словесных выражений, но и в публичной демонстрации видеозаписей в информационно-телекоммуникационном пространстве, на страницах социальных сетей, в телеграм-каналах, в комментариях видеозаписей, расклеивании листовок с символикой ВС Украины и т.д.

По данным статистической отчетности, на территории Российской Федерации за 2022 г. судами было рассмотрено 5 442 административных правонарушения в сфере дискредитации ВС РФ [7], в 2023 г. эти показатели снизились и составили 3 053 рассмотренных судами административных дел, в основном с назначением наказания в виде административного штрафа. Вместе с тем показатели привлечения к уголовной ответственности по ст. 280.3 УК РФ, напротив, выросли. Так, в 2022 г. за публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ, к ответственности привлечены 3 человека, в 2023 г. – 50 человек, 10 подсудимым были назначены реальные сроки наказания [8]. Указанные данные свидетельствуют не только об осознанности и направленности умысла преступников на дискредитацию ВС РФ, но и о злостности их деяний. По данным Главного управления МВД России по Краснодарскому краю, за 2023 г. к административной ответственности были привлечены лица за совершение 143 правонарушений по признакам состава, предусмотренного ст. 20.3.3 КоАП РФ. Анализ статистической отчетности показывает, что большинство правонарушений совершено лицами мужского пола – 75% (108 правонарушений) и только четверть – женщинами (36 правонарушений). В основном такие правонарушения совершались лицами в возрасте 30–50 лет. В то же время имеются случаи привлечения к ответственности как лиц пожилого возраста, так и несовершеннолетних (1 и 2 случая соответственно).

Анализ судебной практики позволил определить наиболее характерные способы соверше-

ния правонарушений исследуемой категории. В большинстве рассмотренных судом дел об административных правонарушениях о признании действий публичной дискредитацией противоправные деяния совершены посредством публикации в сети Интернет следующей информации: негативных сведений о военных действиях ВС РФ; высказываний, цитат и видеороликов с критикой действий российских властей и ВС РФ или цитат в защиту Украины; антивоенных призывов; постов с изображениями украинской символики.

Например, в июне 2023 г. гражданин А 1982 года рождения совершил правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, путем опубликования в социальной сети Инстаграм¹ фотографии с плакатом, содержащим призыв к прекращению специальной военной операции. В феврале 2023 г. гражданин Г 1984 года рождения совершил правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, а именно под ник-именем «Антон Дейнега» разместил в социальной сети «ВКонтакте» на своей странице графические изображения, направленные на критику действий ВС РФ. В мае 2023 г. гражданка С 1986 года рождения в социальной сети Facebook², используя свой аккаунт с названием «Зудя Мус», разместила публикацию с демонстрацией флага, представляющего собой измененный флаг России (с тремя равновеликими горизонтальными полосами, на котором красная полоса заменена белой)³.

Следующим по количеству правонарушений способом совершения административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3.3 КоАП РФ, являются выходы на одиночные пикеты с плакатами и демонстрацией антивоенной символики. Так, в июле 2023 г. гражданин К 1981 года рождения совершил административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, которое выразилось в проведении одиночного пикета с использованием средств наглядной агитации. Данная акция предназначалась для неопределенного круга лиц. Своими действиями гражданин публично осуществлял призыв к воспрепятствованию использования ВС РФ в целях защиты

интересов Российской Федерации, поддержания международного мира и безопасности. В августе 2023 г. гражданка Ш 1981 года рождения совершила правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, а именно осуществляла публичное мероприятие в форме одиночного пикетирования.

Еще одним способом совершения рассматриваемого административного правонарушения является распространение или расклеивание листовок. Например, в марте 2023 г. гражданин Л на информационном стенде расклеил листовки с текстом, направленным на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты интересов России и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, содержащим публичные призывы к воспрепятствованию использования ВС РФ в указанных целях.

Распространенными административными правонарушениями являются устные высказывания: на публичных мероприятиях, включая проповеди во время религиозных обрядов, акциях, во время учебных занятий, в общественных местах, в служебных помещениях и т.п. В качестве примера можно привести следующие административные правонарушения: в марте 2024 г. гражданин Ю 1965 года рождения, находясь на своем рабочем месте, расположенном на отрезке путей железнодорожного сообщения, с целью формирования общественного политического мнения и распространения идей негативного характера относительно действий ВС РФ в присутствии двух и более лиц совершил активные публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ. В феврале 2023 г. гражданин П 1937 года рождения совершил правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, а именно осуществлял пропаганду против специальной военной операции в церкви. Гражданин Н 1971 года рождения, являясь доцентом кафедры гражданского права и процесса РПА Минюста России, при проведении лекции в октябре 2022 г. в учебной группе с целью оказать влияние на формирование общественного мнения о проведении специальной военной операции на Украине и выражая протест против действий ВС РФ, неоднократно высказывал негативное отношение к действиям ВС РФ при проведении специальной военной операции, называя их «агрессорами» по отношению к гражданам Украины, чем совершил активные публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ.

¹ Деятельность социальной сети Instagram, принадлежащей компании Meta Platforms Inc., признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

² Деятельность социальной сети Facebook, принадлежащей компании Meta Platforms Inc., признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³ Такой флаг используется участниками протестов против вторжения России на Украину как на территории Российской Федерации, так и за рубежом.

Административные правонарушения могут совершаться и путем нанесения надписей на тротуарах, рекламных конструкциях, на стенах, на автотранспорте. Например, в июле 2023 г. в 18.00 гражданин Р 2004 года рождения совершил правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, а именно, используя красящий баллончик, нанес на здание администрации надпись, содержащую призыв к воспрепятствованию использованию ВС РФ в целях защиты интересов Российской Федерации, поддержания международного мира и безопасности.

На эффективность противодействия рассматриваемым противоправным действиям влияет не только формирующаяся практика их документирования, но и профессионализм сотрудников полиции, в частности знание ими основных положений административного процессуального права. Так, достаточно часто в протоколе не в полной мере отражается субъективная сторона административного правонарушения (отношение лица к совершаемому деянию, намерения правонарушителя, мотивы, цели и т.д.), не указывается способ совершения правонарушения, достаточно часто не соблюдаются сроки давности привлечения к административной ответственности. Данные обстоятельства приводят к прекращению производств по делам об административных правонарушениях, что ведет к безнаказанности правонарушителей.

1. Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 22 февр. 2022 г. № 35-СФ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202202240001> (дата обращения: 02.04.2024).

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Музыки Ирины Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 20 июля 2023 г. № 2113-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision699540.pdf> (дата обращения: 02.05.2024).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Проведенный анализ правоприменительной деятельности, данные судебной статистики указывают на увеличение количества случаев осуществления действий, дискредитирующих использование ВС РФ, что свидетельствует о злостности и наличии прямого умысла у лиц, их совершающих.

Таким образом, на основании проведенного анализа правоприменительной практики авторы пришли к следующим выводам.

1. Для правильной квалификации административного правонарушения необходимо обязательное документирование следующих признаков: они должны носить публичный характер и содержать негативную оценку целей использования ВС РФ, призывать к воспрепятствованию в их использовании, не только выражаться в высказывании собственного мнения, но и быть направленными на убеждение собеседника в истинности своей точки зрения.

2. Такие деяния могут выражаться в форме оскорбления действий военнослужащих, диффамации и проявляться как в виде словесных выражений, так и в публичной демонстрации видеозаписей в информационно-телекоммуникационных ресурсах, соответствующих комментариях видеозаписей. Такие деяния могут осуществляться расклеиванием листовок с символикой ВСУ, распространением на баннерах лозунгов, осуждающих действия ВС РФ, и иными способами.

1. On the use of the Armed Forces of the Russian Federation outside the territory of the Russian Federation [Web resource]: resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation d.d. Febr. 22, 2022 No 35-SF. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202202240001> (date of access: 02.04.2024).

2. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Irina Evgenievna Muzyka regarding the violation of her constitutional rights by part 1 of article 20.3.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses [Web resource]: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. July 20, 2023 No 2113-O. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision699540.pdf> (of access: 02.05.2024).

3. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 No 63-FZ // Coll. legislation of the Russian Federation. 1996. No 25. Art. 2954.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

5. О защите конкуренции: федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1. Ст. 3434.

6. Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vmas&wi=13047> (дата обращения: 07.04.2024).

7. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] / Агентство правовой информации. URL: <https://stat.apu-press.pf/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 07.04.2024).

8. В России за два года за фейки о ВС РФ или их дискредитацию осудили 132 человека [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20586579> (дата обращения: 08.04.2024).

4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses d.d. Dec. 30, 2001 No 195-FZ // Coll. legislation of the Russian Federation. 2002. No 1, pt. 1. Art. 1.

5. On the protection of competition: fed. law d.d. July 26, 2006 No 135-FZ // Coll. legislation of the Russian Federation. 2006. No 31, pt. 1. Art. 3434.

6. Dictionary of the Russian language: in 4 vols. [Web resource]. URL: <https://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vmas&wi=13047> (date of access: 07.04.2024).

7. Judicial statistics of the Russian Federation [Web resource] / Legal Information Agency. URL: <https://stat.api-press.rf/stats/adm/t/31/s/1> (date of access: 07.04.2024).

8. In Russia, over two years, 132 people were convicted of fake news about the RF Armed Forces or discrediting them [Web resource]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20586579> (date of access: 08.04.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вечерникова Дина Васильевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России; e-mail: dinvech2@yahoo.com;

Каданина Анна Валерьевна, заместитель начальника ООПАЗ УОООП ГУ МВД России по Краснодарскому краю; e-mail: kompashka86@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

D.V. Vechernikova, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor of the Department of Special Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: dinvech2@yahoo.com;

A.V. Kadanina, Deputy Chief of the Department for the Organization of the Application of Administrative Legislation, Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Krasnodar Territory; e-mail: kompashka86@mail.ru

---

Признаки и содержание административной ответственности за побои

Анализируются точки зрения ученых относительно признаков административной ответственности и ее содержания. Предлагается авторское определение административной ответственности, рассматриваются свойственные ей признаки. Особо выделяются признаки, присущие административной ответственности за причинение побоев.

Ключевые слова: юридическая ответственность, административная ответственность, признаки административной ответственности, побои, административная ответственность за побои, меры административного наказания.

Signs and content of administrative liability for beatings

The article analyzes the views of scientists regarding the characteristics of administrative responsibility and its content. The author's definition of administrative responsibility is proposed, and its characteristic characteristics are considered. The characteristics inherent in administrative responsibility for causing beatings are particularly highlighted.

Keywords: legal responsibility, administrative responsibility, signs of administrative responsibility, beatings, administrative liability for beatings, administrative penalties.

Государство выступает социальным институтом, отвечающим за правопорядок в обществе. Согласно ст. 2 Конституции РФ [1] человек, его права и свободы являются высшей ценностью, их признание, соблюдение и защита являются обязанностью государства, которая выполняется посредством деятельности правоохранительной системы. Одним из важнейших институтов в реализации защиты прав и свобод человека следует считать юридическую ответственность. Выделяют пять видов юридической ответственности, в контексте настоящего исследования интерес представляет административная ответственность.

Ежегодно совершается большое количество административных правонарушений, что подтверждается статистическими данными, согласно которым в 2022 г. совершено 6 745 045 административных правонарушений, среди них 202 476 составили побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ) [3], в 2023 г. – 6 146 435 административных правонарушений, среди них 201 302 составили побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ) [2]. В 2022 г. совершено 1 966 800 преступлений [4], в 2023 г. – 1 947 200 [5]. Приведенные данные указывают на значительное количество совершаемых административных правонарушений, в частности побоев, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, по сравнению с другими деяниями, что обуславливает необходимость правильного

применения мер административной ответственности к каждому правонарушителю.

Вопросы привлечения к административной ответственности сохраняют свою актуальность и дискуссионность в правовой науке. Постараемся определить ее признаки и содержание.

В административной науке не сложилось единого мнения по поводу определения административной ответственности, но авторы выделяют ряд общих и специальных ее признаков.

Так, К.С. Бельский утверждает, что содержание административной ответственности раскрывают два признака, первый из которых представляет ее как реакцию государства на административное правонарушение, а второй заключается в совокупности прав и обязанностей правонарушителя [6, с. 12–18].

И.В. Тимошенко [7, с. 74–79] и Н.С. Малевин [8, с. 130] отстаивают позицию, согласно которой в содержании административной ответственности выделяются два признака: фактическое основание административной ответственности – административный проступок и мера ответственности – административное наказание.

С.М. Зырянов [9, с. 19–20] отмечает, что для обособления административной ответственности юридическая наука предлагает использовать вторичные признаки, а на первичные, по его мнению, указывал исключительно

С.С. Алексеев, который писал, что, «какие бы сложные очертания не принимали основания юридической ответственности, все это не должно заслонять главного: юридическая ответственность устанавливается за совершенное правонарушение...» [10, с. 191].

Анализируя мнения специалистов, можно сделать вывод, что меры административной ответственности применяются только при доказанном факте совершения конкретным лицом административного правонарушения, при условии отсутствия обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении, определенных в ст. 24.5 КоАП РФ [11]. Исходя из этого необходимость использования двух юридически значимых терминов – «административное правонарушение» и «административное наказание» – в процессе познания административной ответственности становится очевидной.

Основываясь на приведенном выше исходном положении, согласно которому административной ответственности свойственны все признаки юридической ответственности, отметим следующее: административная ответственность является видом юридической ответственности, выступает одним из способов ее реализации и связана с реагированием государства на противоправное поведение.

Юрисдикционное решение органа исполнительной власти (его компетентного должностного лица) либо судьи по делу об административном правонарушении, вступившее в законную силу, представляет собой правоприменительный акт, закрепляющий меры административного наказания, применяемые к субъекту административного правонарушения. При этом в отношении правонарушителя могут быть применены только те меры наказания, которые содержатся в санкции нарушенной нормы. Характер и масштаб административного наказания, установленного в санкции применяемой нормы, определяет, соответственно, уполномоченный субъект правоприменения. Реагирование компетентных государственных органов на факт совершения административного правонарушения, сопровождающееся принятием правоприменительного акта и его исполнением в отношении лица, совершившего правонарушение, с полным основанием можно считать характерным признаком административной ответственности. Помимо этого, такое реагирование объективно должно носить характер осуждения за совершенное, содержать отрицательную оценку административного правонарушения и лица, его совершившего,

со стороны уполномоченных государственных органов, а также предусматривать в отношении правонарушителя меры административного наказания, способствующие удовлетворению устоявшихся в общественной среде представлений о справедливости.

Таким образом, к общим признакам административной ответственности можно отнести следующие:

1. Административная ответственность строго регламентирована административным законодательством, в котором четко определены вид и мера наказания.

2. Административная ответственность проявляется в негативных последствиях для лица, совершившего правонарушение.

По своему содержанию меры административной ответственности выражаются в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод нарушителей. Для правонарушителя неблагоприятные последствия могут наступить в виде формально-юридических (например, предупреждение), материальных (например, административный штраф, конфискация имущества) или физических последствий (например, административный арест, административное выдворение).

3. Основанием для привлечения правонарушителя к административной ответственности является наличие подтвержденного факта административного правонарушения.

4. Административная ответственность является средством правовой охраны.

5. Привлечение лица, совершившего административное правонарушение, к административной ответственности возможно только в законодательно установленном процессуальном порядке.

Административная ответственность, наряду с указанными общими признаками, имеет еще ряд существенных охранительных особенностей. К специфическим характеристикам, позволяющим выделить административную ответственность среди других видов юридической ответственности, установленных государством, можно отнести следующие.

1. Прежде всего административная ответственность имеет свою нормативную базу, отличающую ее от других видов ответственности, и ее нормы формируют самостоятельный институт административного права.

2. В п. «к» ст. 72 Конституции РФ, а также в ст. 1 КоАП РФ закреплена возможность установления административной ответственности как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

3. Меры административной ответственности применяются уполномоченными государственными органами и должностными лицами в отношении правонарушителей, не находящихся у них в подчинении и не связанных с ними трудовыми отношениями. Государственные органы и должностные лица применяют эти меры в рамках полномочий, предоставленных им законодательством.

4. Субъектами административной ответственности выступают физические и юридические лица.

5. Административная ответственность влечет за собой состояние административной наказанности сроком на 1 год. Лицо, к которому применены меры административной ответственности, считается подвергнутым административному наказанию только в течение установленного периода времени.

Помимо перечисленных признаков, не менее важными являются конкретизация понятия административной ответственности и его адаптация к соответствующей реальности, точнее к решению задачи правовой охраны [12, с. 556–561].

Таким образом, с учетом изложенного считаем возможным предложить следующее определение: «Административная ответственность – это форма компетентного правового реагирования уполномоченных государственных органов и должностных лиц на факт совершения физическими и юридическими лицами административных правонарушений посредством принятия правоприменительных актов о назначении мер административного наказания в установленном административно-процессуальном порядке».

Приведенные признаки административной ответственности и предложенное определение считаем возможным использовать в качестве основных для определения перечня признаков, характерных для административной ответственности за причинение побоев. К ним нужно отнести следующие.

1. Административная ответственность за совершение административного правонарушения, закрепленного в ст. 6.1.1 КоАП РФ, в усло-

виях альтернативы предмета ведения, предусмотренной в п. «к» ст. 72 Конституции РФ, установлена только на уровне федерального законодательства.

2. Административная ответственность за причинение побоев, по смыслу ст. 6.1.1 КоАП РФ, может быть применена только к физическому лицу.

3. Гарантия защиты прав граждан на здоровье и личное достоинство обеспечивается судебным порядком рассмотрения дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1.1 КоАП РФ.

4. Повторное совершение побоев в течение года лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, является основанием для привлечения к уголовной ответственности по ст. 116.1 УК РФ.

5. В случае выявления факта совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, в обязательном порядке согласно ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ проводится административное расследование, поскольку требуется время для проведения судебно-медицинской экспертизы.

6. Комплекс мер административно-правового воздействия, предусмотренный санкцией ст. 6.1.1 КоАП РФ, включает административный арест на срок от 10 до 15 суток и обязательные работы на срок от 60 до 120 часов. В качестве третьей меры в данной совокупности представлен административный штраф, превышающий в шесть раз размеры административного штрафа, установленного в отношении граждан согласно ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ (30 тысяч рублей).

По итогам проведенного исследования считаем возможным сформулировать следующее определение: «Административная ответственность за правонарушение, предусмотренное ст. 6.1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, – это форма компетентного правового реагирования, осуществляемого судьями по факту совершения физическим лицом побоев посредством принятия правоприменительного акта о назначении ему мер административного наказания в установленном административно-процессуальном порядке».

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

2. Форма 577, раздел 1 за январь – декабрь 2022 года: всего по России.

1. The Constitution of the Russian Federation [Web resource]: adopted by popular vote on Dec. 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Access from the legal reference system "Garant", 2023.

2. Form 577, section 1 for January – December 2023: total for Russia.

3. Форма 577, раздел 1 за январь – декабрь 2023 года: всего по России.

4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/?ysclid=Imosykjja8792797884> (дата обращения: 10.09.2024).

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/?ysclid=m0pi3194qk683403603> (дата обращения: 10.09.2024).

6. Бельский К.С. Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура // Государство и право. 1999. № 12. С. 12–18.

7. Тимошенко И.В. Понятие административной ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 2. С. 74–79.

8. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.

9. Зырянов С.М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 15–22.

10. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. II.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2023.

12. Труфанов М.Е. Базовая триада признаков в определении административной ответственности // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 9 июня 2023 г. Краснодар, 2023.

3. Form 577, section 1 for January – December 2022: total for Russia.

4. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2023 [Web resource]. URL: <https://mvd.rf/reports/item/35396677/?ysclid=m0pi3194qk683403603> (date of access: 10.09.2024).

5. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2022 [Web resource]. URL: <https://mvd.rf/reports/item/35396677/?ysclid=Imosykjja8792797884> (date of access: 10.09.2024).

6. Belsky K.S. Administrative responsibility: genesis, main features, structure // State and law. 1999. No 12. P. 12–18.

7. Timoshenko I.V. The concept of administrative responsibility // North Caucasian legal bulletin. 2009. No 2. P.74–79.

8. Malein N.S. Offense: concept, reasons, responsibility. Moscow, 1985.

9. Zyryanov S.M. Administrative responsibility in the system of public legal responsibility // Journal of Russian law. 2014. No 1. P. 15–22.

10. Alekseev S.S. General theory of law: in 2 vols. Moscow, 1982. Vol. II.

11. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses d.d. Dec. 30, 2001 No 195-FZ [Web resource]. Access from the legal reference system "Garant", 2023.

12. Trufanov M.E. Basic triad of signs in determining administrative responsibility // Administrative and legal regulation of law enforcement activities: theory and practice: proc. of the Intern. sci. and practical conf., June 9, 2023. Krasnodar, 2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Должникова Екатерина Викторовна, адъюнкт кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России; e-mail: katyadoll1994@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

E.V. Dolzhnikova, Adjunct of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Agencies, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: katyadoll1994@mail.ru

Эмпирическая оценка правового сознания граждан: некоторые проблемные аспекты

Отмечаются значительные теоретические и практико-управленческие перспективы научного анализа правового сознания граждан. Важность данных о реальном состоянии правосознания (особенно первичной эмпирической информации) объективно обусловлена их последующим использованием в системе государственной власти. Вместе с тем в настоящее время имеется ряд познавательных проблем, которые ставят под сомнение получаемые данные о состоянии правосознания российского общества.

Ключевые слова: государство, общество, право, правосознание, деформация правосознания, эмпирический анализ, практическое использование результатов.

Empirical assessment of the legal consciousness of citizens: some problematic aspects

The article notes that the scientific analysis of the legal consciousness of citizens has significant theoretical and practical management prospects. The importance of data on the real state of legal awareness (especially primary empirical information) is objectively determined by their subsequent use in the system of state power. At the same time, there are currently a number of cognitive problems that call into question the data obtained on the state of legal awareness of Russian society.

Keywords: state, society, law, legal awareness, deformation of legal awareness, empirical analysis, practical use of the results.

Правовое сознание – весьма перспективный объект междисциплинарного научного познания. Именно правосознание воплощает в себе «ответную» рефлексию граждан по поводу действующего права, а также желаемого права, рассматриваемого как правовой идеал. В последнем случае право выступает в качестве элемента духовной жизни общества. Граждане формируют свои представления о праве на основе как позитивного, так и естественного права. Это серьезно усложняет процесс познания правовых явлений, феноменов и последующий научный анализ состояния общественного мнения по поводу права: далеко не всегда носители обыденного сознания способны дифференцировать феномены права, связанные либо с правотворческой деятельностью государства, либо с духовной жизнью общества (не имеющей непосредственной взаимосвязи с конкретным институтом государства). Еще одна особенность познания права на обыденном уровне состоит в преимущественном формировании эмоционально-чувственных, а не рационально-логических образов права у людей. В результате имеет место оценка права «сердцем», эмоциями, чувствами, а не посредством глубоких мыслительных процессов, анализа своих потребностей и интересов. Научное познание и

последующие управленческие мероприятия призваны учитывать подобные проблемы.

Обращаясь к содержанию понятия «правовое сознание», следует отметить, что в научной литературе представлено множество его трактовок, зачастую весьма различающихся. В частности, по мнению Е.А. Рябова, правосознание представляет собой «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных общностей к действующему или желаемому праву» [1, с. 64]. Такая трактовка понятия «правосознание» является достаточно узкой и конкретизирует исследование данного явления в системе координат общественного мнения о праве (как реальном, так и желаемом). Сходным по содержанию является и другое определение: «Правосознание – совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей, социальных групп, классов к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным» [2, с. 397]. Такое понимание сущности правосознания позволяет актуализировать множество опросных инструментов на эмпирическом уровне познания. Возникает достаточно несложная ситуация, когда применение репрезентативной выборки количественного исследования дает возможность получить пласт первичной информации, необходимый

для оценки проблемных ситуаций, связанных с пониманием людьми права и представлениями населения о праве. Однако остается главный вопрос о том, насколько получаемый пласт первичной информации будет релевантен по отношению именно к правовому сознанию и не произойдет ли подмена понятия «правовое сознание» на «общественное мнение о праве».

Другие определения, напротив, выглядят достаточно широкими по содержанию, например: «Правосознание – это одна из форм общественного сознания, отражающая общественные отношения, которые регулируют или должны быть урегулированы нормами права, чье содержание и развитие обуславливается условиями существования общества» [2, с. 398]. Стоит отметить, что категория «общественное сознание» в большей мере относится к общетеоретическому научному анализу, будучи существенно осложненной на эмпирическом уровне. В частности, это связано с тем, что общественное сознание включает в себя множество абстрактных конструктов, введенных в научный оборот различными теоретико-методологическими направлениями, оперирующих категориями «общественное бытие», «совокупность общественных представлений той или иной исторической эпохи», «высокоорганизованный продукт культурно-психической деятельности людей» и т.д. Кроме того, общественное сознание зависит от широкого социально-исторического контекста, т.е. конкретного периода в истории рассматриваемого общества. В такой трактовке понятие «правосознание» на эмпирическом уровне обуславливает применение сложного симбиоза количественно-качественных методов, которые, однако, все равно не смогут в полной мере верифицировать сформированный на теоретическом уровне конструкт правового сознания. Определенные пласты информации может дать анализ документов (при этом не следует забывать, что социологические и исторические исследования документов имеют существенно различающиеся методологию и методику), экспертный опрос, кейс-стади, эксперимент и другие методы. В свою очередь, верифицированный лишь отчасти теоретический конструкт правового сознания создает риски для последующей работы с абстрактным, не связанным с практикой понятийным аппаратом. С учетом вовлеченности в проблему правосознания населения государственно-управленческих структур такое положение дел выглядит неоптимальным.

Стоит отметить, что часть исследователей определяет правовое сознание как дуализм рационального и психологического компонентов. Так, по мнению И.М. Максимовой, «пра-

восознание представляет собой совокупность рациональных и психологических компонентов, которые не только отражают осознание правовой действительности, но и воздействуют на нее, формируя готовность личности к правовому поведению» [3, с. 41]. Подобные трактовки понятия «правовое сознание» приводят к генезису еще одного пласта гносеологических проблем. Такая дифференциация правового сознания априори ставит перед социологом-исследователем сложную задачу, сопряженную с множеством рисков. В частности, рациональные компоненты сознания весьма адекватно репрезентируются в опросных методах, когда респонденты сообщают (с известной поправкой на уровень откровенности) о своих взглядах, оценках, мнениях, стереотипах и т.п. относительно права. Вместе с тем эмоциональные элементы, связанные с психологическим обликом носителей правосознания, требуют совершенно иных подходов к сбору первичной информации, а часть используемых при этом приемов находится вне компетенции эмпирической социологической науки [4, с. 58–62].

Не стоит игнорировать и еще один аспект описанной проблемы – риск «конфликта» социологической и психологической методологий при организации и проведении эмпирических проектов, связанных с анализом правосознания граждан. Статус «пограничного» социолого-психологического исследования в методической литературе до конца не прояснен. При этом понятийный аппарат, методологические, методические, процедурные особенности социологических проектов по сходной тематике зачастую серьезно отличается.

В связи с этим стоит обратить внимание на точку зрения М.А. Агеевой, которая полагает, что «правосознанию всегда присуща психологическая сторона, основанная на правовых чувствах, эмоциях, переживаниях, воле и т.д. В правовом сознании могут концентрироваться как позитивные, так и негативные чувства. К первым можно отнести: чувство закона, долга перед обществом и государством. Ко вторым – чувство беззакония, правовой безответственности, психологического неприятия общепризнанных ценностей и многое другое» [5, с. 36]. Следует заметить, что негативные социальные чувства – сложный и противоречивый объект научного социологического познания. В рамках практической социологии одними из наиболее заметных работ, посвященных методологии и методике анализа негативных социальных чувств, являются труды В.Г. Немировского. В работе «Социология личности: теория и опыт исследований» [6] автор подробно рассмотрел комплексы социальных чувств именно с соци-

ологической точки зрения. Он выделил трагическое и ожесточенное мироощущение как показатели превалирования именно негативных социальных чувств. Также ученый разработал систему эмпирических индикаторов, которые могут лечь в основу практических социологических исследований.

Справедливой представляется точка зрения В.Г. Немировского, согласно которой «до сих пор так и не удалось создать единой общей социологической теории развития личности, поэтому распространяется мнение о социологии как мультипарадигмальной науке. Следовательно, обращение социологов к возможностям философского, психологического и других подходов к анализу развития личности представляется не только оправданным, но и закономерным» [6].

Вместе с тем с конца 1980-х гг. прошло немало времени, и разработки В.Г. Немировского и других ученых нуждаются в верификации на современном материале и актуальных проблемных ситуациях. Однако на практике подобных научных изысканий крайне мало. Это образует определенный гносеологический вакуум, который негативно отражается прежде всего именно на системе государственного управления, нуждающейся в своевременных и, главное, эффективных предложениях со стороны практической науки.

В зависимости от масштаба анализа объекта формируется еще одна проблема, связанная с эмпирическими исследованиями правосознания. В частности, зачастую программа и инструментарий эмпирического исследования могут адекватно описывать правовое сознание на уровне личности, тогда как макроуровень анализа оказывается вне «достижимости» эмпирической социологической науки. Для работы социологов-исследователей это создает серьезные ограничения, пути эффективного преодоления которых до сих пор не найдены [4, с. 58–62]. Суть данного гносеологического противоречия состоит в том, что личностный и социальный уровни правосознания во многих обществах, в том числе в современном российском, существенно дифференцированы. При этом методология замера явлений и процессов, связанных с социологией личности, развита весьма неплохо, чего нельзя утверждать в отношении социального (общественного) уровня. Это формирует определенный разрыв между уровнями эмпирического познания, который в настоящее время не нашел более-менее адекватного разрешения.

Как полагает В.А. Рыбаков, в настоящее время наблюдается существенный дисбаланс в пользу теоретических разработок проблемати-

ки правосознания россиян. Вместе с тем количественное доминирование теоретических разработок не привело к серьезным качественным сдвигам. Так, в современной теории правосознания «содержится много противоречивых суждений. В частности, это касается понятия правосознания. Оно понимается:

- как знание о праве;
- как отражение правовых явлений, правовой действительности;
- как отношение к действующему праву;
- как восприятие информации о правовой действительности;
- как представление о праве, которое формируется у служащих государственного аппарата (в особенности у юристов-практиков)» [7, с. 25].

Предложенные варианты понимания правосознания варьируются от знаний о праве обычных людей до сформированной системы устойчивых представлений профессиональных юристов. При этом достаточно слабо, как представляется, в научной литературе проработана проблема различий профессионального юридического и обыденного правосознания. Весь широкий континуум разнообразных признаков, специфических характеристик объединяется весьма условным (в данной ситуации и в сложившемся исследовательском контексте) термином «правовое сознание». Такое положение дел с теоретической проработкой правового сознания (прежде всего его системы операциональных индикаторов) серьезно ограничивает развитие эмпирического направления. Отсутствие теоретического консенсуса не позволяет однозначно определять стратегию и тактику эмпирического поиска проблематики правового сознания, моделировать возможные результаты и конструировать практико-управленческие модели решений в сфере улучшения показателей правового сознания граждан.

Вместе с тем стоит согласиться с мнением, что «понятийный аппарат науки в познании выполняет две функции: теоретическую и методологическую. Понятия реализуют теоретическую функцию, если они используются для описания, объяснения и прогнозирования правовых или политических явлений. Когда же категории и понятия выступают в качестве основы методологических правил, принципов, то они реализуют методологическую функцию. Но в этом случае результатом познания выступают не новые знания о государстве или праве, их закономерностях, а правила, принципы познания, которых нет в самом предмете исследования и отражающих его понятия» [7, с. 25].

Отмеченные гносеологические противоречия особенно остро проявляются в ситуации ана-

лиза различных дисфункций правосознания, в частности его деформации. В целях адекватного понимания сущности дисфункций правосознания следует прежде всего иметь в распоряжении «эталонный образец», с которым можно сравнивать изучаемый объект.

В научной литературе справедливо отмечается, что эмпирическое познание как современного, так и исторического состояния в развитии государства и права не ограничивается получением достоверных знаний в форме единичных фактов. Оно стремится создать надежный фундамент достоверных знаний в форме обобщенных и статистических фактов, а также статистических закономерностей и дать им надлежащее объяснение [8]. Вместе с тем попытки формирования модели, основанной на достоверных знаниях о правосознании в условиях современного российского общества, сталкиваются именно с существенными противоречиями на общетеоретическом уровне познания. В последующем отмеченные гносеологические противоречия не находят своего адекватного решения и, соответственно, не преодолеваются как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях познания.

Целесообразно проиллюстрировать выдвинутые тезисы на практическом материале. В частности, одной из серьезных проблем российского общества на современном этапе выступает правовой нигилизм, который многими исследователями относится к разновидностям деформации правового сознания.

Относительно проблематики деформации правового сознания необходимо заметить, что здесь присутствует немало концептуальных положений, которые потенциально могут быть верифицированы на эмпирическом уровне.

Так, А.Г. Сорокин отмечает, что «зачастую чувство справедливости русского человека может стать выше закона. Что касается чувства долга – оно может заставить пойти на подвиг, совершить который не обязывали никакие законы. Правосознание в России – это осознание правды, справедливости, а не только положительного права. Если иметь в виду отношение современного российского общества к действующим законам – можно сказать, что, во-первых, подавляющее большинство о них не имеет представления; во-вторых, какая-то часть относится безразлично или отрицательно» [9, с. 43].

Данный теоретический вывод выглядит потенциально весьма перспективным для верификации на эмпирическом уровне познания. Например, применение качественных методов сбора первичной информации предоставит в распоряжение исследователя уникальную информацию о внутреннем духовном мире людей,

о месте права в системе их социокультурных координат. Однако здесь социолог сталкивается с рядом серьезных проблем. Во-первых, система индикаторов, разработанная по результатам анализа теоретических публикаций о правосознании, как уже отмечалось, содержит данные о профессиональном правосознании наряду с обыденным, а также предполагает сложную систему признаков правосознания (от информированности до отношения, системы представлений и т.д.). Это существенно повышает риски неэффективности исследования прежде всего с точки зрения практических рекомендаций. Во-вторых, попытки исследователей выяснить мотивацию респондентов при нарушении законов (в том числе и в аспекте противоречия личным убеждениям, ценностям и т.д.) сталкиваются с субъективным сопротивлением многих людей, опасющихся за негативные последствия после общения с незнакомым человеком. В-третьих, многие смысловые категории, которые теоретики вкладывают в содержание понятия «правосознание», сложно поддаются эмпирическому анализу. Это связано с весьма узким спектром качественных методов, которые релевантны проблемной ситуации и решаемым задачам. Большинство эмпирических методов в данной ситуации неприменимы в силу их неспособности проникнуть в глубины сознания и психики людей. При этом использование опросных методов анализа содержит в себе риски получения искаженной информации, так как предмет анализа весьма сложен для рефлексии на уровне обыденного сознания «среднего» респондента.

Подводя некоторые итоги, стоит отметить, что изучение правового сознания имеет серьезные научно-теоретические и управленческие перспективы. Особенно следует обратить внимание на эмпирический пласт познавательных процедур в отношении правового сознания. Именно эмпирические исследования дают возможность осуществления процессов верификации теоретических положений на практике с учетом конкретной ситуации, выступают своего рода «мостиком» между общетеоретическим фундаментальным познанием правосознания и системой государственного управления, призванной на основе научных изысканий оптимизировать социальную ситуацию. Однако в настоящее время имеется ряд существенных проблем, препятствующих широкой интеграции эмпирических исследований правосознания в научно-управленческую практику.

Основной опасностью для эмпириков при изучении проблематики правосознания, как

представляется, является именно теоретическая неопределенность содержания ключевого понятия. Здесь разброс мнений ученых предельно широк – от общественного мнения о праве до системы социокультурных координат личности с ключевой ролью права. Вносит серьезную неопределенность и путаница с обычными и специализированным правосознанием. При этом дифференциация носителей двух типов правосознания на эмпирическом уровне сопряжена с серьезными сложностями и содержит в себе риски методических ошибок.

Решение обозначенных проблем эмпирического анализа весьма важно именно с точки зрения оптимизации решений системы государственного управления. В настоящее время здесь заложена определенная системная ошибка, связанная с недоработками на общетеоретическом научном уровне, в результате чего система управления периодически оказывается дезориентированной. Отсутствие полноценного научного обеспечения (особенно эмпирического) формирует риски снижения эффективности системы государственного управления.

1. *Рябов Е.А. Правовое сознание и проблемы его формирования в современной России: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. М., 2003.*

2. *Ковалев И.А. Анализ определений и сущности правосознания // Молодой ученый. 2013. № 5(52). С. 396–399.*

3. *Максимова И.М. Правосознание как источник правового поведения личности: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005.*

4. *Карнаушенко Л.В. Правовая культура и правовое сознание личности: проблема поиска индикаторов эмпирического социологического анализа // Общество и право. 2022. № 3. С. 58–62.*

5. *Агеева М.А. Правовое сознание в условиях трансформации российского общества: философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. М., 2009.*

6. *Немировский В.Г. Социология личности: теория и опыт исследований. Красноярск, 1989.*

7. *Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 3. С. 23–28.*

8. URL: <https://infopedia.su/2xc25.html> (дата обращения: 10.09.2024).

9. *Сорокин А.Г. Правовое сознание современного российского общества как предмет социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006.*

1. *Ryabov E.A. Legal consciousness and problems of its formation in modern Russia: social and philosophical aspect: diss. ... Candidate of Sciences in Philosophy. Moscow, 2003.*

2. *Kovalev I.A. Analysis of definitions and essence of legal consciousness // Young scientist. 2013. No 5(52). P. 396–399.*

3. *Maksimova I.M. Legal consciousness as a source of legal behavior of the individual: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Tambov, 2005.*

4. *Karnaushenko L.V. Legal culture and legal consciousness of the individual: the problem of finding indicators of empirical sociological analysis // Society and law. 2022. No 3. P. 58–62.*

5. *Ageeva M.A. Legal consciousness in the context of transformation of Russian society: philosophical aspect: diss. ... Candidate of Sciences in Philosophy. Moscow, 2009.*

6. *Nemirovsky V.G. Sociology of personality: theory and experience of research. Krasnoyarsk, 1989.*

7. *Rybakov V.A. Legal consciousness: on the issue of the concept // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2015. No 3. P. 23–28.*

8. URL: <https://infopedia.su/2xc25.html> (date of access: 10.09.2024).

9. *Sorokin A.G. Legal consciousness of modern Russian society as a subject of social and philosophical analysis: diss. ... Candidate of Sciences in Philosophy. Moscow, 2006.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583414.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

L.V. Karnaushenko, Doctor of Sciences in History, Professor, Chief of the Department of Theory and History of Law and State, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583414.

Жуланов Александр Владимирович
Самарский Александр Николаевич

Борьба с терроризмом в России: историко-правовой обзор

Исследование вопросов противодействия терроризму в России на современном этапе приобретает особую актуальность, что объясняется резким обострением политической ситуации в мире и, соответственно, значительным ростом угроз совершения террористических актов на территории Российской Федерации. Для разработки мер по противодействию данному явлению важно понимать причины и истоки его развития, чему способствует изучение историко-правовых аспектов выбранной тематики. В статье рассматривается исторический период начиная с XVIII в. по настоящее время. На основе анализа научной литературы и публицистики авторы приходят к выводу, что ключевые мероприятия по противодействию терроризму должны лежать в сфере просветительской деятельности, направленной на недопущение вовлечения в террористические организации граждан России внешними силами.

Ключевые слова: революционный террор, террористический акт, идеология насилия, национальная безопасность, меры противодействия.

The fight against terrorism in Russia: historical and legal review

The study of counter-terrorism issues in Russia at the present stage is acquiring particular relevance, which is explained by the sharp aggravation of the political situation in the world and, accordingly, a significant increase in the threats of terrorist acts on the territory of the Russian Federation. From the standpoint of developing measures to counter this phenomenon, it is important to understand the causes and sources of its development, which is facilitated by the study of the historical and legal aspects of the chosen topic. The article examines the historical period from the 18th century to the present. Based on the analysis of scientific literature and journalism, the authors come to the conclusion that key measures to counter terrorism should lie in the sphere of educational activities aimed at preventing the involvement of Russian citizens in terrorist organizations by external forces.

Keywords: revolutionary terror, terrorist act, ideology of violence, national security, counteraction measures.

Терроризм как инструмент политической борьбы имеет достаточно глубокие исторические корни, по оценкам ученых, он зародился в I в. н.э. [1, с. 95]. На разных этапах развития человечества терроризм как идеология проявлялся в той или иной степени, однако отдельные исторические периоды отличались особой интенсивностью террористических проявлений. В настоящей статье проведен историко-правовой анализ проблем противодействия терроризму начиная с XVIII в. Именно на данном этапе исторического развития государственности в России наблюдалась высокая активность революционеров, а впоследствии и бандформирований, совершавших террористические акты в борьбе с политическим строем. Исходя из существовавших рисков общественной и государственной безопасности, соответствующим образом менялась и правовая сфера как один из инструментов защиты государства от внешних и внутренних угроз.

Следует отметить, что XVIII в. – начало XIX в. – время относительной стабильности для российского общества. По мнению историков, ряд трагических событий данного периода в большей степени относится к категории заказных политических убийств, а не террористических актов. Однако именно на этот этап приходится зарождение террора во Франции, что в последующем не могло не отразиться на развитии исследуемого социального явления в Российской империи.

Особенностью террористических актов конца XIX в. является то, что все они были нацелены на высокопоставленных чиновников и непосредственно на императора, а убийства граждан совершались только «случайно», если они оказывались поблизости от места событий.

За период правления Александра II на него было совершено семь покушений, последнее из которых закончилось трагически. Император был убит 1 марта 1881 г. Первый рево-

люционно-террористский акт был совершен 4 апреля 1866 г. Д.В. Каракозовым, который по своему происхождению принадлежал к мелкопоместному дворянству и в разные годы учился в Казанском и Московском университетах (не окончил их из-за неуплаты за обучение)¹. Дворянское происхождение имел и С.М. Кравчинский (совершил убийство шефа жандармов Н.В. Мезенцева в 1878 г.)². Г.Д. Гольденберг (участвовал в покушении на Александра II, убил князя Дмитрия Кропоткина)³ был купеческого происхождения. Независимо от происхождения все участники террористических актов имели твердые революционные убеждения и цель изменения политического строя Российской империи.

Большинство авторов [2, 3] склонны считать, что истоками революционного террора конца XIX в. послужили реформы, проводившиеся Александром II. Так, С.Е. Майшев указывает, что до начала преобразований (60–70-е гг. XIX в.) политическое положение в Российской империи было стабильным; реформы были направлены на преобразование гражданского общества и не затрагивали сам политический строй, наблюдалась их противоречивость; отсутствие диалога власти и общества при реализации реформ породило революционные настроения среди интеллигенции [2, с. 15].

Выбор средств борьбы также не является случайным. Несмотря на бедственное положение народа, большей части граждан были чужды революционные настроения. Не помогло в этой ситуации и так называемое «хождение в народ», начавшееся летом 1874 г. и охватившее около 50 губерний (количество его участников достигало 2500 чел.). В создавшихся условиях нарастала популярность радикальных силовых методов воздействия на власть. Значительная часть революционеров осуждали террор. Так, С.В. Балмашев после его ареста на одном из допросов заявлял: «Террористический способ борьбы я считаю бесчеловечным и жестоким, но он является неизбежным при современном режиме» [3, с. 43].

¹ Первый выстрел. Как Россия открыла эпоху охоты на императоров [Электронный ресурс] // Аргументы и факты: сайт. URL: https://aif.ru/society/history/pervyy_vystrel_kak_rossiya_otkryla_epohu_ohoty_na_imperatorov (дата обращения: 21.07.2024).

² Буднички О.В., Свалов А.Н. Кравчинский Сергей Михайлович [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/2105441> (дата обращения: 21.07.2024).

³ Русский вопрос XIX века: Как относиться к террористам? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2017/07/27/041/> (дата обращения: 21.07.2024).

Террор как метод революционной борьбы использовался вплоть до революции 1917 г. Однако после убийства Александра II некоторые предпринятые новым правительством меры, включая так называемые «контрреформы», привели к тому, что годы правления Александра III были относительно спокойными. Так, уже 17 марта 1881 г. все участники покушения на Александра II были арестованы и отданы под суд. 3 апреля 1881 г. пять его участников были повешены, оставшиеся в живых приговорены к бессрочной каторге. Всего за 1879–1883 гг. прошло около 70 аналогичных политических процессов, к ответственности было привлечено около 2 тыс. чел.

Обращаясь к статистике, можно отметить следующие ключевые моменты: общее число террористических актов в период правления Александра II составило около 40 случаев, а число убитых в них – 100 чел. Такие приблизительные цифры были приведены доктором философии А.А. Гейфман [4, с. 13].

Пик террора пришелся на правление Николая II, подъем новой волны террористических актов датируется началом 1901 г.

Общее количество жертв за 1905–1908 гг., по приблизительным оценкам, составило более 9 тыс. чел. Значительное количество жертв наблюдалось и в 1908–1910 гг. По предварительным оценкам, общее число пострадавших достигло 7 634 чел., из них 732 чиновника и 3 051 частное лицо погибли, а 1 022 чиновника и 2 829 частных лиц получили ранения [4, с. 32]. Согласно данным историков огромное количество террористических актов местного значения «не попало» в государственную статистику, по факту жертв террора было гораздо больше. Предпринимаемые государством меры не меняли кардинально обстановку, и если в XIX в. каждый террористический акт становился сенсацией, то в начале XX в. они совершались достаточно часто и даже не всегда освещались прессой. Вместо этого в газетах публиковался перечень погибших и пострадавших в результате террора.

Здесь нужно отметить ключевые моменты, характеризующие исследуемый этап развития терроризма как явления общественной жизни. Основными исполнителями террористических актов в Москве, Санкт-Петербурге, а также некоторых других крупных городах России выступали члены партии эсеров. В то же время на Кавказе большая часть актов террора была организована Армянской революционной партией. Зачастую акты террора сопровождались так называемым революционным бандитиз-

мом (грабежами банков и богатых граждан), т.е. преследовались не только политические, но и экономические цели. Таким образом, если в начале XIX в. террористические акты были точечными и направленными исключительно на императора и высших чиновников, то теперь число жертв – гражданских лиц возросло в тысячи раз. Что касается самих революционеров, то ни о каком «отвращении» в отношении актов террора речь теперь не шла [4, с. 58, 62].

Характеризуя меры противодействия терроризму после 1905 г., можно констатировать следующее. Весь аппарат государственной власти, по сути, был «расшатан». Если ранее террористические акты «грозили» лишь небольшой части чиновников, то теперь жертвы выбирались практически «без разбора», зачастую могли быть убиты чиновники и жандармы, даже сочувствующие революционерам. Все чаще чиновники и полицейские отказывались занимать посты своих убитых предшественников. Как результат, принимаемые меры не давали стабильного эффекта.

Остановимся на правовых аспектах исследуемого вопроса. Наказание для террористов в конце XIX – начале XX в. определялось в соответствии с Уложением 1845 г. В данный нормативный правовой акт дважды вносились существенные изменения – в 1866 и 1885 гг. Тем не менее, по оценкам юристов того времени, Уложение по-прежнему оставалось громоздким и сложным в правоприменительной практике. Уголовно-процессуальная сторона следственных и судебных действий регламентировалась правилами Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В условиях обострения политической борьбы после убийства императора Александра II все уголовные дела, касающиеся терроризма, были изъяты из ведения судов присяжных. Законом от 14 августа 1881 г. вводилось в действие Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Что касается содержания данного акта, можно сделать вывод о введении широкого перечня полномочий для генерал-губернаторов на подведомственных им территориях. Ужесточалось наказание для лиц, в той или иной степени причастных к террористической деятельности. Например, такое наказание, как ссылка, могло быть применено к гражданину на основании подозрений и данных агентурной сети [5, с. 72].

В 1903 г. была предпринята попытка ввести новое Уложение, однако по факту документ в силу не вступил, на территории Российской империи по-прежнему применялось Уложение

1845 г. (с поправками и дополнениями). Поскольку основной целью терроризма того времени выступала смена политического режима, считаем важным привести выдержку из гл. III Уложения «О бунте против Верховной Власти и о преступлениях против Священной особы Императора и членов Императорского двора»: «посвяительство на жизнь, здоровье, свободу или вообще на неприкосновенность Священной Особы Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола карается смертной казнью» (ч. 1 ст. 99). Помимо этого, ч. 3 ст. 101 предусматривала смертную казнь и для лиц, которые не являлись исполнителями, однако были причастны к подготовке покушения.

Такой нормативный правовой акт, как постановление Совета Министров от 19 августа 1906 г. «Об учреждении военно-полевых судов», позволил частично стабилизировать обстановку в 1906–1907 гг. Активная деятельность военно-полевых судов была достаточно эффективной, ее результаты привели к тому, что по истечении 8 месяцев после принятия данного документа страна вернулась к общим нормам права. По оценкам специалистов, именно опора на военное законодательство позволила в определенной степени восстановить порядок в прибалтийских провинциях, Польше и Закавказье, ликвидировать часть эсеровских ячеек и повстанческих групп. Тем не менее предпринятые меры правового характера не смогли предотвратить революцию 1917 г., итогом которой стала полная смена государственного режима.

Несмотря на то, что в стране произошла смена власти, террор не исчез из политической жизни государства. Теперь целью террористов стала новая власть. Так, 25 сентября 1919 г. произошел взрыв в Леонтьевском переулке Москвы, в результате которого 12 чел. были убиты, а 55 чел. ранены. Терракт был совершен анархистской группировкой. При задержании исполнителей 2 из них были убиты, 7 совершили самоподрыв, а 8 впоследствии были расстреляны. Если Декретом от 26 октября 1917 г. смертная казнь была отменена, то введение чрезвычайного положения вернуло данную меру наказания. Террористические акты совершались так же, как и прежде, в отношении видных политических деятелей. В частности, В.И. Ленин пережил несколько покушений, 30 августа 1918 г. был убит председатель петроградского ЧК М.С. Урицкий, а 6 июля немецкий посол В. Мирбах. Именно в данный исторический период появились такие понятия, как «красный террор» и «белый террор» [6].

Здесь следует отметить, что уголовное право нового государства только начало формироваться, в связи с чем разрешалось частичное применение дореволюционного законодательства. В марте 1919 г. были приняты так называемые программы РКП(б), а в декабре 1919 г. – Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Важным элементом системы права стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Применительно к теме исследования в нем необходимо отметить в гл. 1 «Государственные преступления» ч. 1 «Контрреволюционные преступления», к которым были отнесены террористические акты. В соответствии со ст. 64 участие в выполнении террористических актов против представителей власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций предусматривало высшую меру наказания и конфискацию всего имущества. Аналогичная мера наказания была предусмотрена, если целью контрреволюционных действий являлось народное имущество (ст. 65). Чуть позже вышел Уголовный кодекс 1926 г. Несмотря на внесенные в документ существенные изменения, те положения (ст. 58.5 и 58.6), которые касались установления ответственности за террористические акты, практически не изменились. В качестве меры наказания за участие в актах террора были предусмотрены расстрел и конфискация имущества.

Начиная с 1930-х гг. террористические акты практически перестали совершаться. В частности, до момента начала перестройки они носили разовый характер, причины их совершения зачастую не были связаны с политическим устройством страны. Например, в 1981 г. в Челябинске произошел взрыв в трамвае, в результате которого 1 чел. погиб, а 6 чел. были ранены. Причиной стала бытовая месть. Значительная часть террористических актов была связана с угоном самолетов с заложниками, всего было совершено 110 таких попыток (до 1992 г.), из них 33 достигли своей цели⁴.

27 октября 1960 г. был принят новый Уголовный кодекс РСФСР. В соответствии со ст. 66 и 67 УК РСФСР 1960 г. за убийство, совершенное по политическим мотивам, предусматривалась ответственность в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества или в виде смертной казни. Наказанию также подлежали: публичные призывы к совершению актов террора (ст. 70.1); недонесение о

готовящемся террористическом акте (ст. 88.1); укрывательство государственных преступлений (ст. 88.2). В случае если были совершены террористические действия, повлекшие за собой нарушение общественной безопасности, предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет (ст. 213.3), в ситуации причинения значительного имущественного ущерба или совершения действий, повлекших за собой убийство человека, наказание значительно ужесточалось.

Политическая нестабильность в период перестройки, последующие за сменой власти чеченские конфликты 90-х гг. привели к очередной волне террористических актов. Крупнейшими из них стали: захват в заложники жителей Буденновска (1995 г.) – погибло 129 чел., было ранено 317 чел.; взрыв жилого дома в Каспийске (1996 г.) – погибло 68 чел. в том числе 20 детей; взрыв в Буйнакске (1999 г.) – погибло 64 чел., около 150 получили ранения; захват террористами в заложники учеников, педагогов и родителей в Беслане (2004 г.) – погибло 334 чел., в том числе 186 детей и др.⁵

Причины терроризма в годы перестройки были самыми различными, однако большая часть террористических актов была нацелена на нарушение территориальной целостности России и реализовывалась с участием представителей международных террористических организаций.

Важность противодействия актам террора обусловила принятие отдельного нормативного правового акта – Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». В 2009 г. Президентом РФ была утверждена Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Уголовное наказание за причастность или совершение террористического акта на современном этапе развития определяется Уголовным кодексом РФ от 1996 г.

Характеризуя современное состояние общественной безопасности в России, можно отметить усиление террористических угроз. Несмотря на достаточно успешные действия сотрудников ФСБ и ОВД и регулярные сообщения о предотвращении террористических актов, на территории России время от времени все же происходят трагические события. В этих условиях важной представляется мобилизация всех сил общества для предотвращения и минимизации последствий актов террора.

⁴ Полет за миражом. Полвека назад в СССР впервые угнали пассажирский самолет [Электронный ресурс]. URL: https://kuban.aif.ru/society/polyot_zh_mirazhom_polveka_nazad_v_rossii_vpervye_ugnali_passazhirskiy_samolyot (дата обращения: 21.07.2024).

⁵ Крупнейшие теракты в истории России: хронология [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2024/03/23/krupneyshie-terakty-v-istorii-rossii-hronologiya/> (дата обращения: 21.07.2024).

В сложившейся обстановке особое внимание должно быть уделено просветительской деятельности среди населения, которая должна реализовываться сразу по нескольким направлениям, таким как проведение бесед со школьниками и студентами на базе образовательных организаций; информирование населения о способах связи с сотрудниками ОВД в случае обнаружения подозрительных предметов или подозрительного поведения граждан; информирование о возможных вариантах по-

ведения в ситуации, когда осуществлен захват заложников, и пр.

Развитое правовое сознание, активная гражданская позиция населения создают условия, в которых реализовать террористический акт гораздо сложнее. И, напротив, в обществе, которое разъединено по ряду оснований (религиозных, экономических, национальных, политических и пр.), заметно проще найти как исполнителей, так и соучастников террористического акта.

1. Шаповалов С.А. Генезис эволюции общественно опасного явления «терроризм» // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: сб. Красноярск, 2022. С. 95–97.

2. Майшев С.Е. Возникновение политического терроризма в Российской империи во второй половине XIX века // Kant. 2016. № 1(18). С. 14–19.

3. Володина Н.А., Пляскин В.П., Половецкий С.Д., Полянский М.С., Шеин И.А. Политический терроризм в России в последней четверти XIX – начале XXI в.: Генезис и особенности проявления. СПб., 2023.

4. Гейфман А.А. Революционный террор в России. 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997.

5. Гогин А.А. Правовые основы борьбы с терроризмом в дореволюционной России // Символ науки. 2016. № 12-3(24). С. 67–74.

6. Журов И.В. Белоэмигрантский террор в 1920–1930-е гг. на территории СССР и за рубежом: организаторы и исполнители // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2023. № 1(41). С. 140–144.

1. Shapovalov S.A. Genesis of the evolution of the socially dangerous phenomenon "terrorism" // Law and society: history, problems, prospects: coll. Krasnoyarsk, 2022. P. 95–97.

2. Maishev S.E. The emergence of political terrorism in the Russian Empire in the second half of the XIX century // Kant. 2016. No 1(18). P. 14–19.

3. Volodina N.A., Plyaskin V.P., Polovetsky S.D., Polyansky M.S., Shein I.A. Political terrorism in Russia in the last quarter of the XIX – early XXI century: Genesis and features of manifestation. St. Petersburg, 2023.

4. Geifman A.A. Revolutionary terror in Russia. 1894–1917 / transl. from English by E. Dorman. Moscow, 1997.

5. Gogin A.A. The legal foundations of the fight against terrorism in pre-revolutionary Russia // Symbol of science. 2016. No 12-3(24). P. 67–74.

6. Zhurov I.V. The White Emigrant terror in the 1920s–1930s on the territory of the USSR and abroad: organizers and performers // Vestnik KRAUNTS. Humanities. 2023. No 1(41). P. 140–144.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Жуланов Александр Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России; sandrik@111mail.ru;

Самарский Александр Николаевич, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России; e-mail: samarsky_an@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

A.V. Zhulanov, Candidate of Sciences in Pedagogics, Assistant Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sandrik@111mail.ru;

A.N. Samarski, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: samarsky_an@mail.ru

Булгаков Олег Митрофанович
Гривенная Елена Николаевна
Дедикова Анна Олеговна

К вопросу об установлении пороговых значений и диапазонов баллов оценок знаний компьютерными тестами

Рассмотрены достоинства и недостатки подходов к установлению пороговых значений положительных оценок и диапазонов оценочной шкалы при оценке знаний компьютерными тестами в процентах набранных баллов. Предложен способ определения пороговых значений и диапазонов оценок, основанный на сочетании экспертного моделирования и формализованного подхода и учитывающий допускаяемые испытуемыми ошибки необъективного характера (первого и второго рода).

Ключевые слова: тестирование учебных достижений, достоверность оценивания знаний, экспертное моделирование, угадывание верных ответов, гипотеза, вероятность, тестовые задания, диапазоны оценочной шкалы.

The matter of establishing threshold values and scores ranges for knowledge assessment by computer tests

The article considers the advantages and disadvantages of approaches to establishing threshold values for positive assessments and ranging assessment scales when assessing knowledge by computer tests and evaluating percentage of right answers. It is proposed to determine threshold values and ranges of assessments basing on a combination of expert modeling and a formalized approach and taking into account biased errors (types I and II).

Keywords: testing of academic achievements, reliability of knowledge assessment, expert modeling, guessing the correct answers, hypothesis, probability, test tasks, ranges of the assessment scale.

При конструировании компьютерного теста для оценивания учебных достижений (КТОУДО) обучающихся ключевой задачей является согласование соответствующего положительной оценке порогового значения набранных баллов или диапазонов баллов оценочной шкалы с трудностью и надежностью теста. Для определения порогов и диапазонов баллов разработчик теста, при его безусловной валидности, должен сопоставить между собой распределение тестовых заданий (ТЗ) по уровню сложности в их выборке (предварительно определив уровни трудности отдельных тестовых заданий с учетом вероятности угадывания правильных ответов на задания отдельных видов и уровней трудности), продолжительность тестирования, время, прошедшее от момента завершения формирования оцениваемых знаний и умений, с возможным количеством набранных баллов. Важную роль при таком сопоставлении играют корректность целеполагания, выражающегося в направленности контроля (текущего, итогового, промежуточного), его дидактическом (степени обучающего воздействия) и воспита-

тельном потенциале, применении полученных результатов (для выставления оценок по изученной дисциплине или части ее содержания, анализа оценок в системе внутреннего или внешнего мониторинга качества образования, целевого контроля в ходе проверочных или аттестационных мероприятий), а также прогноз ожидаемых результатов.

В целом для достижения максимальной достоверности оценок учебных достижений обучающихся, полученных путем компьютерного тестирования, в процессе разработки теста необходимо оперировать несколькими количественными оценками сопоставляемых или оптимизируемых параметров, которые могут быть получены на основании различных подходов:

а) эвристического, основанного на субъективных представлениях одного или нескольких специалистов, корректность которых определяется их опытом и достижениями в разработке и применении КТОУДО, интерпретации и анализе результатов тестирования. Наиболее корректной реализацией эвристического подхода является метод экспертного моделирования, применяемый для оценивания потенци-

альных возможностей обучающихся решать ТЗ различных уровней сложности и видов [1, 2], по результатам которого определяются структура выборки заданий теста, время тестирования и диапазоны баллов для пересчета в оценки;

б) статистического, позволяющего на основе статистической взаимосвязи уровня сложности ТЗ, уровня подготовки тестируемых и вероятности правильного решения ТЗ вычислять один из трех параметров по заранее известным двум другим. Наиболее распространенной статистической моделью, используемой для этих целей, является модель Г. Раша [2–6]. Как правило, на основе данной модели в зависимости от задачи исследования подтверждается или оценивается достоверность результатов тестирования, оценивается трудность отдельных ТЗ или теста в целом, определяется индивидуальный или коллективный уровень подготовки испытуемых;

в) формализованного, реализующего математические модели, в аналитическом виде связывающие между собой сопоставляемые параметры, что позволяет по набору известных величин, определяемых с высокой степенью точности или достоверности или задаваемых разработчиком теста, вычислять значения искомых величин, в том числе диапазонов баллов оценочных шкал [3, 7];

г) эмпирического, оперирующего данными проведенных ранее «пристрелочных» тестов, с дальнейшей пошаговой корректировкой диапазонов баллов оценочной шкалы, или уровня сложности заданий, или относительных объемов тестируемых дидактических единиц содержания обучения (ДЕСО) [3, 5, 8].

Каждый из этих подходов обладает очевидными достоинствами и недостатками. Так, основным преимуществом эвристического подхода является оперативность разработки КТОУДО, однако достоверность результатов тестирования сильно зависит как от квалификации разработчика, в основном определяемой его практическим опытом преподавания и тестирования учебных достижений обучающихся, так и от его интуиции. Получение экспертных оценок, способных исключить или минимизировать субъективные ошибки разработчика, зачастую затруднено невозможностью оперативно организовать экспертизу с достаточным количеством квалифицированных экспертов в предметной области.

Статистический подход относительно прост в реализации, а применение модели Раша является своего рода сертификацией КТОУДО и результатов соответствующих контрольных мероприятий для значительного количества

разработчиков и пользователей тестов. Однако практическая реализация данного подхода предполагает определение заранее (по результатам предыдущих контрольных мероприятий, в том числе по другим предметным областям) уровня подготовки испытуемых или уровня сложности ТЗ (например, по результатам тестирования другого контингента либо на основе собственного мнения разработчика теста или экспертной оценки). Как правило, допущения в определении исходных данных модели, способные привести к неопределенности (расходимости) конечных результатов, на практике не учитываются. Модель Раша наиболее корректна для заданий, решение которых предполагает развернутый ответ, численное значение, символьное преобразование, т.е. исключающих угадывание верного ответа. Трудности ее применения возникают и в случае оценивания частично верных решений, в том числе в ТЗ с множественным выбором верных вариантов ответа, с градацией верных ответов, с упорядочиванием дистракторов, на составление соответствий [5, 7, 9, 10].

В математических моделях, применяемых в формализованном подходе, используются параметры, определяемые эмпирическим или экспертным методом, что зачастую не позволяет применять модели, разработанные для определенных дидактических условий (контингент, вид контроля, содержание контроля), в других условиях без дополнительной «настройки» КТОУДО. Используемый в данных моделях математический аппарат, несмотря на его относительную простоту, вызывает затруднения в освоении разработчиками, работающими в гуманитарных предметных областях. В равной степени эта проблема относится и к статистическому подходу. Одними из важных достоинств формализованного подхода являются однозначность и наглядность зависимостей различных параметров моделей, относительная простота интерпретации и анализа результатов тестирования, корректировки тестов при изменении условий обучения или характеристик тестируемого контингента, встраиваемость моделей в алгоритмы мониторинга внутренней системы качества образования [3, 5, 7, 8].

Эмпирический подход может опираться на статистические методы обработки данных, а также математические модели, например, оценки надежности ТЗ и тестов в целом, однако чаще всего реализуется в эмпирико-эвристическом методе, когда в основе корректировки тестов или оценочных шкал лежит субъективное мнение разработчика. В достижении при-

емлемой достоверности оценок квалификация разработчика сказывается на количестве итераций (процедур «пристрелочного» тестирования), умении корректно применять статистические методики обработки небольших массивов данных. Как правило, разработка КТОУДО на основе эмпирического подхода требует больше времени в сравнении с другими подходами. Еще одним недостатком эмпирического подхода является чувствительность получаемых оценочных шкал к изменению условий обучения, требующих переработки тестов или корректировки значений диапазонов баллов, соответствующих принятой оценочной шкале [3, 4, 7, 8].

Недостатки, присущие каждому подходу в отдельности, приводят к тому, что на практике разработчики КТОУДО применяют комбинированные подходы, компенсируя недостатки какого-либо взятого ими за основу подхода или метода на его основе элементами, заимствованными из других подходов. Так, экспертные оценки или экспертное моделирование применяются в реализации статистического и формализованного подходов, статистический подход может использоваться для оценки достоверности результатов применения тестов независимо от подходов, положенных в основу их разработки, формализованный позволяет выявлять и учитывать ошибки в составлении тестов на основе результатов тестирования [11].

Рассмотрим процедуру формирования оценочной шкалы в процентах от максимального количества набранных баллов, которая может применяться для разработки КТОУДО в ходе любых видов аттестационных или контрольных мероприятий.

Наиболее просто определить нижний порог отличной оценки, хотя, как показывает анализ тестов, их разработчики далеко не единодушны во мнениях относительно данного показателя, указывая его в пределах от 80% (реже 75%) до 90% (реже 95%). Помимо субъективизма разработчиков, на данные оценки влияют уровень сложности ТЗ и вид контроля: текущий, промежуточный, остаточных знаний.

Будем исходить из того, что «настоящий отличник» должен уметь правильно выполнить 100% ТЗ, и учтем в конечном значении нижнего порога отличной оценки возможные нюансы как самого теста, так и оценочной процедуры.

Будем полагать, что в тестовой выборке из N ТЗ представлены задания трех уровней сложности:

$$N = N_{пр} + N_{ср} + N_{сл} \equiv N \cdot (\alpha_{пр} + \alpha_{ср} + \alpha_{сл}), \quad (1)$$

где $N_{пр}$, $N_{ср}$, $N_{сл}$ – соответственно количества простых, средней сложности и сложных ТЗ в

тестовой выборке, $\alpha_{пр}$, $\alpha_{ср}$, $\alpha_{сл}$ – доли в выборке соответственно простых, средней сложности и сложных ТЗ,

$$\alpha_{пр} + \alpha_{ср} + \alpha_{сл} = 1. \quad (2)$$

Безусловно, как это подтверждается результатами экспертного моделирования [1], отличник ожидаемо решает правильно все ТЗ, за исключением некоторого количества $N_{ош\ сл}$. Значение $N_{ош\ сл}$ определяется количеством ТЗ повышенной сложности, в том числе необходимых для контроля деградации КТОУДО [12].

Количество сложных ТЗ, решенных «настоящим отличником»:

$$N_{р\ сл} = N_{сл} - N_{ош\ сл}, \quad (3)$$

а экспертная оценка их доли в общем количестве:

$$\alpha_{сл}^* = \frac{N_{р\ сл}}{N_{сл}} \cdot \alpha_{сл} \equiv \beta_{сл} \cdot \alpha_{сл}. \quad (4)$$

Тогда для «настоящего отличника»:

$$\begin{aligned} N_p &= N_{р\ пр} + N_{р\ ср} + N_{р\ сл} = N_{пр} + N_{ср} + N_{р\ сл} = \\ &= N \cdot (\alpha_{пр} + \alpha_{ср} + \alpha_{сл}^*); \quad (5) \\ \alpha_{пр}^* &= \alpha_{пр}; \quad \alpha_{ср}^* = \alpha_{ср}. \end{aligned}$$

Учтем вероятность ошибок первого рода, когда испытуемый, обладая достаточными знаниями и умениями, неверно выполняет соответствующее ТЗ. Тогда для «настоящего отличника» количество решенных ТЗ:

$$N_p = N_{р\ пр} - N_{пр1} + N_{р\ ср} - N_{ср1} + N_{р\ сл} - N_{сл1}, \quad (6a)$$

или

$$N_p = N_{пр} - N_{пр1} + N_{ср} - N_{ср1} + N_{р\ сл} - N_{сл1}, \quad (6b)$$

где $N_{пр1}$, $N_{ср1}$ и $N_{сл1}$ – количество ошибок первого рода, допускаемых «настоящим отличником» при решении простых, средней сложности и сложных заданий соответственно.

Снижение порога отличной оценки с учетом ошибок первого рода, обусловленных волнением, краткосрочной потерей внимания или концентрации, сомнением в правильности формулировок ТЗ при невозможности их уточнить, по нашему мнению, необходимо, так как целью КТОУДО является проверка знаний и умений респондентов, а не их внимания или стрессоустойчивости. Тем самым в некоторой степени нивелируется различие компьютерного тестирования на основе неадаптивных тестов и собеседования с преподавателем в части невозможности окончательно выявить освоение или неосвоение конкретной ДЕСО с помощью уточняющих вопросов и т.п.

Доли решенных ТЗ «настоящим отличником» с учетом вероятностей $\rho_{пр1}$, $\rho_{ср1}$ и $\rho_{сл1}$ ошибок первого рода:

$$\alpha_{пр}^* = \alpha_{пр} \cdot (1 - \rho_{пр1}); \quad (7a)$$

$$\alpha_{ср}^* = \alpha_{ср} \cdot (1 - \rho_{ср1}); \quad (7b)$$

$$\alpha_{сл}^* = \alpha_{сл} \cdot (1 - \rho_{сл1}). \quad (7в)$$

Порог отличной оценки, равный проценту решенных «настоящим отличником» ТЗ с учетом ошибок первого рода:

$$\Pi_{отл} = (\alpha_{пр}^* + \alpha_{ср}^* + \alpha_{сл}^*) \cdot 100\% = [\alpha_{пр} \cdot (1 - \rho_{прI}) + \alpha_{ср} \cdot (1 - \rho_{срI}) + \beta_{сл} \cdot \alpha_{сл} \cdot (1 - \rho_{слI})] \cdot 100\%. \quad (8)$$

Применительно к упрощенной модели «хорошиста» следует полагать, что он решает все простые ТЗ без учета ошибок первого рода и все ТЗ средней сложности. На практике решение реальными «хорошистами» отдельных сложных заданий компенсируется нерешением отдельных заданий средней сложности, относящихся к сравнительно слабо освоенным ДЕСО.

Поскольку количество нерешенных ТЗ в упрощенной модели «хорошиста» $N_{ош} = N_{сл}$ может заметно отличаться от количества ТЗ, не решенных «настоящим отличником» $N_{ош\ с\ л}$, при определении порогового значения оценки «хорошо» следует учесть угадывание испытуемым верных ответов на сложные ТЗ:

$$N_{уг\ сл} = \rho_{слII} \cdot (N_{сл} - N_{р\ сл}), \quad (9)$$

где $N_{уг\ сл}$ – среднее количество угаданных ответов на сложные ТЗ, $\rho_{слII}$ – средняя вероятность угадывания ответов (средняя вероятность ошибки второго рода) на сложные ТЗ, и добавить полученное значение в выражения для расчета решенных ТЗ, аналогичные (6а) и (6б). Однако, как показывает практика разработки и применения КТОУДО, вклад $N_{уг\ сл}$ в общее количество решенных ТЗ настолько мал, что им можно пренебречь. Тогда нижний порог оценки «хорошо» с учетом ошибок первого рода:

$$\Pi_{хор} = (\alpha_{пр}^* + \alpha_{ср}^*) \cdot 100\% = [\alpha_{пр} \cdot (1 - \rho_{прI}) + \alpha_{ср} \cdot (1 - \rho_{срI})] \cdot 100\%. \quad (10)$$

Установление порога оценки «удовлетворительно» характеризуется наибольшей степенью субъективизма, так как частные критерии такой оценки, которыми руководствуются в различных образовательных организациях, допускают неосвоение отдельных ДЕСО, что находит отражение и в КТОУДО.

Как правило, для получения оценки «удовлетворительно» недостаточно решить все простые ТЗ или их существенно большую часть, т.е.:

$$N_p = N_{р\ пр} + N_{р\ ср} = N_{пр} - N_{ош\ пр} + N_{ср} - N_{ош\ ср}, \quad (11)$$

где $N_{ош\ пр}$ и $N_{ош\ ср}$ – количество нерешенных ТЗ, простых и средней сложности соответственно.

Доля решенных ТЗ в этом случае:

$$\frac{N_p}{N} = \alpha_{пр}^* + \alpha_{ср}^* = \frac{N_{р\ пр}}{N_{пр}} \cdot \alpha_{пр} + \frac{N_{р\ ср}}{N_{ср}} \cdot \alpha_{ср} \equiv \beta_{пр} \cdot \alpha_{пр} + \beta_{ср} \cdot \alpha_{ср}.$$

С учетом ошибок первого рода и угадывания верных ответов:

$$N_p = N_{р\ пр} - N_{прI} + N_{уг\ пр} + N_{р\ ср} - N_{срI} + N_{уг\ ср}, \quad (13)$$

где $N_{уг\ пр} = \rho_{прII} \cdot (N_{пр} - N_{р\ пр})$ и $N_{уг\ ср} = \rho_{срII} \cdot (N_{ср} - N_{р\ ср})$ –

количество угаданных правильных ответов соответственно на простые и средней сложности ТЗ, $\rho_{прII}$ и $\rho_{срII}$ – соответственно средние вероятности угадывания (ошибок решения первого рода) простых и средней сложности ТЗ.

Выражение для расчета порога оценки «удовлетворительно» будет отличаться от выражения (10) учетом доли самостоятельно решенных заданий и вероятности угадывания верных ответов:

$$\Pi_{уд} = [\alpha_{пр} \cdot \beta_{пр} \cdot (1 - \rho_{прI} + \rho_{прII}) + \alpha_{ср} \cdot \beta_{ср} \cdot (1 - \rho_{срI} + \rho_{срII})] \cdot 100\%. \quad (14)$$

Проблемой применения выражения (14) является то, что вероятность угадывания верных ответов ТЗ испытуемыми с различными уровнями подготовленности различна. Например, при решении ТЗ с выбором единственно верного ответа тестируемые с более высоким уровнем подготовки могут исключить из количества угадываемых вариантов ответа большее количество дистракторов, сведя это количество до двух-трех и повысив тем самым среднюю вероятность угадывания примерно до 0,4 [9, 12]. В то же время обучающиеся, попадающие в категорию «троечников», характеризуются наиболее сильной по сравнению с категориями более успешных обучающихся дифференциацией – от хронически неуспевающих до «почти «хорошистов». Это же обстоятельство приводит к тому, что для слабо подготовленных испытуемых возрастает вероятность ошибки первого рода. Например, испытуемый может не воспринять незнакомый ему термин, используемый при формулировании ТЗ и являющийся эквивалентом известного ему термина. В связи с этим рекомендуется трактовать возможные дополнительные ошибки первого и второго рода в пользу испытуемых, т.е. определять в выражениях (8), (10) и (14) значения вероятностей ошибок первого рода по верхней границе их оцениваемого диапазона, а значения вероятностей ошибок второго рода в выражении (14) – по нижней границе.

Заключение. При использовании КТОУДО важно накапливать, обобщать и анализировать эмпирический материал, сопоставлять вносимые в тесты коррективы с изменением достоверности получаемых оценок на возможно большем объеме данных с учетом задач тестирования, контингента, предметных областей и иных дидактических условий. Это не только обеспечит корректность применения статистических методов обработки полученных данных, но и послужит постепенному вытеснению как из уже используемых КТОУДО, так и из процедур разработки новых тестов эвристической компоненты и замещения ее статистическими или явными математическими моделями.

1. Булгаков О.М., Гривенная Е.Н., Дедикова А.О. Сравнительный анализ надежности тестовых заданий методом экспертного моделирования решения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 1. С. 129–136.

2. Попов Д.И., Попова Е.Д. Экспертиза качества тестовых заданий: учеб. пособие. М., 2008.

3. Крокер Л., Алгина Дж. Введение в классическую и современную теорию тестов: учеб. / пер. с англ. Н.Н. Найденовой, В.Н. Симкина, М.Б. Чельишковой; под общ. ред. В.И. Звонникова, М.Б. Чельишковой. М., 2010.

4. Маслак А.А. Теория и практика измерения латентных переменных в образовании. М., 2016.

5. Ким В.С. Тестирование учебных достижений. Уссурийск, 2007.

6. Летова Л.В. Объективность измерений латентных переменных // Дистанционное и виртуальное обучение. 2014. № 3. С. 83–94.

7. Ефремова Н.Ф. Тестовый контроль в образовании: учеб. пособие. М., 2005.

8. Булгаков О.М., Ладыга А.И. Тестирование остаточных знаний обучающихся. Краснодар, 2021.

9. Булгаков О.М., Старостенко И.Н., Хромых А.А., Дедикова А.О. Модели оценки качества тестов для контроля знаний. Краснодар, 2021.

10. Лопаткина Е.В. Современные средства оценивания результатов обучения: учеб. пособие. Владимир, 2012.

11. Булгаков О.М., Дедикова А.О. Практические рекомендации по обеспечению достоверности оценивания учебных достижений обучающихся компьютерными тестами // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2021. № 65. С. 25–28.

12. Булгаков О.М., Дедикова А.О. Математическая модель контроля безотказной работы теста для проверки знаний // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 45–55.

1. Bulgakov O.M., Grivennaya E.N., Dedikova A.O. Comparative analysis of tests assignments reliability by expert decision modeling method // Bulletin of the Krasnodar University of Russian MIA. 2023. No 1. P. 129–136.

2. Popov D.I., Popova E.D. Examination of the quality of test tasks: study aid. Moscow, 2008.

3. Crocker L., Algina J. Introduction to classical and modern test theory: textbook / transl. from English by N.N. Naydenova, V.N. Simkina, M.B. Chelyshkova; gen. ed. by V.I. Zvonnikov, M.B. Chelyshkova. Moscow, 2010.

4. Maslak A.A. Theory and practice of measuring latent variables in education. Moscow, 2016.

5. Kim V.S. Testing educational achievements. Ussuriysk, 2007.

6. Letova L.V. Objectivity of measurements of latent variables // Distance and virtual learning. 2014. No 3. P. 83–94.

7. Efremova N.F. Test control in education: study aid. Moscow, 2005.

8. Bulgakov O.M., Ladyga A.I. Testing students' residual knowledge. Krasnodar, 2021.

9. Bulgakov O.M., Starostenko I.N., Khromykh A.A., Dedikova A.O. Models for assessing the quality of tests for knowledge control. Krasnodar, 2021.

10. Lopatkina E.V. Modern means of assessing learning outcomes: textbook. Vladimir, 2012.

11. Bulgakov O.M., Dedikova A.O. Practical recommendations for ensuring the reliability of assessing students' educational achievements using computer tests // National Association of Scientists (NAU). 2021. No 65. P. 25–28.

12. Bulgakov O.M., Dedikova A.O. Mathematical model for monitoring the failure-free operation of a test for testing knowledge // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No 2. P. 45–55.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Булгаков Олег Митрофанович, доктор технических наук, профессор, первый заместитель начальника Краснодарского университета МВД России; e-mail: ombfrier@yandex.ru;

Гривенная Елена Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, начальник отдела мониторинга реализации образовательных программ управления учебно-методической работы Краснодарского университета МВД России; e-mail: lady-docc@yandex.ru;

Дедикова Анна Олеговна, учитель математики и физики МБОУ ОЦ «Содружество»; e-mail: dedikova_a_o@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

O.M. Bulgakov, Doctor of Technics, Professor, First Deputy Chief of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ombfrier@yandex.ru;

E.N. Grivennaya, Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Chief of the Section for Monitoring the Implementation of Educational Programs of Educational and Methodological Department, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: lady-docc@yandex.ru;

A.O. Dedikova, Teacher of Mathematics and Physics, Municipal State-funded Educational Institution, Educational Center "Sodruzhestvo"; e-mail: dedikova_a_o@rambler.ru

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ Р 7.0.60-2020 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53945
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 28.03.2025
Выпуск в свет 04.04.2025
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 12,0
Тираж 150 экз. Заказ 337
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249